

Тайны Иссык-Куля

Виктор Кадыров

84047
К-13

Виктор Кадыров

ТАЙНЫ ИССЫК-КУЛЯ

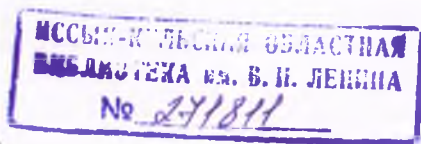
84Кел 4
К-13

Виктор Кадыров

Тайны Иссык-Куля

Повесть, рассказы, очерки

РАРИТЕТ

2014

УДК 821.51
ББК 84Ки 7-4
К 13

Кадыров Виктор

К 13 Тайны Иссык-Куля. – Б.: Раритет, 2014. – 252 с., ил.

ISBN 978-9967-455-13-9

Настоящий сборник «Тайны Иссык-Куля» включает в себя продолжение одноименной документальной повести, первая часть которой была опубликована в сборнике «Родиться в небесах», вышедшем в свет в 2013 году. Повесть рассказывает о путешествиях автора по Киргизии в поисках загадочных петроглифов, некогда обнаруженных школьным учителем. В ходе поисков автор пытается разгадать и другие тайны истории, связанные с озером Иссык-Куль.

Помимо повести в сборник вошли рассказы, написанные автором в 2013 году. Герои этих рассказов попадают в экстремальные ситуации, когда их жизни угрожает смертельная опасность.

Включенные в книгу очерки знакомят читателя с некоторыми уголками Индонезии, увиденными глазами автора.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К 4702300100-14

УДК 821.51
ББК 84Ки 7-4

ISBN 978-9967-455-13-9

© Издательство «Раритет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНЫ ИССЫК-КУЛЯ.....	4
<i>Вторая книга.....</i>	<i>6</i>
Первая глава	6
Вторая глава	20
Третья глава	26
Четвертая глава	37
Пятая глава	44
Шестая глава	52
Седьмая глава	58
Восьмая глава	68
Девятая глава	73
Десятая глава	77
Одиннадцатая глава	80
Двенадцатая глава	85
Тринадцатая глава	88
Четырнадцатая глава	91
Пятнадцатая глава	95
Шестнадцатая глава	106
Семнадцатая глава	111
Восемнадцатая глава	119
<i>Третья книга.....</i>	<i>130</i>
Первая глава	130
Вторая глава	136
Третья глава	141
Четвертая глава	151
Пятая глава	159
Шестая глава	161
Седьмая глава	165
Восьмая глава	171
Девятая глава	180
РАССКАЗЫ	186
<i>Премия Дарвина</i>	<i>187</i>
<i>Быть волком</i>	<i>202</i>
ДАЛЕКАЯ ИНДОНЕЗИЯ	220
Луна-рыба и морской дьявол	222
Жемчужина Папуа и необычные акулы	234
ПОЛЬЗА ЧТЕНИЯ	245

Действующие лица:

Горовой

Маша

ТАЙНЫ ИССЫК-КУЛЯ

Дудашвили

Громова

Жуканин

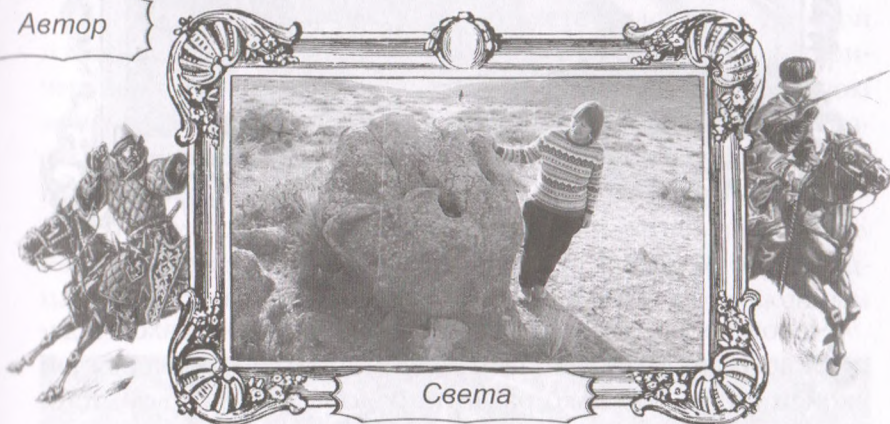

Автор

Лужанский

Света

Черкасов

Плоских

Аида

Первая глава

Человечество, казалось, сошло с ума. Оно со страхом ждало 21 декабря 2012 года. На этот день был намечен очередной «конец света». Сколько раз его предсказывали за всю историю цивилизации, сказать сложно, но время от времени этот психоз охватывал людей и многие даже лишали себя жизни, страшась вселенской катастрофы.

Вот и теперь, по мере приближения «часа X», напряжение в обществе нарастало. Конечно, нормальные люди понимали, что «конец света» нужен мировым правительствам для того, чтобы отвлечь население от реальных проблем и политической борьбы. Коммерсанты пытались создать ажиотаж вокруг «надвигающегося апокалипсиса», чтобы получить дополнительную прибыль. В ход пошли «наборы для конца света», постройка специальных бункеров, продажа билетов в «места, которые уцелеют после катастрофы», и многое другое.

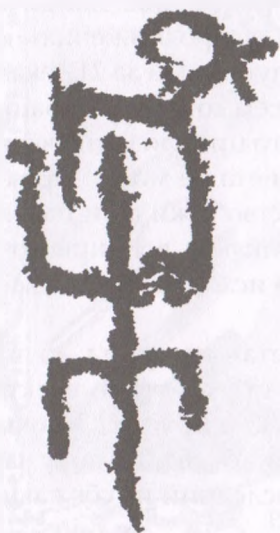
А началось все с древнего календаря майя. На дате 21 де-

кабря 2012 года он заканчивался. Объяснения, например, такие: «на камне места не хватило для продолжения» или «есть другие календари майя с последующими за 21 декабря датами», народом не принимались. Всем хотелось «страшного и ужасного» конца. Вспоминали, что цивилизация вконец испортила экологию Земли, что планета не может прокормить все увеличивающееся человечество, ожидали падения астероида, тотального извержения вулканов, всемирного потопы, чего угодно, только не мирного исхода дня 21 декабря 2012 года.

У нас, в Кыргызстане, «конец света» наступил до этой пугающей даты. Казахи отключили газ, а старые электрические сети не выдержали возросшей нагрузки. За окном минус двадцать, а в квартирах ни газа, ни света, впору запастись кизяком, как советовал нам последний из сбежавших президентов.

Я просматривал рукопись Черкасова «Охота в наскальных изображениях Северной Киргизии». В ней было четырнадцать глав, посвященных разным видам охоты, изображенным

на петроглифах, найденных и изученных Николаем Дмитриевичем и его учениками. Например, «Охота из лука», «Охота с загоном», «Травля собаками», «Капканы» и другие. Мое внимание сразу привлекли две темы: «Ящероподобные охотники» и «Охота с бумерангами». Я встречал подобные изображения на камнях, но предполагал, что на них показан зверь, возможно, барс или тигр в прыжке на дичь. Черкасов датировал их неолитом и видел в них рисунок охотника в шкуре, маскирующегося под зверя. Упоминание о бумерангах вызвало у меня удивление: «Неужели у нас

в древности тоже были бумеранги?! Ведь ими как орудием для охоты пользовались, кажется, только аборигены Австралии». Просмотрев литературу, я понял, что бумеранг – одно из самых древних видов оружия. Он был распространен и в Азии, и в Европе, и в Африке, и в Америке. Он исчез с изобретением лука как более мощного и точного оружия. В Австралии же аборигены так и не узнали, что такое лук.

Вчитываясь в описания многофигурных петроглифов, я поражался могучему воображению Черкасова. Там, где я видел лишь фигуры животных и людей, Николай Дмитриевич различал мужчин и женщин, принадлежащих к разным тотемным группам или фратриям, зверей-манщиков и зверей-добычу. Он описывал то, что происходит на рисунке, и петроглиф оживал. Бежали преследуемые звери, попадая в силки или в расставленные сети. Яростно лаяли собаки, загоняя дичь. Натягивали луки охотники, целясь в жертву. Совершали ритуальные танцы удачливые охотники и охотницы в знак благодарности своим тотемам за помощь в охоте. Начинал появляться смысл в запутанных, непонятных

другими глазами посмотреть на наскальные рисунки. Я чувствовал, что мне откроется новый мир, доселе невиданный мной.

Но в рукописи нигде не упоминалось о таинственных петроглифах, зарисовки которых я видел у художника Горюхова и которые я безуспешно искал все лето. Неужели они плод воображения Черкасова?! Я вспомнил слова Радия: «Все, что есть на кальках, есть или было в действительности. Николай Дмитриевич ничего не выдумывал!» Тут же передо мной возникли образы ученых-археологов, занимавшихся изучением петроглифов. Они с досадой говорили: «Он же фантазер! Это мистификация чистой воды! Черкасов сошел с ума!» Я представил себе их надменно-презрительные лица и ядовитые замечания: «Это работа не ученого, а дилетанта! Выдумал – бумеранги в Азии!» Возможно, написанное Черкасовым отличалось от научной монографии настоящего ученого. Вероятно, Николай Дмитриевич должен был писать более осторожно и расплывчато. Не утверждать, а предполагать, допускать, строить догадки, писать с оглядкой. Но Черкасов был совершенно другого склада ученый. Подобно Циолковскому, Вернадскому, Ефремову, он мог силой ума и воображения создавать целые миры, видеть то, что скрыто от глаз. Огромный архив, оставленный им, – свидетельство титанического многолетнего труда. Сотни километров пройденных дорог, тысячи найденных наскальных изображений, десятки часов упорного копирования их на кальку, дни и месяцы изучения, горы прочитанных книг. Все ли современные ученые могут похвастаться тем же? Во мне поднялась волна протеста. Работа Черкасова не должна пропасть втуне! Я постараюсь доказать, что он не фантазер! Камень с таинственными петроглифами просто обязан существовать, я в этом уверен!

Я стал просматривать другие папки, переданные мне Табалдиевым. В одной было несколько ученических тетрадей, озаглавленных «Описи». Листаю тетради: «Чумыш 1951–1959», «Опись А 1951–1960», «Опись 1963». Отдельно «Описи

рисунков Орнёк, Чолпон-Ата, Долинка и таблица о 28 находениях наскальников в Кыргызстане. Статья о Марре Н. Я.» Просматриваю эту тетрадь. В ней нет таблицы и статьи. Видимо, они были вложены на отдельных листах. Следующая тетрадь названа просто «Описи».

С бьющимся сердцем я принялся изучать эти описи. Возможно, среди них есть описания интересующих меня камней. Тексты написаны разными почерками. Видимо, теми детьми, которые обнаружили тот или иной петроглиф. Муравьев, Кузнецов, Исмагулина, Качева, Дегтерев, Винник, Канава, Корнев, Кочнев – записи пестрят фамилиями. Сколько же ребят прошли вместе с Николаем Дмитриевичем по горным тропам в поисках наскальных рисунков? Фамилия Винник мне знакома – был такой известный киргизский археолог. С его именем связаны многие открытия в нашей республике.

Я нашел в одной из тетрадок описание большого орнёкского оленя, камень был обозначен номером 145. К моему удивлению, 146 номер был присвоен камню в ущелье

Чичкан. Это больше двухсот километров от Орнёка! Хотя, возможно, и на Иссык-Куле есть ущелье с подобным названием. Шаркарытма, Кара-Суу, Ак-Суу, Сары-Булак, Каракол и прочие тюркские названия географических объектов часто встречаются в топографии Кыргызстана. Следующими номерами были обозначены камни, расположенные там же, на Чичкане. Лишь камни начиная со 151 номера находились в Орнёке. Петроглиф под номером 164 заинтересовал меня: «Большой козел-кулан. Справа охотник с луком, кинжалом. Много других фигур, включая рыб, змей, сцены борьбы зверей и т. д.» Вот и вся информация. Никаких указаний, где конкретно расположен камень, нет.

Я просмотрел оставшиеся документы. Не найдя среди них ни карт, ни топографических схем с номерами валунов, я задумался. Судя по тому, что я увидел, Черкасов вел скрупулезную описательную работу найденных рисунков. Схемы обязательно должны были быть. Возможно, они находились в других папках, хранящихся у Кубата Табалдиева.

Вчитываясь в описания петроглифов, я напряженно

искал упоминания о необычных рисунках. Но таких заметок не было. Я вновь перечитал описание петроглифа под номером 164. Ведь там тоже были удивительные картины! Простая сухая запись: «много других фигур...», никаких эмоций. Может быть, дети находили столько подобных петроглифов, что они уже не вызывали удивления у юных археологов? Куда же теперь они, эти рисунки, делись?! Почему мне ни разу не попадались наскальные рисунки, выполненные подобным образом? Или я их просто не замечаю?!

В голове зашевелилась предательская мыслишка: «Может быть, загадочные петроглифы все же выдуманы Черкасовым?» Возможно, он мечтал найти что-нибудь необычное и в какой-то момент решил на мистификацию? Почему нет фотографий этих загадочных рисунков? Почему их описаний нет в рукописи Черкасова? В моей голове роились тысячи вопросов.

В следующей папке были фотографии камней с петроглифами. Я быстро просмотрел пачку старых снимков. Обычные наскальные рисунки с козликами и охотниками. По несколько дублей на один петроглиф. Вряд ли бы Черкасов, найдя удивительные изображения, тщательно не описал бы

их и не сфотографировал. Это было не в его характере. И все же ни одной фотографии со знакомыми рисунками я не обнаружил. Как будто кто-то их тщательно отобрал и удалил из архива. Кто это мог быть? Но может быть, они у Табалдиева? Или у Громовой? Говорили, что она забрала с собой все материалы по таинственному камню. Однако у нее я уже спрашивал о фотографиях. Ответ ее был отрицательным.

Опять червь сомнения зашевелился в моей душе. Я вновь и вновь перечитывал описи петроглифов, выискивая необычные описания.

Описание камня под номером 25 привлекло мое внимание: «Олень с вписанной по туловищу фигурой кошачьего хищника. Впереди охотник с луком, сзади верховой с арканом и др. рис.» Сложные рисунки – вот что мне надо! Следующий заинтересовавший меня петроглиф обозначен: «Чолпон-Ата. Номер 37. Долинка. Олень, орнаментированный по туловищу изображением быка и др. животных». Рядом более пространное описание: «Номер 73. Долинка. Олень, орнаментированный по туловищу фигурками кулана, быка и др. животных». А вот что-то еще более интересное: «Человек в длинной одежде несет на плечах козу и козленка, головами, поставленными в разные стороны. Фигуры козы и козленка вместе составляют косой ряд трех идущих собак. Слева, как бы с плеч человека, свешиваются две медвежьи головы. Справа схематическое изображение двухголовой собаки в прыжке на круп оленя. Правее контурный орнаментированный олень, составленный из комбинации двух оленей, стоящих сверху вниз один над другим. По туловищу первого оленя показан бегущий заяц. Рога «тройного» оленя – схематический набросок фигур трех собак. Голова человека с косой или чубом совпадает с задней ногой козы. Руки человека по линии чуть поднятых плеч расставлены в стороны, а с локтя опущены вниз». Камень под номером 151, Орнёк. Где же мне найти графическое изображение этого камня? Я вспоминаю о кальках. Скорее всего, все эти петроглифы скопированы и могут лежать среди груды старых калек. Но

лишний раз открывать их опасно. Пересушенная бумага рвется и рассыпается. Необходимо было принять меры по их реставрации. Я вновь обратился к описям.

Наверное, у меня было предвзятое чувство, но мне казалось, что именно в Орнёке можно найти необычные петроглифы. Я продолжал читать описания.

Камни под номерами 152, 153, 154 – везде описания сложных изображений. Неужели их так много? Может быть, они расположены в той части предгорной долины, где лежат руины неолитического поселения и где я еще не был?

Я прочитал описание 155 петроглифа: «Сцена рождения ребенка. Сохранилась нижняя часть фигуры женщины в длинной одежде до пят. Ноги этой фигуры сливаются с головой и рукой ребенка. В центре сцены – посвящение юноши в воины. Четырехногий человек, в одежде до колен и в трехрогом головном уборе с ушами, вручает правее стоящему без одежды человеку лук. Молодой воин правой рукой принимает оружие, а левой подбоченился. Справа – сцена пастьбы коз с собаками. Пастух стоит в длинной, ниже колен одежде, с бритой головой, с мечом или топором за поясом. Он приподнял плечи и расставил в стороны согнутые в локте руки. Между первой и второй сценками сложная композиция сакского типа – сцены борьбы зверей, различные животные, птицы и рыбы». Камень расположен вблизи Орнёка!

Фантастика! Я нигде не встречал подобных описаний. Они были не похожи на научные отчеты, поэтому, наверное, Академия не приняла бумаги Черкасова, считая их выдумкой школьного учителя. Видимо, никто из ученых тогда так и не удосужился поехать в Орнёк и лично изучить наскальные рисунки. А теперь нет ни одного специалиста, кто мог бы внятно объяснить, где и какие петроглифы у нас в Кыргызстане есть! А ведь эта наскальная живопись могла бы стать интересным туристическим объектом и достоянием страны!

Я решил еще раз просмотреть фотографии петроглифов из архива Черкасова. Может быть, среди них есть те, описания которых меня заинтересовали.

В первый раз я просмотрел эти снимки быстро, надеясь отыскать знакомые загадочные рисунки, копии которых изучил досконально. Теперь я рассматривал фотографии внимательно, стараясь найти в них что-нибудь необычное.

Сцены охоты, классические изображения оленей, козлов, охотников с луками, верблюдов, всадников – все это я видел не раз в горах и предгорьях Кыргызстана. Правда, неоднократно видимые мной изображения уже воспринимались по-другому. После прочтения рукописи Черкасова отдельные фигуры складывались в цельные картины, рисунки приобретали смысл. Как бы ни ругали ученые Николая Дмитриевича, но его огромная заслуга в том, что он заставляет людей думать, включать свою фантазию.

Несколько фотографий заставили меня взять лупу. На одном снимке было изображение оленя с непонятными широкими рогами, похожими на языки пламени костра. Вокруг него виднелись переплетающиеся линии, значение которых было не ясным. Сквозь увеличительное стекло я рассмотрел, что было два изображения оленей. Они были наложены друг

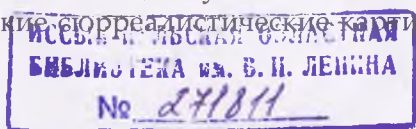
на друга так, что головы оленей совпадали, а их туловища, одно большое, второе поменьше, расходились под углом. Большой олень бежал выше, олень поменьше, казалось, застыл от неожиданности на месте, пониже первого. Обратив свой взор на заднюю лапу большого оленя, я понял, что она, вместе с прилегающими линиями, образует изящную голову какого-то зверя, возможно, кабана. Взволнованный, я положил снимок в планшетный сканер. Отсканировав его, я смог с помощью компьютера увеличить его резкость, размеры и рассмотреть мельчайшие детали.

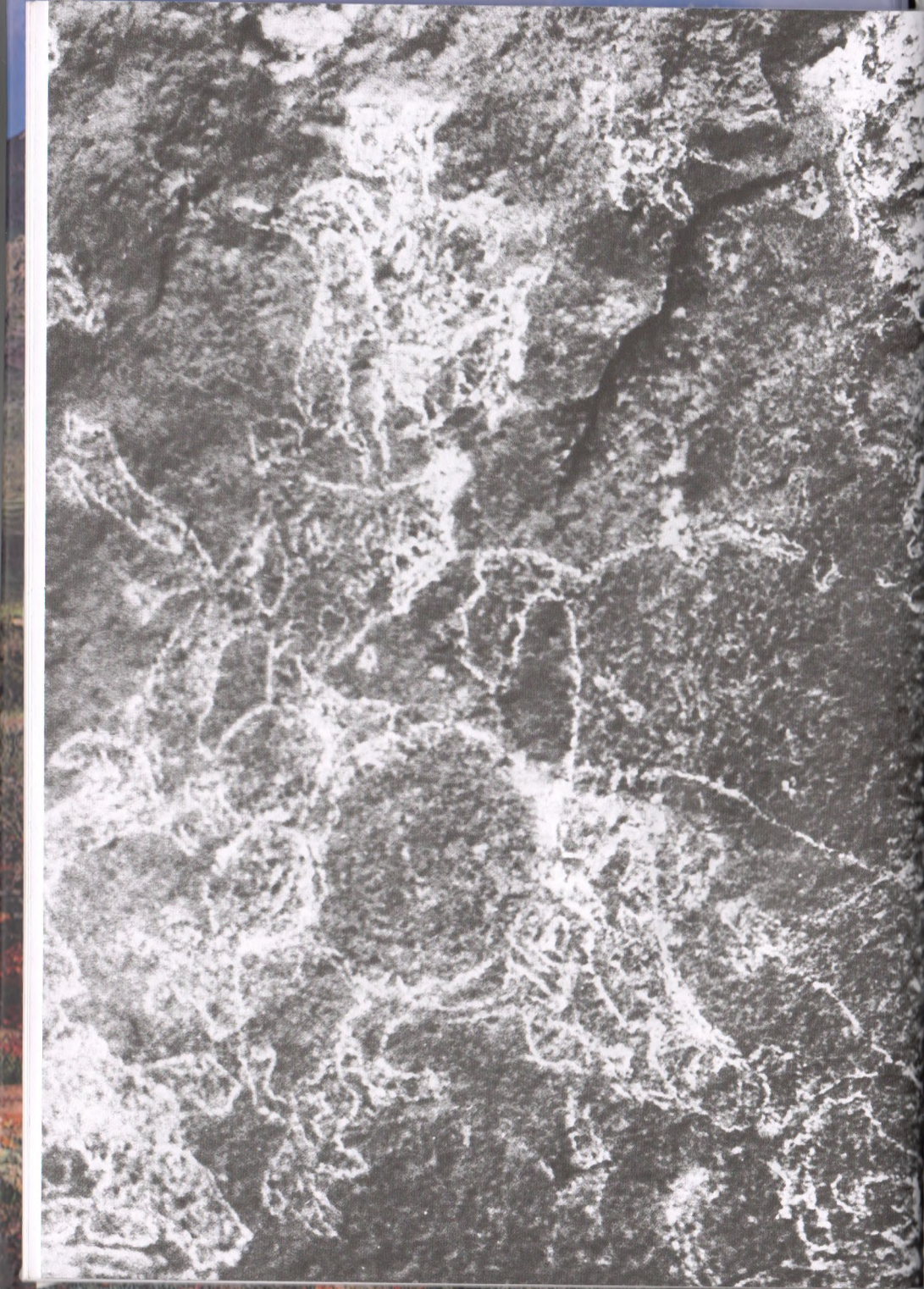
Я немного поработал с изображением. Изменил его тональность: затемнил темные участки петроглифа и осветлил светлые. Добавил контрастность и резкость.

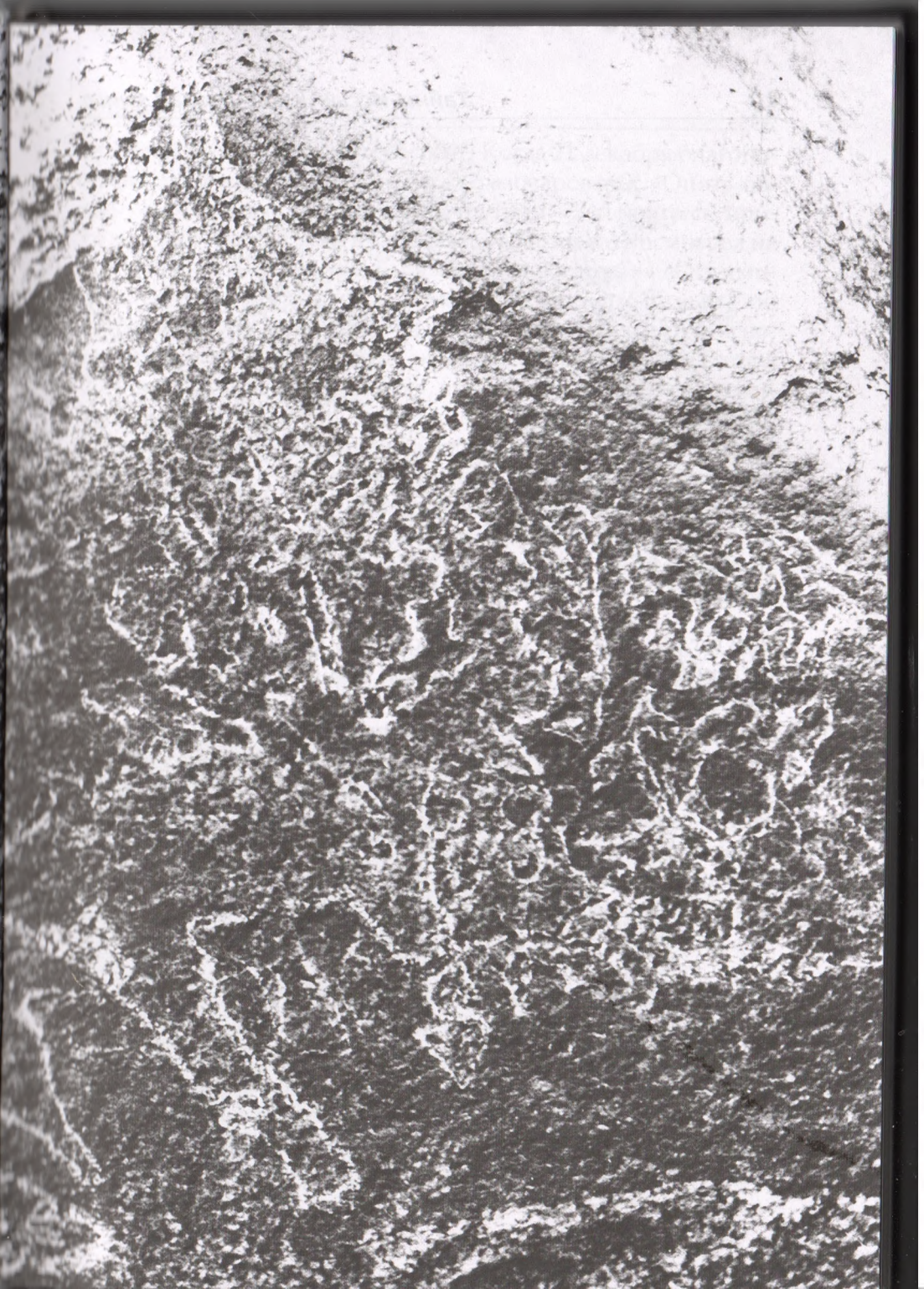
Олени теперь четко выделялись в центре композиции. Лучше стал просматриваться и кабан. Чуть выше и левее отчетливо была видна голова лающей собаки. На ней красовалась шапка в виде головы оленя. Выше – изображения двух уток. Голова еще одной собаки с огромным глазом выглядела из нижнего левого угла снимка.

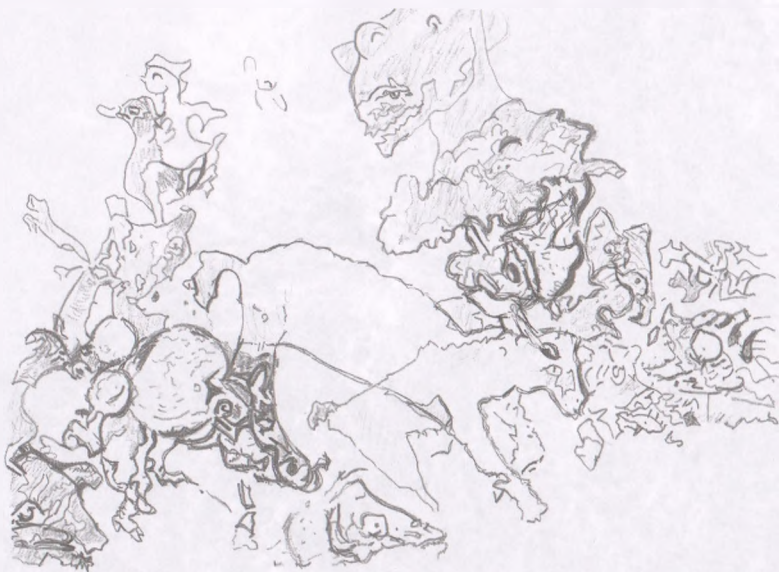
Чем больше я всматривался в фотографию, тем больше изображений разных существ находил на ней. По всей композиции шли овальные и круглые детали, которые ассоциировались с глазами. Воображение дорисовывало то или иное создание. Вскоре уже мне в переплетениях линий мерещились рыбы, олени и даже неведомые животные, похожие на динозавров. Я понял, что, только найдя сам камень, смогу разобраться в скрытом смысле этого петроглифа. Ведь на старом снимке была лишь часть рисунка. Хорошо бы увидеть композицию целиком.

Жаль, что на снимках не было указано местоположение камней. На нескольких, отобранных мною фотографиях были рисунки, выполненные в подобном же стиле. Они были не выбиты в камне или на слое загара, а начертаны, словно мелом на черной доске, и заштрихованы в некоторых местах. Рисунки были выполнены, безусловно, величайшим мастером. Создавать такие сюрреалистические картины, на

мой взгляд, под силу лишь художнику сродни Морису Эшеру или Сальвадору Дали. Когда и кем они выполнены? Существуют ли рисунки до сих пор?

Мою душу, несмотря на скудность информации, переполняла радость. Петроглифы были на самом деле! Это не плод фантазии Черкасова, и снимки подтверждают их существование. Теперь я не сомневался, что смогу их разыскать. Надо только дожждаться весны. А пока я буду продолжать изучать архив Николая Дмитриевича. В нем кроется еще много загадок, а возможно, есть и ответы на мои вопросы!

Вторая глава

Несмотря на отчаянные усилия СМИ создать массовый психоз перед грядущей вселенской катастрофой, панике поддались лишь самые слабонервные. Кто-то из них закупал спички и свечи, соль и муку, кто-то собирался в аномальных зонах земли, предполагая спастись там от всемирного потопа или какого-нибудь другого стихийного бедствия. Остальные с любопытством ожидали «рокового дня» – вдруг и впрямь

произойдет что-либо интересное?! Когда 21 декабря благополучно закончилось, многие были разочарованы: «Опять обманули!» Веселые кыргызстанцы шутили: «Успокойтесь, приходил ваш Конец Света в Кыргызстан. Пришел, посмотрел на все и говорит: «Я тут уже был!» и ушел восвояси!» «Оптимисты» уверяли, что конец света наступит через две недели – по старому стилю календаря. Некоторые вспомнили про ясно-видящую Вангу и о том, что она предсказывала конец света в 2036 году. В тот год ожидается, что в Землю врежется огромный астероид Апофис диаметром 325 метров. Вероятность столкновения ученые оценивают как 1:250 000. Специалисты НАСА, после очередного сближения Апофиса с Землей 9 января 2013 года, уточнили его параметры и сделали вывод – в 2036 году астероид пройдет мимо нашей планеты. Начали даже готовить экспедицию автоматических станций на этот астероид с целью его детального изучения и установки на нем радиомаяка. К моменту очередного сближения с астероидом люди Земли наверняка будут знать, как предотвратить катастрофу, даже если ее вероятность окажется высокой.

Я же продолжал работать с архивом школьного учителя. В папках оказались рефераты юных археологов, посвященные наскальным рисункам. В детских работах сквозила коммунистическая идеология, даже петроглифы рассматривались с точки зрения классовой борьбы. «Торжество советской науки», «советские ученые доказали» – подобные выражения воспринимались как догмы. Но в целом было видно, что рефераты написаны с неподдельным интересом, а не для «галочки». Ученики живо и с фантазией описывали сцены, изображенные на петроглифах. Мне представилось, как они увлеченно обсуждают содержание рисунков со своим любимым учителем. Я мысленно видел их горящие глаза. Занятия в археологическом кружке были их страстью, которая наполняла смыслом их юные жизни.

Мне попались фотоснимки детей. На одном из них они изучают рисунки Чумыша. На другом – Приисыккуля. На остальных дети калькируют петроглифы, отдыхают после работы в лагере, купаются в озере. И везде с ними невысокий мужчина с волнистыми волосами, бровастый, плотного те-

досложения. Это – Черкасов. Николай Дмитриевич – ровесник двадцатого века, родился в 1901 году. В 50-х – 60-х годах он – уже зрелый мужчина, прошедший через необоснованное обвинение в антисоветской деятельности и два года проведенный в заключении, на удивление оставшийся преданным коммунистом, всегда с волнением вспоминая речи Ленина, которые слышал из уст вождя пролетариата на съездах и конференциях.

Николай Дмитриевич был романтиком и передавал свою любовь к путешествиям и поискам неизвестного детям. Они единственные, кто без оглядки на его прошлое «врага народа», без стеснения общались с ним, дарили ему свою любовь и восхищение. Неудивительно, что этот энергичный человек, полный вдохновения и оптимизма, в конце концов нашел свое счастье. Его спутницей жизни стала Елена Михайловна Скачкова – художница, единомышленница Николая Дмитриевича. Она была участницей его походов, фотографом, оформителем экспозиций в школьном музее, помощницей во всех делах мужа. Мне до этого попадались фотографии

музея Черкасова, и я обратил внимание на композицию выставленных экспонатов. Видно было, что над ней работал специалист. Теперь я понял, кто был автором оформления музея.

Хотя Елена Михайловна была моложе Николая Дмитриевича на 20 лет, она недолго прожила после его кончины в 1983 году. Елена Михайловна не представляла себе жизнь без любимого мужа...

У Николая Дмитриевича была дочь от первого брака, 1924 года рождения. В 1937 году, после расстрела матери, она попала в семью брата Черкасова и воспитывалась там. Встретиться с ней Черкасов смог лишь после войны, после того, как был полностью реабилитирован. Инесса, его дочь, тогда уже была взрослым человеком и у нее была своя жизнь. Она так и осталась жить в Москве, но связь с отцом поддерживала.

Сколько судеб было сломано в годы репрессий, сколько жизней было смято и растоптано во имя светлого коммунистического будущего... Практически с первых дней советской власти большевики ввели «красный террор» для удержания власти, иначе бы недовольное население смело их с политической арены. Ленин поощрял «энергию и массовидность террора»; всех несогласных расстреливали «без суда и следствия», «не руководствуясь никакими юридическими нормами». Я вспомнил о царской семье, великих князьях и княгинях, министрах и офицерах, генералах и адмиралах, церковных служителях и культурных деятелях, о расстрелянном поэте Николае Гумилеве. В течение 1917–1922 годов было казнено около 140 тысяч человек. За годы сталинских репрессий, по некоторым оценкам, было арестовано 1,58 миллиона человек, из которых расстреляно 682 тысячи. К этим цифрам надо прибавить членов семей осужденных и расстрелянных. Их жен и детей, родственников, превратившихся в одночасье во «врагов народа». А люди все равно продолжали верить в светлое будущее и в вождей народов.

И Николай Дмитриевич не озлобился, не возненавидел советскую власть, а с головой ушел в мир истории, в романтику

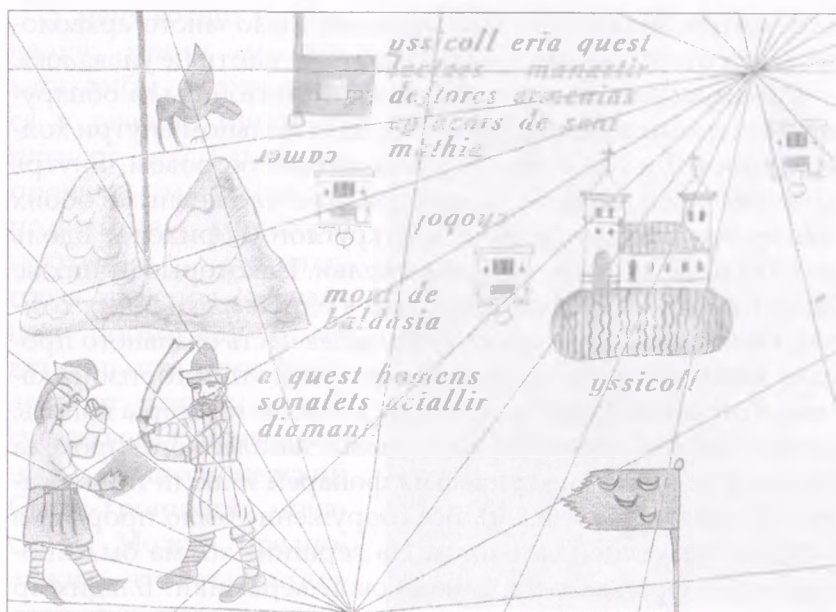

археологических открытий, походной жизни, окунулся в общение с юными учениками. Черкасов был счастливым человеком. Он занимался любимым делом, и его окружали единомышленники и последователи. Конечно, Черкасову хотелось признания его открытий и трудов высокими учеными мужами, но судьба распорядилась по-своему. Работа его не была опубликована, музей разворован, а в нем, судя по сохранившимся фотографиям, были очень редкие и интересные образцы, например, сакские мечи-акинаки с фигурными рукоятями. То, что хранится у Табалдиева, лишь часть огромного наследия Черкасова. Кое-что есть у Радия, что-то может быть у Громовой, и в музее Кыргызско-Российского Славянского университета хранится большая коллекция калек, а где еще могут оказаться документы из архива школьного учителя?

Я всматривался в размытые старые фотоснимки петроглифов и думал о том, что надо непременно разыскать запечатленные на них камни. Тогда можно будет сделать новые фотографии и заинтересовать специалистов-археологов. Именно они должны явить миру необычные, загадочные композиции иссык-кульских петроглифов. Это привлечет внимание к нашей стране, даст людям возможность прикоснуться к загадочному прошлому человечества.

Третья глава

Еще одна тайна, связанная с озером Иссык-Куль, занимала меня. В молодости я читал книгу Петра Семенова-Тян-Шанского о его путешествии на Тянь-Шань в 1857–1858 годах. В ней путешественник упоминал о Каталонской карте, виденной им в Венеции. На ней был помечен христианский монастырь, расположенный на берегу озера Иссык-Куль. Карта датировалась 1375 годом. Семенов назвал монастырь несторианским. Ученый выдвинул предположение, что в XII веке христиане-несториане, спасаясь от преследования, попали в Центральную Азию и основали монастырь на берегу Иссык-Куля. Во время путешествия Семенов искал следы

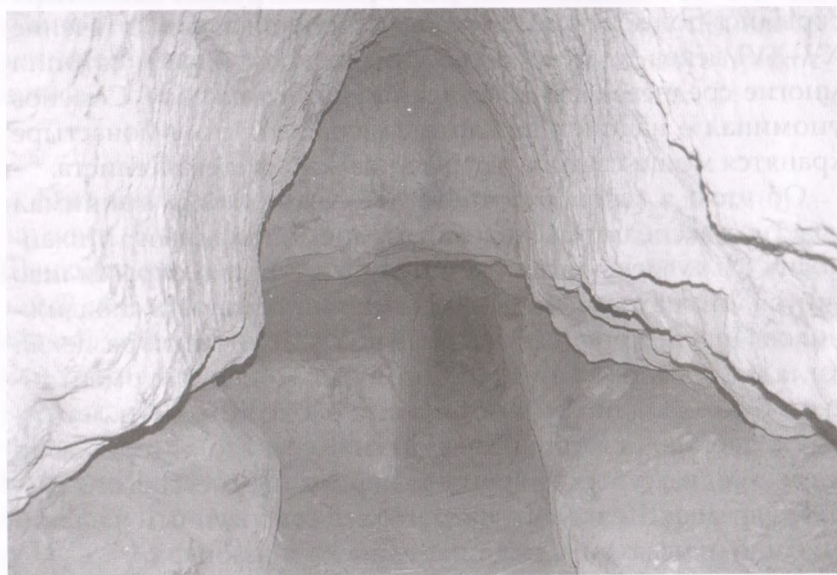

этого строения по берегам Курментинской бухты, но ничего не нашел. Возможно к тому времени руины монастыря скрылись под водами Иссык-Куля. Действительно, в течение XV–XVI веков уровень озера сильно повысился и затопил многие средневековые поселения Прииссыккуля. Семенов упоминал о надписи на карте, гласившей, что в монастыре хранятся мощи святого Матфея – апостола и евангелиста.

Об этом я вспомнил много лет спустя, когда принимал участие в экспедиции академика Плоских. Владимир Михайлович был увлечен поисками руин монастыря, справедливо считая, что находка мощей одного из апостолов и сподвижников Иисуса Христа всколыхнет весь мир. Ученый разделял взгляды Семенова-Тян-Шанского и вел поиск в Курментинской бухте. Владимир Михайлович около тридцати лет отдал изучению истории озера Иссык-Куль. Его интересовало и сакское, и усуньское время, и период средневекового расцвета времен Шелкового пути. Но его сокровенным желанием было отыскать следы таинственного монастыря.

В жизни Владимира Михайловича было много археологических открытий, но следы монастыря найти не удавалось.

Однажды рядом с Курментинской бухтой были обнаружены подземные катакомбы. Они шли кольцом внутри холма, который в XIX веке был небольшим островом. Внутри катакомб вели два небольших лаза, расположенных в обоих концах двадцатиметрового полукруглого коридора. Вдоль него были небольшие комнатки-кельи. Некоторые из них не были проработаны до конца. Зато в одной из крайних комнат из-под земли виднелась небольшая часть овального прохода, который когда-то, видимо, вел в нижний горизонт катакомб. Когда-то туда был доступ. Об этом говорила копоть, покрывающая видимую часть этого заваленного прохода (раньше не было электрических фонарей и люди пользовались факелами и свечами). Все сооружение было прорыто в глине, образующей сам холм. На вершине холма были обнаружены фрагменты средневековой керамики. Владимир Михайлович известил ученый мир о находке руин древнего монастыря.

У меня возникло сомнение: могли ли эти катакомбы сохранить-ся в течение минимум пятисот лет? Глина непрочный материал, и подземные коридоры постоянно рушатся, грозя завалить случайного посетителя. В девятнадцатом веке недалеко от этих катакомб существовал православный миссионерский Свято-Троицкий монастырь. Можно предположить, что катакомбы – дело рук православных монахов. Это обычная

их практика. Вряд ли бы рака с мощами святого апостола и евангелиста Матфея хранилась в таком неприязнательном месте. Ведь ей приходили поклоняться верующие издалека.

Снова услышал я о монастыре и раке из уст Сергея Мельникоффа, американского бизнесмена и фотографа. По его словам, он нашел деревянную раку, оббитую серебряными листами и весившую 200 килограмм, в откопанной им пещере в горах неподалеку от поселка Курменты. Сергей утверждал, что с согласия киргизских властей вывез раку за границу и теперь предлагал выкупить ее Ватикану или Русской Епархии, в зависимости от того, кто из них даст ему больше. Это заявление показалось мне более чем фантастичным, и в последующем, через несколько лет, Сергей сам признал, что это было простым пиаром его компании.

В течение нескольких лет я наблюдал за поисками таинственной пещеры в Курментинском ущелье, которые вел Аман, герой моих повестей «Золото Иссык-Куля», «В поисках

дракона» и «Знаки Неба», рассказывающих о его поисках древнего клада. И в начале 2013 года Аман все еще грезил о завершении своих работ. Он был уверен, что внутри скалы, в подземной полости, его ждет грандиозная находка. Приглашенные им специалисты с помощью современного оборудования, дающего возможность заглянуть вглубь земли, обследовали котлован и вынесли вердикт: «В толще скал – полость. Там есть что-то металлическое». Как-то я задумался: «А что может извлечь на свет божий кладоискатель Аман, кроме мифического клада? Ведь могли же монахи спрятать в пещере свои реликвии?» Чтобы ответить на этот вопрос, мне пришлось основательно изучить историю христианских реликвий.

Для начала, не все так просто оказалось с древним монастырем, некогда стоявшим на берегу Иссык-Куля. Надпись на Каталонской карте гласила: «Место, которое называется Иссиколь. В этом месте монастырь братьев армян, в котором есть, говорят, тело святого Матфея, апостола и евангелиста». Было нарисовано овальное озеро и рядом домик с крестом наверху.

Армяне не были несторианами, хотя многие положения их веры были близки. Но имелись и серьезные разногласия. Например, последователи архиепископа Нестория считали, что в Иисусе Христе существовало две ипостаси: человек и Бог. С человеческой ипостасью они связывали рождение, жизнь и смерть Иисуса. Поэтому несториане отвергали святость матери Христа: она родила простого человека, Божий дух снизошел на него после. Это учение было осуждено Вселенским собором и объявлено ересью. В 431 году несториане вынуждены были бежать из Византии в Персию. Армянская апостольская церковь, в отличие от несториан, считает Иисуса Христа Богочеловеком, то есть, имеющим одну ипостась.

Армения стала первым в мире христианским государством. Христианство там было принято в 301 году, до принятия его в Грузии и Римской империи. На протяжении дол-

того времени Ватикан стремился присоединить Армянскую апостольскую церковь к католицизму, но всегда находились причины, по которым армяне не могли принять условия папы. Первая уния, объединяющая обе церкви, была подписана в 1198 году, и тогда же возникла армянская католическая церковь. Уния вскоре была расторгнута, но в Армении остались приверженцы объединения с католиками. Лишь в 1307 году во времена крестовых походов была подписана вторая уния. Армянские цари рассчитывали на помощь Империи в борьбе с сельджуками, но, не получив ее, вновь отказались от примирения с католиками. В 1320 году, когда еще действовала вторая уния, была основана армянская монашеская община «братьев унии», которая была связана с католическим орденом доминиканцев и занималась миссионерской деятельностью. «Братья унии» могли построить монастырь на берегу Иссык-Куля!

На территории Персии и Центральной Азии действовали, кроме несториан, и другие христиане. Например, яковиты – приверженцы армянской православной сирийской

церкви. Их учение отлично и от учения несториан, и от догм армянской апостольской церкви. На территории Кыргызстана найдено несколько надгробий с армянскими надписями. Они датируются XII–XIV веками и говорят о том, что здесь существовала армянская община. Об армянах-христианах пишет и Вильгельм Рубрук, говоря об окружении монгольского хана Мунку. Какого течения христианской веры они придерживались? Могли ли это быть монахи-«братья унии»? Есть ли вероятность того, что монастырь построили яковиты?

Вспомнив, что на Каталонской карте написано «братья армяне», я решил, что речь может идти лишь о «братьях унии». Ведь карта (точнее Каталонский Атлас) создавалась для католического испанского короля Петра Арагонского и затем была подарена им французскому монарху Карлу V. Только армянских монахов из общины «братьев унии» католики могли считать истинными братьями.

Я просмотрел в Интернете фотографии руин древних армянских монастырей. Это были остатки каменных крепо-

стей. Побывав на Синае и посетив монастырь святой Екатерины – один из старейших христианских монастырей, основанный еще в IV веке, я воочию увидел, что монастырь – это в первую очередь крепость, защищающая своих обитателей. Вполне возможно, что и монастырь на берегу Иссык-Куля должен был быть каменной цитаделью. Но таких руин возле озера найдено не было. Видимо, все же воды Иссык-Куля поглотили то, что осталось от монастыря-крепости. Я вспомнил о Таш-Рабате, каменном строении в центре Тянь-Шаня, которое называют караван-сараем. Вот сооружение, подходящее под описание христианского монастыря! Некоторые историки склоняются к этой гипотезе. После исчезновения христианства в Центральной Азии здание бывшего монастыря могло использоваться и как караван-сарай. Ведь поблизости не было другого укрытия от холодов и разбойников.

Существует мнение, что христианство, широко распространенное в Центральной Азии, было уничтожено жестоким Тамерланом, ярым приверженцем ислама. Это было в конце XIV и в начале XV века.

На карте Тартарии, выпущенной в 1635 году, монастыря на берегу Иссык-Куля уже нет.

Где же искать информацию о пропавшем монастыре? Сегодня «братьев унии» нет. Возможно, какие-то следы можно отыскать в архиве армянской католической церкви. Тут я вспомнил о связи «братьев армян» с доминиканцами. Орден существует и поныне. Вероятно, в недрах их библиотек и архивов есть упоминания о монастыре на берегу Иссык-Куля.

Я принялся изучать историю монашеского ордена святого Доминика, созданного в 1214 году. Устав ордена утвержден был папой Ганорием III через два года. Союз, который сам Доминик называл «Ополчение Христово», имел девиз: «Восхвалять, благословлять, проповедовать». С XIII века доминиканцы развернули широкую миссионерскую деятельность. Были открыты монастыри в Киеве, Персии, даже в Китае. Под покровительством монголов доминиканцы учредили в Персии в 1318 году архиепархию. Должна была быть

переписка монахов из иссык-кульского монастыря с этой архиепархией. Ведь общество «братьев унии» было одним из ветвей доминиканского ордена.

Главная задача ордена состояла в миссионерской деятельности среди «неверных». Вокруг Иссык-Куля таких было много! Герб ордена – собака, несущая в пасти горящий факел. Этим показывалось, что монахи ордена должны охранять церковь от ереси и нести в мир Истину. Из-за этого герба доминиканцев называли «псы Господни». Кроме того, по латыни словосочетание «Domini canes – псы Господни» созвучно с названием ордена. С 1231 года инквизиторы назначались исключительно из членов этого монашеского ордена. Великий инквизитор Испании, заставлявший дрожать в ужасе даже монархов, Томас Торквемада тоже был доминиканцем. При нем было сожжено 10 220 человек, обвинявшихся в ереси.

Орден святого Доминика насчитывает сегодня около 6 000 монахов и 4 000 монахинь, проживающих более чем в 600 монастырях. Главная курия ордена расположена в Риме в монастыре святой Сабины. Руководит орденом генеральный магистр. Скорее всего, в Риме находится архив ордена. Возможно, в нем есть документы, касающиеся связей доминиканцев с иссык-кульским монастырем братьев армян.

Я задумался над тем, как получить информацию из архива ордена. Можно обратиться за помощью в Киргизскую епархию, но будут ли католики сотрудничать с православными священниками? А если объединить их под флагом поиска мощей святого Матфея, то отступят ли религиозные разногласия перед лицом

великой задачи? Ведь апостол и евангелист Матфей фигура очень важная для любой христианской церкви.

Матфей жил в городе Капернауме на берегу Галилейского моря. Он был мытарем – сборщиком налогов и служил Римской империи, то есть был презируемым, с точки зрения жителей Иудеи, человеком. Ведь он изменил и национальным, и религиозным чувствам своего народа. И как любой налоговый, Матфей был состоятельным человеком. Поверив в речи Иисуса, он бросил все нажитое богатство и последовал за

Учителем. Он был причислен к двенадцати избранным ученикам Христа – апостолам. Матфей видел чудеса, творимые Учителем, внимал его словам и проповедям, видел его мучения на кресте и был свидетелем его воскресения. По просьбе последователей написал книгу об учении Христа. Его евангелие признано церковью первым писанием об Иисусе. Написано оно было на арамейском языке, остальные евангелии – на греческом. Матфей много проповедовал впоследствии и занимался миссионерской деятельностью. Бывал в Персии, Мидии, Парфии, Сирии. По одной из версий, Матфей обратился в христианство жителей Эфиопии, но местный царь Фульвиан, видя, что его подданные перестали поклоняться идолам, приказал сжечь миссионера на костре. Несмотря на то, что огонь не тронул тело Матфея, апостол все же отдал душу Господу. Его тело Фульвиан повелел положить в специально выкованный ковчег и, запаяв его, выбросить в море. Спустя время люди обнаружили ковчег на берегу. Одному из христианских священников во сне явился сам Матфей и

рассказал, где найти ковчег с его мощами. Было это возле города Мирмены, возможно, на сирийской территории.

Существуют легенды, согласно которым мощи святого Матфея тайно сохранялись от поругания, а потом были перенесены куда-то на восток. Возможно, в монастырь братьев армян. Представители католической церкви склонны считать, что мощи апостола и евангелиста обнаружены при раскопках одного из лангобардских замков и сейчас хранятся в итальянском городе Салерно в кафедральном соборе Сан-Маттео, то есть святого Матфея. Может быть, мощи святого были поделены на части и находились в разных местах – обычная практика религиозного почитания.

Как же могли попасть святые мощи к армянам? Дело в том, что в далекие времена, в начале нашей эры, территория Сирии принадлежала армянской империи Тиграна II, потом входила в состав армянского Киликийского государства. Возможно, христианский епископ Платон, которому явился во сне апостол Матфей с вестью о железном ковчеге, прибитом волнами к берегу, был армянином. Святая реликвия могла стать достоянием армянской церкви. Армяне были союзниками монголов и на протяжении многих лет искали у них военной помощи. Армяне были и при дворе великих ханов Золотой Орды. Поэтому, когда армяне потерпели поражение от мамелюков Бейбарса и его преемников, приверженцев ислама, они могли принять решение перенести мощи святого подальше на восток. Не только Палестина, Сирия и вся Малая Азия надолго стали ареной военных действий, но и Римская империя, Византия, Египет, Ассирия. Нашествия сельджуков, мамелюков, крестовые походы только обостряли накал страстей. Армяне не могли ждать помощи и от крестоносцев, ибо они были защитниками иной христианской доктрины. Лишь после заключения унии и возникновения армянской католической церкви у них появились единоверцы в лице ордена святого Доминика. Мощи апостола и евангелиста, судя по всему, охранялись монахами из общества «братьев унии». Когда же и в самой Армении отказались от унии с католической цер-

ковью, считая соглашение предательством против их веры, «братья унии» могли перевезти святую реликвию в безопасное место – на Иссык-Куль. Монастырь братьев армян, скорее всего, был построен после 1320 года и разрушен во время походов Тамерлана в 1389–1390 годах против Моголистана, когда войска великого полководца проходили по северному берегу Иссык-Куля. Тимур был фанатичным исламистом и жестоко искоренял «неверные» религии. Тогда выходит, что монастырь просуществовал около 50–60 лет. Срок немаленький. Воды озера поглотили его уже после разорения. А монахи могли спрятать реликвию – мощи святого Матфея – в укромном месте, даже возможно, в пещере Курментинского ущелья.

Четвертая глава

Однажды мне позвонил Аман. Он сразу заявил:

– Клад принадлежал тамплиерам!

Я выразил осторожное удивление:

– Аман, откуда на берегах Иссык-Куля могли взяться рыцари храма Христа?! Я слышу об этом впервые!

– Я недавно прочитал роман средневекового автора Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль». Все сходится! Там описано, как монахи ордена прячут драгоценную реликвию в пещеру в диком месте. Лес, скалы, река – там описано Курментинское ущелье!

Я серьезно забеспокоился за рассудок моего собеседника. Зная, как идеи захватывают сознание Амана, я понял, что, прочитав книгу, он тут же все описываемые действия перенес в заветное место, где уже несколько лет копал котлован, одержимый желанием извлечь из недр земли таинственный клад древних монахов.

– Тамплиеры в самом сердце Азии, где правили монголы? Аман, мне кажется, ты бредишь! Придумываешь сказки, а потом сам в них веришь!

– Виктор, тамплиеры были на службе у монголов, – упрямо твердил мой собеседник. – Они могли перевезти сокровища на Иссык-Куль.

– Я никогда не читал о тамплиерах у Чингисхана, – с сомнением заметил я и добавил: – Возможно, я просто этого не знаю. Не интересовался тамплиерами. И что, по-твоему, они могли спрятать в горах Приисыккуля?

– Пожалуйста, почитайте о тамплиерах, – попросил меня Аман. – Мне кажется, армянский монастырь был связан с Ватиканом. А то, что должно храниться в пещере, вы узнаете из романа Эшенбаха «Парсифаль».

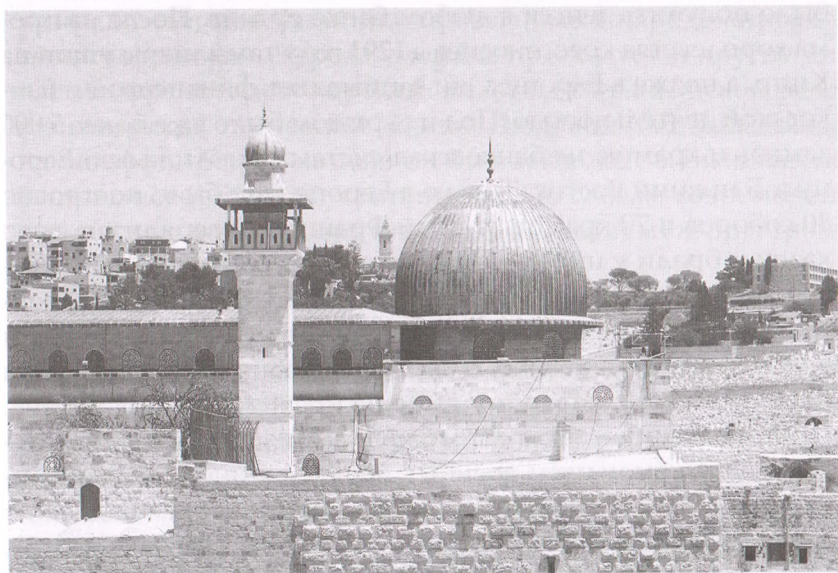
Положив трубку, я задумался. Аман предположил, что армянские монахи были связаны с католической церковью. Теперь я уже знал, что так это было на самом деле. Но связь с тамплиерами казалась выдумкой возбужденного ума кладоискателя. Я мог просто выбросить из головы звонок Амана, но мои мысли все время возвращались к этой теме. Наконец, я решил поближе познакомиться с историей ордена тамплиеров.

Орден возник во времена Первого крестового похода в 1119 году. Его учредил французский дворянин Гуго де Пейн. Первоначально в него входили восемь рыцарей, все родственники Гуго де Пейна. Называли они себя «Нищие рыцари». И действительно, на двух рыцарей из ордена была лишь

одна лошадь. В память об этом на печати тамплиеров были изображены два всадника на одной лошади.

Рыцари нового ордена поклялись защищать паломников в Святую землю от бандитов и неверных. Король Иерусалимского царства крестоносцев Балдуин II взял орден под опеку и выделил им помещения в своем дворце на Храмовой горе, там, где сейчас находится главная мечеть Иерусалима Аль-Акса. На этом месте в древние време-

на возвышался храм Соломона. Рыцари ордена поклялись восстановить храм. Они мечтали, что он станет вселенским храмом и столицей мира. Поэтому рыцарей ордена стали звать храмовниками или тамплиерами. Называли их также каменщиками, потому что символами тамплиеров стали меч и мастерок каменщика – напоминание о строителях второго храма, который иудеи построили после возвращения из вавилонского плена. Каменщики, работая над сооружением стен, всегда при себе имели мечи на случай нападения врагов.

В течение девяти лет в орден не было принято ни одного нового члена. Чем занимались рыцари ордена в то время, не известно. Но впоследствии количество рыцарей ордена резко возросло. Тамплиеры стали мощной силой. Им принадлежало 18 замков-крепостей на Святой земле. Тамплиеры становятся богатыми. Они строят дороги, храмы не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. Орден стал обладать несметными богатствами, выдавать кредиты под низкие проценты, именно они ввели в оборот чеки, по которым можно

было получить деньги в любом банке ордена. После разгрома королевства крестоносцев в 1291 году тамплиеры ушли на Кипр, а позже в Европу. Они занимались финансовой и банковской деятельностью. Под их крылом было уже более 5 000 замков и храмов, их банковская система охватила всю Европу и Ближний Восток. Только в Европе ими было построено 80 соборов и 70 храмов, короли Франции доверяли им свою казну и брали у них деньги под проценты. Но их могущество оказалось недолговечным. В 1307 году по приказу французского короля Филиппа Красивого все тамплиеры были арестованы. Естественно, это было сделано с благословения папы римского, которому тоже не нравилась мощь ордена. Приготовления к захвату рыцарей велись в строжайшем секрете. Все командиры военных отрядов, чиновники, инквизиторы до последнего мгновения не знали, что им надлежит делать. Приказы были розданы в запечатанных конвертах, которые следовало вскрыть в пятницу 13 октября. Застигнутые врасплох члены ордена были заточены в темницу и подвергнуты жестоким пыткам. Их обвиняли в поклонении дьяволу, в оскорблении креста, мужеложстве и прочих богохульствах. Орден был распущен, а 54 магистра-тамплиера были сожжены на кострах.

Чем же занимались в Аль-Аксе в течение девяти лет первые рыцари ордена? Что сделало их столь могучими и богатыми? И куда это «что-то» исчезло после 1307 года?

Эти вопросы занимали меня. Мне чудилась связь тех далеких событий с загадкой, таящейся под водами Иссык-Куля. Я перечитал массу литературы, касающейся ордена храмовников. Вокруг тамплиеров существует много легенд. Одна из них связана с проклятием главного магистра ордена Жака де Моле. Когда языки пламени костра охватили его истерзанное пытками тела, он громким голосом предал анафеме папу и короля и все их потомство на вечные времена. Можно сказать, что проклятие сбылось. Через месяц от кровавого поноса умирает папа Климент V, а через несколько месяцев — абсолютно здоровый Филипп Красивый. Один за другим

умирают сыновья Филиппа, прозванные в народе «проклятыми королями». Черeda смертей преследует и другие династии французских королей, вплоть до Французской революции, когда последний король Людовик XVI был казнен на эшафоте. Перед казнью он был заключен в Тампльскую башню, некогда оплот тамплиеров. По словам современников, после того, как казнь свершилась, некий мужчина громко выкрикнул: «Жак Моле, ты отомщен!»

Другая легенда связана с историей ордена. Тамплиерам приписывают миссию охраны Святого Грааля. Эта реликвия, по мнению некоторых исследователей, и явилась причиной внезапно возникшего могущества и расцвета ордена тамплиеров. Нашли ли Грааль первые рыцари во время раскопок на Храмовой горе, доподлинно не известно. Ведь

существует предание о том, что Святой Грааль был привезен в Британию Иосифом Аримафейским – иудейским священником, тайным приверженцем Христа. Именно он выпросил разрешение у Пилата снять с креста Иисуса и после обернул тело Христа в плащаницу. В его личной гробнице, вырубленной в скале, было похоронено тело Иисуса. Иосиф собрал кровь Сына Божьего в чашу, ставшую Святым Граалем. По легенде, Иосиф передал чашу Грааля и копьё Лонгина – римского воина, пронзившего подреберье Христа, распятого на кресте, королю-рыболову, чье имя в легенде не названо. Возможно, тот неизвестный король-рыболов был тамплиером.

Так или иначе, но многие были уверены, что храмовники оберегают Святой Грааль. Тамплиеры это и не отрицали, и не подтверждали. Авторы средневековых романов связывают Святой Грааль с именем рыцаря Парсифаля, искавшего святую реликвию. В ранних романах Святой Грааль не чаша, а камень или некая драгоценная реликвия. Вольфрам фон Эшенбах в романе «Парсифаль» так описывает святыню:

*Грааль – это камень особой породы.
На наш язык пока что нет перевода,
Он излучает волшебный свет!
Но как попасть в Граалево братство?*

*Надпись на камне сумеи прочитать!
Она появляется время от времени,
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призван Граалю служить до конца.
Чудесная надпись ничем не стирается,
А по прочтении, за словом слово,
Гаснет, чтобы появился снова
Дальнейший список в урочный час
И так же, прочтенный, погас...*

Куда же мог деться Святой Грааль после разорения ордена? Я вспомнил, что дознанием и пытками по делу тамплиеров заведовали доминиканцы – псы Господни. Свое дело они исполняли с рвением и могли получить любое признание. Предположим, что доминиканцы получили в свои руки Святой Грааль. Они знали об алчности королей, и их девизом было ограждение мира и церкви от ереси. Вполне вероятно, что мо-

нахи не отдали святую реликвию в руки короля. Грааль был Божьей вещью. Но она могла быть использована в корыстных целях, как показал опыт тамплиеров. Поэтому Грааль, возможно, было решено спрятать в надежном месте. В Европе тогда шли бесконечные войны. В это время была заключена вторая уния с армянской церковью. Доминиканцы занимались миссионерской деятельностью вместе с армянами из общества «братьев унии». А обширная территория, контролируемая монголами, жила спокойной жизнью. Мне пришла мысль, что монастырь на берегу озера Иссык-Куль, находящийся в центре Азии и где уже хранились мощи святого Матфея, мог стать прибежищем еще одной христианской святыни – Святого Грааля.

На Каталонской карте 1375 года отмечены лишь те монастыри, которые имели важное значение для католической церкви. Хотя в Азии существовали и другие монастыри, например, в Армении, Персии, даже в Китае, в атласе помечен только иссык-кульский. Причем монастырь братьев армян нарисован в виде каменной крепости с двумя башнями. Для сравнения, синайский монастырь святой Катерины в атласе изображен намного скромнее. Если найти руины армянского монастыря, какой шанс обнаружить в них христианские

святыни? Я решил, что невелик. Перед угрозой нашествия Тамерлана монахи должны были предпринять все возможные меры для защиты своих религиозных ценностей. Вывезти из Центральной Азии монахи их не могли: принявшие ислам монголы из союзников превратились во врагов. Был только один способ сохранить реликвии – надежно спрятать, чтобы они хранились в тайнике в течение веков, пока мир не будет готов вновь обрести их.

Я вспомнил разговор по телефону с Аманом и догадался, о каком сокровище он вел речь, говоря о связи клада с тамплиерами. Неужели рака со святыми мощами и таинственный Грааль?

Пятая глава

Вскоре я встретился с Аманом. Когда я поведал ему о том, что мне удалось узнать про тамплиеров, доминиканцев, армянских братьев и монастыре на Иссык-Куле, и поделился мыслями о предполагаемых реликвиях, скрытых в толще скалы, Аман торжествующе произнес:

– Я знал об этом! Прибор показал, что на глубине четырех метров от дна котлована есть нечто, напоминающее саркофаг из дерева, оббитый металлическими пластинами. Видимо, серебром.

– Но ты же говорил о двухстах килограммах золота! – напомнил я.

– Глубже, на глубине около восьми метров от первой полости, прибор показал наличие большого подземного зала. В нем-то и скрыта основная часть клада. Прибор определяет мощное металлическое тело. Я думаю, это золото.

– Я допускаю, что монахи могли спрятать в пещере раку с мощами святого апостола, – отозвался я. – Даже позволяю себе пофантазировать, что туда же попал и Святой Грааль. Просто заманчиво обнаружить у нас в Кыргызстане то, за чем столетиями безуспешно охотились многие выдающиеся люди, начиная с рыцарей Круглого стола и кончая Дэном Брауном в его «Коде да Винчи». Находка таких реликвий принесла бы нашей стране намного больше популярности в мире, чем даже двухсоткилограммовый клад с золотыми изделиями. Ведь это святыни для всех христианских религий!

Аман посмотрел на меня долгим взглядом, потом произнес:

– Я думаю, там хранится нечто более ценное, чем мощи святого Матфея или Святой Грааль.

Я бросил на него удивленный взгляд: что за новая фантазия овладела его воображением?

– Я не понимаю, Аман...

– Знаете, Виктор, у меня предчувствие, будто скоро должно произойти нечто очень важное, – издавек начал свой рассказ Аман. – Все мои сны еще до того, как я приступил к раскопкам в Курментинском ущелье, говорили о том, что наступает долгожданный час, когда сокровенное богатство должно вновь увидеть свет. Я почувствовал себя избранным для того, чтобы явить сокровище миру. Возможно, старик, явившийся мне во сне, был духом святого Матфея? Потом мои находки каменной плиты с письменами, древних факелов, камня с отпечатком ладони, подобной моей, – все только утверждало меня в мысли о моей избранности. Недавно я ехал с друзьями из Бишкека в Курменты. Один товарищ выделил мне экскаватор для работ в котловане. Мы ехали на джипе, и друг пожаловался на боли в спине. Я слышал, что вблизи с Кеминем живет один массажист-костоправ, по рассказам, творивший чудеса. Говорю друзьям: «Заедем к нему. Тягач с бульдозером медленно двигается, нам некуда спешить». Ребята согласились, и мы свернули с трассы, расспрашивая местных жителей о специалисте. Нашли мы его быстро. Друг прошел через его руки и действительно почувствовал облегчение. А массажист, русский лет сорока, выйдя с нами во двор, говорит нам: «Ребята, случайно у вас нет с собой карты озера Иссык-Куль?» Я сразу насторожился, ведь мы ехали в сторону Иссык-Куля, хотя об этом с массажистом не проронили ни слова. Я у него спрашиваю: «А зачем вам, любезный, карта озера?» И слышу в ответ: «Снится мне одно место несколько дней подряд. Там должна быть пещера. Хотел бы я попасть в неё». Я опять задаю ему вопрос: «А где та пещера – на севере или на юге?» Представьте мои ощущения, когда массажист отвечает мне: «На севере должна быть она. Где-то около Тюпа». У меня мурашки по всему телу поползли. Говорю ему: «Вы в эту пещеру никак попасть не можете, потому что она глубоко под землей скрыта. Зачем она вам?» Мужчина замялся, а потом отвечает: «В ней лежит нечто, что перевернет весь мир!» У меня мурашки в огромных жуков превратились. Наверное, даже волосы зашевелились.

Почему он с нами об этом заговорил? Не знал же он, кто мы и куда едем! Видимо, обладал он неведомым даром ясновидения или был экстрасенсом. Я ему предложил с нами ехать, сказав: «Попали вы в точку. Мы как раз те, кто вам нужен. Мы сейчас едем в ту пещеру, о которой вы грезите. Один раз я в ней уже был, да потом ее вход землей завалило. У нас есть экскаватор, так что скоро вход в пещеру будет доступен. Собирайтесь, поезжайте с нами. С вашими способностями вы нам будете очень полезны». Он подумал, помолчал, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, а затем говорит: «Я не знаю, что скрыто внутри этой пещеры. Но почему-то уверен, что вы не сможете это извлечь из нее сейчас. Не пришло еще время для этого». И отказался ехать с нами. Ведь прав массажист оказался. Вся наша работа пошла насмарку. Вы же знаете, Виктор, я копал зимой, торопился, думал вот-вот войду в пещеру и найду клад. Приборы показывали: еще четыре метра и я увижу первое металлическое тело, хранящееся в полости. Как бы не так! Моя поспешность сыграла злую шутку со мной. Незакрепленный борт котлована рухнул и похоронил все мои надежды на скорое достижение цели. Как будто кто-то невидимый чинит мне препятствия и тянет время, уводя меня в сторону. Сначала я рыл не там, как и энкавэдэшники, которые ушли по ложному следу. Сколько средств и усилий было потрачено зря! Теперь, когда я был так близок к сокровищам, что чувствовал их присутствие всем своим телом, восьмиметровый слой обрушившегося грунта вновь отдалил клад от меня. Виктор, вспомните Успенского. В 1926 году, найдя золотой и бронзовый молотки на плите, покрытой неизвестными письменами, он думал, что лишь один шаг отделяет его от вожаемого сокровища. Вы знаете, чем завершились его поиски. Рухнувшая стена, так же как и у меня, закрыла для него путь в заветную пещеру. Для него навсегда, но я не отступлюсь! И генерал Алиев не смог добраться до этого клада. Видно, прав тот массажист, не пробил тогда час достать сокровище из земли. Но я чувствую, этот момент близок! Вы слышали, все в мире только и говорят

о конце света? Все ждут его! Кругом стихийные бедствия: цунами, землетрясения, извержения вулканов, изменения климата, грядущее столкновение с астероидом. Настало время извлечь святые реликвии из-под земли. Человечество должно обрести их!

Смотря на пылающие страстью глаза Амана, я размышлял о том, где же в его словах проходит грань между действительными событиями и его буйной фантазией. Я не мог с такой же убежденностью утверждать, что в Курментинской пещере действительно есть что-то ценное. Хранится ли там рака с мощами святого Матфея, или Святой Грааль? Все это могло быть лишь допущением с очень низким процентом вероятности. Например, один шанс на миллион. Но, как говорит мой друг математик Володя Шестопалов, вероятность она и есть вероятность, пусть даже один на миллион. Ведь случилась на планете Земля жизнь, хотя вероятность ее появления была крайне мала. Поэтому есть вероятность того, что и мечты Амана сбудутся!

– Аман, ты говорил о том, что в пещере может быть что-то более ценное, чем рака и Грааль, – напомнил я собеседнику. – Что это может быть?

Аман молча смотрел на меня несколько мгновений, словно размышляя, поведать ли мне свою сокровенную тайну, и, наконец, решившись, сказал:

– У меня есть предположение, что тамплиеры нашли в Аль-Аксе то, что сделало древних евреев избранным народом, то, для чего построил золотой храм царь Соломон. Ведь на его руинах стоит мечеть Аль-Акса.

– Первый храм, как его называют евреи, был построен в 957 году до нашей эры, – сказал я, показывая Аману листок с датами. – А разрушен в 586, когда вавилонский царь Навуходоносор захватил Израиль. Я записал эти даты, когда знакомился с историей ордена тамплиеров. Они появились в Иерусалиме в 1119 году. Неужели что-то могло сохраниться за столь длительный срок? Ведь со времен существования храма Соломона к тому времени прошло почти две тысячи лет!

о конце света? Все ждут его! Кругом стихийные бедствия: цунами, землетрясения, извержения вулканов, изменения климата, грядущее столкновение с астероидом. Настало время извлечь святые реликвии из-под земли. Человечество должно обрести их!

Смотря на пылающие страстью глаза Амана, я размышлял о том, где же в его словах проходит грань между действительными событиями и его буйной фантазией. Я не мог с такой же убежденностью утверждать, что в Курментинской пещере действительно есть что-то ценное. Хранится ли там рака с мощами святого Матфея, или Святой Грааль? Все это могло быть лишь допущением с очень низким процентом вероятности. Например, один шанс на миллион. Но, как говорит мой друг математик Володя Шестопалов, вероятность она и есть вероятность, пусть даже один на миллион. Ведь случилась на планете Земля жизнь, хотя вероятность ее появления была крайне мала. Поэтому есть вероятность того, что и мечты Амана сбудутся!

– Аман, ты говорил о том, что в пещере может быть что-то более ценное, чем рака и Грааль, – напомнил я собеседнику. – Что это может быть?

Аман молча смотрел на меня несколько мгновений, словно размышляя, поведать ли мне свою сокровенную тайну, и, наконец, решившись, сказал:

– У меня есть предположение, что тамплиеры нашли в Аль-Аксе то, что сделало древних евреев избранным народом, то, для чего построил золотой храм царь Соломон. Ведь на его руинах стоит мечеть Аль-Акса.

– Первый храм, как его называют евреи, был построен в 957 году до нашей эры, – сказал я, показывая Аману листок с датами. – А разрушен в 586, когда вавилонский царь Навуходоносор захватил Израиль. Я записал эти даты, когда знакомился с историей ордена тамплиеров. Они появились в Иерусалиме в 1119 году. Неужели что-то могло сохраниться за столь длительный срок? Ведь со времен существования храма Соломона к тому времени прошло почти две тысячи лет!

Аман пожал плечами:

– Я думаю, что вещь, найденную тамплиерами, спрятал иудейский царь Иосия в 609 году до нашей эры, перед своей последней битвой с египтянами под городом Мегидо. В той схватке Иосия был смертельно ранен, и после его смерти евреев преследовали неудачи, они проиграли все последующие битвы и в конце концов потеряли и храм, и государство. Почти пятьдесят лет евреи жили в Вавилоне как рабы. После завоевания Вавилона персидским царем Киром Великим они вернулись из пленения на землю обетованную и построили второй храм, спустя 70 лет после разрушения первого. Храм Соломона простоял 364 года, второй – 586 лет до 70 года нашей эры. Его сравнивали с землей римские легионеры. Но ни после возвращения, ни во времена Римской империи евреи уже не владели той вещью, которая обеспечивала их могущество.

До меня медленно доходил смысл слов Амана.

– Неужели ты имеешь в виду Ковчег Завета?! – изумился я. – Он же был безвозвратно утерян во время вавилонского пленения!

Аман ухмыльнулся и хитро сощурил глаза.

– Я прочитал всю литературу, касающуюся этого вопроса, – проговорил он. – Чиновники Навуходоносора старательно описали всё, что забрали при разорении Иерусалима и храма Соломона. Ковчега Завета в списке нет. А как вы помните, он был сделан из акации и облицован золотыми плитами. Крышка его была выполнена из чистого золота толщиной в четыре пальца, размерами 70 на 120 сантиметров. На ней в разных углах возвышались два золотых херувима, касающиеся распростертыми крылами друг друга. Я думаю, одна крышка ковчега весила больше 200 килограмм! Такой предмет не ускользнул бы от внимания вавилонян, если бы они его нашли! Ковчег Завета хранился в Святой Святынь – специальном помещении храма без окон с единственной дверцей – это было сердце храма Соломона. Раз Ковчега Завета нет в списке Навуходоносора, значит, его уже не было в храме! – Аман торжествующе посмотрел на меня.

– Из этого вовсе не следует, что его нашли тамплиеры Гуго де Пейна, – возразил я ему. – Никаких свидетельств в пользу твоей гипотезы не существует! Предположим, что Иосия спрятал Ковчег Завета в пещере рядом с храмом Соломона. Может, даже под ним. Ведь тамплиеры в первые девять лет копали именно в мечети Аль-Аксе. Почему же евреи, вернувшись из вавилонского плена и построив второй храм, не поместили в него Ковчег Завета? Ведь кто-то из них должен был знать, где спрятана столь значимая для них вещь. Как ты говорил, второй храм простоял в течение 586 лет, немалый срок! Может быть, в нем все же был Ковчег Завета?

Аман покачал головой.

– Ковчега Завета уже не было. Об этом пишут все церковные книги и летописи. Да и история евреев говорит о том же. Пока Ковчег Завета был с ними, евреи были непобедимы! Ведь Ковчег Завета был не просто ящик для скрижалей с заповедями, полученными Моисеем от самого Бога. Впервые, подробную инструкцию по изготовлению ковчега продиктовал Господь самолично, даже назвал имена масте-

ров, способных справиться с заданием. Во-вторых, через него можно было разговаривать напрямую с Богом. Ковчег, вероятно, излучал какое-то мощное поле. Когда его везли в первый храм, волю сильно накренили повозку и сопровождавший ее человек придержал Ковчег Завета, боясь, что тот упадет, он тут же был поражен насмерть. Ковчег могли переносить только четыре человека, взявшись за специальные шесты, обернутые золотой фольгой. Кроме того, в книгах написано, что Ковчег Завета «сам нес несущих его», то есть он ничего не весил, парил в воздухе! Когда его перемещали, над ним плыло туманное облако. По пути следования холмы сравнивались с землей! Нельзя было заходить в Святой Святых храма, где находился Ковчег Завета. Нарушивший запрет падал замертво. Лишь первосвященник, обладавший особым знанием, мог приблизиться к ковчегу. И то не во всякое время! Ковчег Завета обладал сверхъестественной силой и был дан евреям как избранному Богом народу. Добившись успеха, создав государство, неизменно побеждая врагов, евреи поверили в свои силы и возгордились. Начались междоусобицы, религиозные распри, и царь Иосия, опасаясь за судьбу ковчега, видимо, надежно спрятал его, убрав из Святого Святых храма. После этого и начались все беды евреев. Вы же знаете их историю!

У меня кругом шла голова от предположений Амана. Видно было, что он основательно проработал всю информацию, касающуюся и тамплиеров, и Грааля, и Ковчега Завета. Гипотезы кладоискателя были настолько безумны, что могли оказаться правдой.

– Если в твоей пещере спрятан Ковчег Завета, то опасно к нему даже приближаться! – вскричал я. – Представь себе, Аман, тыходишь в пещеру, а в ней стоит золотой сундук. Коснулся его – и дух из тебя вон!

– Я пока не собираюсь вскрывать вход в пещеру, – проговорил Аман. – Сейчас стены котлована рухнули, и до первого объекта, который просматривается на показаниях геологического прибора, больше двадцати метров. Но этот грунт

насыпной. Его я уберу быстро. Потом идет скальная стенка. Второй объект скрыт в полости на глубине 30–35 метров. Я планирую подойти вплотную к первому объекту и остановиться. Вскрытие пещеры должно быть обставлено торжественно. Международные СМИ, телеканалы, представители всех религиозных организаций – и христианских, и мусульманских. Ковчег Завета – величайшая святыня для всех народов! Близится не конец света, а начало новой эры, когда человечество обретет святые реликвии! Мир не должен исчезнуть в пучине зла, в него вернутся символы веры и обета: скрижали с заповедями, Ковчег Завета, Святой Грааль и мощи апостола Матфея!

Я смотрел на Амана и думал о том, что же ждет его в недрах земли: глубокое разочарование или победное торжество? Вероятность второго исхода – один на миллион. Но это все же вероятность. Время продолжало раскручивать свою спираль, неуклонно двигаясь только вперед. Ах, как бы нам хотелось полететь в обратном направлении и своими глазами увидеть то, что История навеки скрыла от нас.

Шестая глава

После ухода Амана я решил посмотреть, что же известно о Ковчеге Завета сегодня, какие есть предположения о его местонахождении. Я улыбнулся, вспомнив последние слова кладоискателя перед расставанием: «Я готов принять христианство и креститься, лишь бы найти эти священные реликвии!» и вопрос, на который он не дал ответа: «А вдруг там действительно вход в Агарту – подземное царство Князя Мира?»

По информации Википедии, Ковчег Завета в Библии назывался и ковчегом Всевышнего, и Бога Израиля, и завета Божия, даже ковчегом Могущества. История его создания и владения мне была уже известна в общих чертах. Взяв размеры крышки, 70 см на 120 см, и приняв толщину в палец, 1 см, я получил вес ее в 162 килограмма. Если ее толщина была в три пальца, как утверждалось в Торе, то тогда вес крыш-

ки был около 500 килограмм! И это без учета золотых статуй херувимов, закрепленных на крышке, а они тоже весили прилично. Прав Аман, крышка Ковчега Завета тянула на 200 килограмм. По преданию, первосвященник заходил в Святая Святых, где находился Ковчег Завета, только раз в году на еврейский праздник Йом Киппур – День Искупления. Запрещалось не только касаться ковчега, но и даже смо-

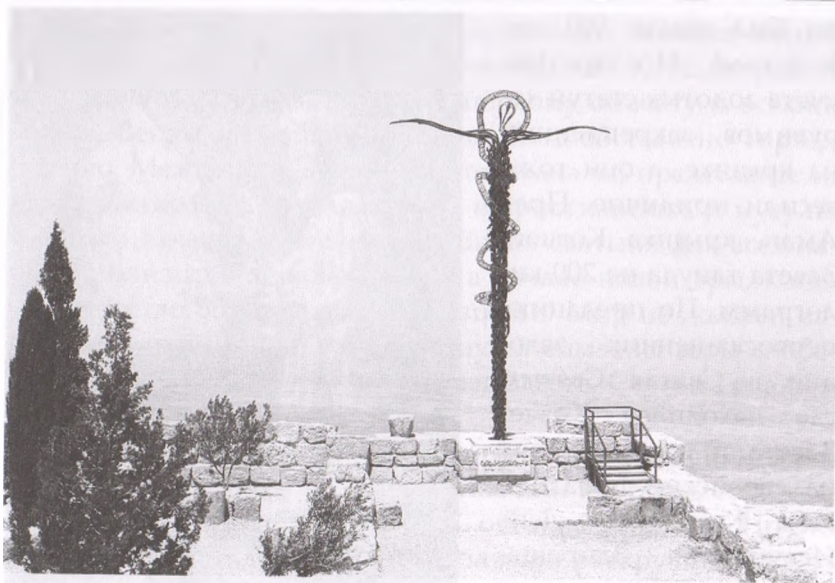

треть на него! Обычно он скрывался за дополнительной завесой парохет. Когда Ковчег Завета переносили, это было до возведения храма, его покрывали этой завесой, на нее клали вторую – из кожи, а сверху накрывали третьей – из голубой ткани. Рядом с ковчегом в храме хранились свиток Торы, написанный рукой Моисея, банка с манной небесной, расцветший жезл Аарона и золотые дары филистимлян.

Святая Святых была совсем небольшой комнатой, 10 на 10 метров. Она была полностью занята скульптурами двух херувимов, крылья которых были длиной по 5 метров и соприкасались друг с другом. То есть места для Ковчега Завета в ней не было, но он там стоял. Талмуд так говорит об этом феномене: «Место ковчега не имеет измерения». Похоже, он не занимал физического пространства.

Но меня больше интересовали не волшебные свойства ковчега, а гипотезы о его исчезновении и сегодняшнем местонахождении.

По одной из версий, как и рассказывал Аман, святыню

спрятал царь Иосия в тайнике под краеугольным камнем в храме Соломона. Этот камень или кусок скалы считался центром мироздания. Он располагался в Святая Святых и на нем стоял Ковчег Завета и остальные реликвии.

По другой версии, Ковчег Завета спрятал пророк Иеремия в пещере на горе Нево по велению Господа. Это случилось во времена правления царя Иосии. А гора Нево, находящаяся на западе Иордании, известна тем, что на ней умер Моисей, которому не дано было войти в землю обетованную.

Эфиопская православная церковь утверждает, что Ковчег Завета сейчас находится в городе Аксум под опекой священников собора Святейшей Девы Марии Сионской. Он считается главнейшей святыней коптского христианства и во всех церквях страны есть его копии. В древнем литературном памятнике Эфиопии «Кебра Негаст» (Слава царей) говорится о легенде, согласно которой сын Соломона и царицы Савской Байли-Легкем, впоследствии названный Менеликом, тайно вывез из Иерусалима в Аксум, бывшую столицу Эфиопии, Ковчег Завета, подаренный ему отцом.

Существует еще одна легенда, повествующая о том, как Ковчег Завета появился в Эфиопии. Его якобы увезли священники во времена правления в Израиле царя Манассии (687–642 гг. до н. э.). Спасая ковчег от нечестивого царя, служители храма спрятали его в Египте на острове посреди Нила, где он хранился в течение 200 лет. Впоследствии Ковчег Завета перенесли в Эфиопию на остров озера Тана, где ему поклонялись последующие восемь веков. Оттуда он попал в Аксум.

Британский журналист и писатель Грэм Хенкок посвятил изучению вопроса о Ковчеге Завета почти десять лет и утверждает, что, вполне вероятно, реликвия действительно хранится в Эфиопии. Но для того, чтобы доказать это, надо увидеть Ковчег Завета воочию и наблюдать его необычные свойства. К сожалению, коптские священники даже близко не подпускают ни одного человека к часовне, в которой, по их словам, хранится реликвия. Когда-то святыню выносили наружу один раз в год во время праздника Максаль, но теперь для церемонии используют только копии Ковчега Завета.

Где находится Ковчег Завета, достоверно никто не знает.

Энтузиасты из России, решившие разобраться в этой загадке, долго ходили вокруг часовни с разнообразными приборами, стараясь засечь необычное излучение, идущее из здания, но их усилия были напрасны. Они не зарегистрировали никаких отклонений. Ковчег либо излучал волны в другом диапазоне, либо включался в определенное, неизвестное им время. А может быть, просто кончился заряд его энергетических батарей и он «молчал»?

Еще одна информация, распространенная в Интернете, привлекла мое внимание: «Рон Уайетт нашел Ковчег Завета». Оказывается, еще в 1982 году американский анестезиолог, по совместительству археолог-любитель, раструбил на весь мир, что нашел в пещере на Храмовой горе в Иерусалиме каменный саркофаг с Ковчегом Завета. Вся история поисков и находки насквозь была пропитана религиозной мистикой. В 1977 году, находясь вместе с хранителем древностей Израиля за северными воротами Иерусалима, Рон вдруг указал на одно место неподалеку и сказал: «Там закопан гроб пророка Иеремии и спрятан Ковчег Завета!» Уайетт говорил, что это было озарение свыше и, что удивительно, хранитель тут же обещал содействовать поискам. Хотя до этого на Храмовой горе никому не разрешали производить раскопки. Рон вел поиски в течение нескольких лет. Ему удалось проникнуть в неизвестные до тех пор подземные полости. Он обнаружил массу интересных артефактов, в том числе позолоченный столб, который он связывал с первым храмом Соломона. Уайетт утверждал, что нашел настоящее место распятия Христа – Голгофу, отличное от того лобного места, которому поклоняются в храме Гроба Господня. В скале члены экспедиции Рона обнаружили ниши, в которых крепились таблички с надписями. Рядом были прямоугольные пазы, в которых держались кресты для распятия. Их было четыре. Возле одного из них шла глубокая трещина, следы которой Рон обнаружил на глубине 12 метров под землей в пещере, как раз под местом крепления одного из крестов. Уайетт,

ссылаясь на Библию, утверждал, что этот разлом возник в момент казни Иисуса. Именно по нему устремилась кровь Христа, после того как римский легионер пронзил его бок копьем. Кровь попала на Ковчег Завета, ибо он был спрятан на этом месте за 600 лет до распятия Иисуса Христа! Такова была версия Рона Уайетта. Однако впоследствии он так и не явил миру найденную реликвию, говоря, что время еще не пришло. Сейчас доступ в эту пещеру закрыт израильскими властями и убедиться в правдивости слов американского исследователя-любителя не представляется возможным. Ученые не верят в открытия Рона. Кроме Ковчега Завета, Уайетт, по его утверждению, нашел остатки Ноева ковчега на горе Арарат, настоящую гору Синай, которая оказалась в Аравии, а не на одноименном полуострове, место перехода евреев через Красное море и многое другое. Однако ни ученые, ни религиозные деятели всерьез открытия Рона не воспринимают.

Я понял бессмысленность своих дальнейших поисков. Проще подождать, когда Аман вскроет пещеру. Вот тогда и

закончатся все наши предположения и мы увидим, есть там что-то или это лишь плод его фантазий.

Шел январь, стояли крещенские морозы. Я ждал весны и тепла, когда можно будет вернуться в Орнёк и начать исследование неолитического поселения с его галереей наскальных рисунков. Загадочные петроглифы Черкасова все еще ждали своего нового открытия. Я был уверен, что разыщу их и найду еще много нового и интересного.

Седьмая глава

Весной Дима Лужанский принес новость:

– К нам приезжает Федор Конюхов. Будет искать на Иссык-Куле мощи святого Матфея!

– Конюхов?! – Я не мог поверить своим ушам. Кто не слышал об этом человеке, ставшем легендой? Путешественник, покоривший высочайшие точки всех континентов, побывавший на обоих полюсах планеты, в одиночку совершивший кругосветные плавания, неоднократно пересекший Атлантику и прочее, и прочее. Человек, не раз стоявший у порога вечности и посвятивший свою жизнь Богу, снискавший уважение во всем мире. Конюхов будет здесь, на Иссык-Куле?! Я потребовал у Димы дополнительную информацию. Он пожал плечами.

– Я прочитал в Интернете, – оправдывался он. – Там сказано было только, что экспедиция состоится осенью этого года и в ее организации будет принимать участие председатель парусного спорта Кирик. Больше я ничего не знаю.

Оказалось, что экспедицию готовят тульские дайверы-исследователи во главе с председателем Олегом Золотаревым, Владимир Кирик, председатель парусного спорта Кыргызстана, Владимир Агамиров, возглавляющий «Финикийскую экспедицию», и Федор Конюхов. Помощь им обещали армяне из морского исследовательского клуба «Айас». Армяне предложили искать монастырь на южном берегу Иссык-Куля, а не на северном, как прочие исследователи. Изучив древнюю картографию, они пришли к выводу, что современные

ученые неправильно трактуют изображение монастыря на Каталонской карте. Я написал письмо Федору Конюхову, предлагая включить в экспедицию киргизских дайверов.

Когда я писал письмо путешественнику, ко мне заехал Аман. Ранее я обещал ему произвести вместе с Василием Филипенко, моим другом и спелеологом, топографическую съемку Курментинской пещеры, чтобы выяснить, насколько реально через нее попасть к скрытым под землей объектам.

Выслушав мою информацию о готовящейся экспедиции Конюхова, Аман, подумав, сказал:

– Я сейчас вспомнил, что мне рассказывал один мой знакомый. Это было почти десять лет назад. Как-то его попросили встретить в аэропорту двух людей и отвезти их на Иссык-Куль. Прибывшие оказались армянскими священниками, а возможно, и монахами. Не останавливаясь в Бишкеке, они попросили моего друга немедленно ехать в сторону Иссык-Куля. Их интересовал именно южный берег. Сделав несколько остановок по пути, во время которых монахи молились, они прибыли в Курменты. Мой товарищ говорил, что у армян была какая-то древняя карта, по которой они сверяли места остановок. Тогда меня не очень сильно интересовал апостол Матфей, но мне кажется, что мой друг упоминал его имя, когда рассказывал мне о карте. Вроде бы на ней был нарисован путь, по которому перевозили мощи святого. Последняя остановка была в Курментинском ущелье, недалеко от того места, где я впоследствии выкопал котлован. Там есть один большой наклонный камень. Как раз на нем и совершили молебен армянские монахи перед отъездом из Кыргызстана.

– Значит, где-то есть дополнительная информация о монастыре и мощах святого Матфея! – предположил я. – Надо связаться с Арменией. Там есть историки, археологи, в конце концов, есть армянская католическая церковь. Дима Лужанский через неделю едет в Армению на научный семинар. Надо поручить ему наладить контакт с теми, кто интересуется поисками древнего монастыря и святой реликвии! Там,

вероятно, что-то знают об иссык-кульском монастыре армянских братьев.

– Как вы думаете, Виктор, – задумчиво спросил Аман, – в пещеру могли попасть мощи святого Матфея?

– В 1389 году по северному берегу Иссык-Куля проходило войско Тамерлана, – начал размышлять я вслух. – Они могли разрушить монастырь. Во-первых, Тимур яростно расправлялся с неверными, особенно с христианами. Во-вторых, монастырь должен был представлять собой каменную крепость. Полководец не мог не взять ее. Монахи, в преддверии разорения, вероятно, поспешили укрыть святыню. Они могли спрятать ее в тайном месте высоко в горах.

Аман удовлетворительно кивнул, и мы договорились, что через неделю отправимся в Курментинское ущелье для съемки пещеры.

Теперь же я спешил в предгорье Орнёка. Всю зиму я мечтал пройтись по тем местам, которые так внимательно изучал по космическим снимкам. Нас с Димой в поездке сопровождали Аида, ученый, занимающаяся первобытной культурой каменного века, и Света, моя жена. С собой мы прихватили приборы ДжиПиЭс для определения точных координат обнаруженных объектов. То, что находки будут, я не сомневался. Мы ехали в совершенно новый для нас район, хотя он и располагался неподалеку от мест наших прежних поисков.

Навигаторы ДжиПиЭс, совмещенные с космическими картами Гугла, показывали наше местоположение и дорогу к интересующим нас каменным сооружениям. В первую очередь наша небольшая группа направилась к объекту, которому я дал название «Дом № 1». Это была большая кольцевая конструкция, с небольшим кругом в центре, разделенная на несколько частей радиальными перегородками. В ней мне виделся дом с крышей, выполненной из стволов деревьев, покрытых соломой. Конечно, кровля не могла сохраниться спустя многие тысячелетия, но, я думал, что найду следы, указывающие на принадлежность постройки к человеческому жилью.

Машина остановилась неподалеку от каменной конструкции, ближе дороги не было, и мы пошли пешком. По пути то и дело попадались валуны с петроглифами, небольшие каменные кольцевые сооружения. Аида была в восторге. Она записывала показания координат в блокнот, сопровождала их какими-то пометками, тщательно осматривала землю вокруг. И вот первые результаты: Аида с торжествующим видом показала нам осколки керамики и два кусочка бронзы, покрытые толстым слоем патины.

– Виктор, вы были правы: здесь было поселение!

Вся местность была буквально наводнена сооружениями из камня: кольцевые и прямоугольные оградки, курганы различных размеров, протяженные стенки, идущие в разных направлениях. Аида и Дима, увлеченные поисками, перебрасывались замечаниями, типа: «могильник эпохи бронзы», «это саки», «типичное тюркское захоронение», «времена великого расселения народов» и тому подобное. Я же внимательно вглядывался в каждый валун, бродя зигзагами между сооружениями. Где-то скрываются «чудные картины

Черкасова», я чувствовал их близость. Меня уже не радовали изображения козлов и архаров, сцены охоты, ветвистые рога оленей – все это я уже видел на других камнях. Мне нужно было что-то необычное.

Вскоре мое внимание привлек вытянутый валун в форме стелы, лежащий на боку. Часть его скрывалась в земле. На поверхности камня, покрытой солнечным загаром, просматривались какие-то знаки. Я подошел поближе и вгляделся. Это могло быть надписью. Просматривались некоторые элементы арабской вязи, но наличие кругов и непонятных линий, отсутствующих в арабской письменности, затрудняли определение языка надписи. Я позвал Аиду и Диму. Они осмотрели стелу, сфотографировали со всех сторон и решили отправить снимки специалистам по эпиграфике. Надпись на камне была древней, покрытой вторичным загаром. Часть ее была стерта и угадывалась с трудом.

«Могла ли она быть согдийской? – пронеслось в моей голове. – Или сирийской. А еще лучше, армянской. Ведь если

в этих местах был монастырь со святыми реликвиями, то к нему обязательно бы проложили путь паломники. Они всегда оставляют следы своего пребывания на камнях. Я видел кресты, выбитые на скалах в синайской пустыне». Обойдя камень, я не обнаружил и намека на изображение креста.

Но находка стелы со знаками ободрила меня. Я решил продолжить обследование этой местности. Вот большой пло-

ский камень, похожий на стол. Вся его поверхность покрыта линиями, образующими решетку. В нее вписаны фигуры козлов. К сожалению, весь рисунок сильно попорчен и нельзя различить детали.

А вот изящное изображение коня. Он словно встал на дыбы, подняв в воздух передние ноги и вытянув трубой хвост. Его шею и заднюю часть связывают три дуги, которые я первоначально принял за рога. Что хотел изобразить древний художник? Не крылатого ли коня, подобного греческому Пегасу?

На другом камне – фигуры извивающихся змей, на третьем – удивительное существо с телом козла, но с шестью рогами и двумя хвостами. Многофигурные сцены охоты соседствуют с одиночными изображениями козлов, оленей и архаров. А вот бык, тянущий повозку или плуг. Вот всадники на лошадях и верблюдах. Я нашел пару картин, изображающих батальные сцены. Люди на конях пытались поразить друг друга копьями.

Солнце, несмотря на апрель, жарило по-летнему. О весне

говорила лишь скудная зелень и немногочисленные желтые тюльпаны, растущие среди колючих кустарников караганы. В конце весны и в самом начале лета все предгорье Кунгей-Алатау покрывается яркими красками цветущих трав. Фиолет пышных кустов перовский и синяка, желтизна сурепки и пастушьей сумки, розовое буйство душистого горошка и люцерны, кумач полевого мака – каждое растение спешит завершить свой жизненный цикл. Пара недель, и все вокруг выгорит под лучами безжалостного солнца. Предгорья вновь превратятся в безжизненную каменистую пустыню.

На одном из валунов я заметил ряд выбитых символов. Подойдя поближе, я различил знакомую тибетскую мантру: «Ом Мани Падме Хум», повторенную трижды. Она встречается на многих камнях Прииссыккуля. Буддисты верят, что эта мантра защищает человека от любых негативных воздействий, дарует ему защиту богов, в первую очередь бога Шивы. Перевод дословный означает: «О жемчужина, сияющая в цветке лотоса!» Но буддисты говорят, что нет перевода этому словосочетанию. «Ом» представляет чистоту тела,

речи и ума Будды. «Ом» – сакральный звук, от вибрации которого родилась наша Вселенная. В индуизме обозначает единство троицы: Брахмы, Вишну и Шивы. В тибетском буддизме – единство трех тел Будды: Дхармакая, Самбхогакая и Нирманакая (то есть духовное, доступное лишь просветленным, божественное и физическое

тело, живущее в реальном мире). «Мани» выражает стремление к пробуждению, состраданию и любви. «Падме» символизирует мудрость. «Хум» – знак огня, вместилище высших энергий. Кроме того, мантра состоит из шести слогов, каждый из которых имеет свой смысл и цвет. «Ом» – белый, это мир богов. «Ма» – синий, мир демонов. «Ни» – желтый, мир людей. «Пад» – зеленый, мир животных. «Ме» – красный, мир духов. «Хум» – черный, мрачный мир обитателей ада. Душа человека после смерти, следуя колесу сансары, может родиться в любой из этих юдолей. Повторение мантры: «Ом Мани Падме Хум» призвано оградить человека от перерождения в нежелательном мире. Очень важно правильное произношение каждого слога. «Ом» гудит в набате буддийского колокола, заставляя дрожать каждую клеточку тела монаха, впавшего в религиозный экстаз. «Ом-ма-ни-пад-ме-хум!» с растяжкой звучит во всех монастырях Тибета, отзываясь во всех уголках нашей планеты. Ему вторят буддисты Монголии, Китая, Кореи. Он слышится в католических соборах и православных церквях, когда священник осеняет

крестом свою паству: «А-мен! А-минь!» Им вторят муллы в мечетях, нараспев произнося: «О-мин!» Буддизм – одна из самых древних религий, вобравшая в себя еще более древние верования, например, индуизм и ведизм. Можно предположить, что более поздние конфессии переняли что-то от буддизма.

Возле валуна полукругом стояло несколько больших камней. Видимо, на них располагались медитировавшие монахи.

Находка камня с тибетскими письменами порадовала меня. До сих пор мне не было известно о наличии подобных надписей в этом районе. К вечеру выше села Кара-Ой мы нашли два интересных плоских камня. Один – овальный по форме, второй – близкий к ромбу. В центре каждого было прямоугольное углубление, по обеим сторонам от которого шли круглые углубления, напоминающие каменные ступки. Камни стояли вертикально и были наполовину закопаны в землю напротив друг друга. Ромбовидный был немного больше, чем овальный. Видно было, что камни использова-

лись в качестве орудия труда, но как именно, догадаться мы не смогли.

На следующий день Дима показал нам свою орнёкскую находку – изображение человека. Оно походило на рисунок ребенка. Круглая голова насажена прямо на веретенообразное тело с мощными ногами. На лице две точки вместо глаз, большой мясистый нос, сомкнутый рот от уха до уха. Руки – две черточки. Мне вспомнилась детская приговорка, сопровождающая рисование человечка: «Точка, точка, запятая – вот и рожица кривая. Палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек!» В одной руке он сжимал палку или бумеранг, в другой нечто напоминающее пращу. Вся поза человечка была напряженная, правая нога отставлена и опиралась на носок, левая в упоре. Кажется, мгновение – и он метнет в зверя камень из пращи. Под человеком было изображение козлика. Чуть поодаль еще пасущиеся животные.

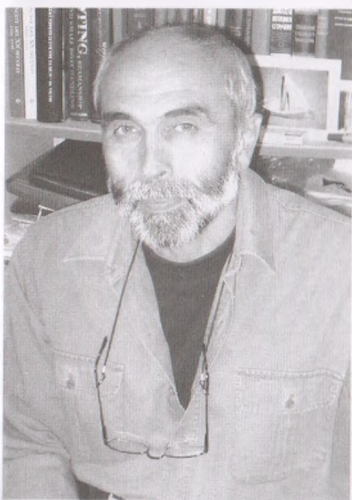
Пора было возвращаться в Бишкек, заканчивался выходной день. За два дня мы сделали немало открытий: стела с письменами, тибетский камень, несколько каменных соо-

ружений, много интересных петроглифов. Но несмотря на радость от находок, я был в растерянности: как мне найти таинственные камни Черкасова? Нет и намека, что здесь есть петроглифы, выполненные более сложной техникой, где одна фигура перетекает в другую, где из простых изображений составляются большие картины. Ведь я внимательно осматривал каждый попадавшийся мне камень с рисунками. Между тем, мне необходимо было обследовать территорию площадью более ста квадратных километров! Надеяться на удачу и случай можно. Я буду продолжать ездить в Орнэк на поиски. Но нужна и работа с архивом Черкасова. Мне казалось, что там быстрее можно будет обнаружить зацепки к решению этой сложной задачи: пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что.

Восьмая глава

Из Армении Дима Лужанский привез волнующие новости. Во-первых, ему удалось встретиться и познакомиться с Рубеном Балаяном, руководителем клуба морских исследований «Айас», непосредственным организатором и вдохновителем предстоящей иссык-кульской экспедиции для поисков армянского монастыря. Клуб действовал уже в течение

25 лет и осуществил ряд успешных проектов, включая постройку судна по чертежам XIII века. Судно, названное «Киликией», в честь древнего армянского государства, прошло под парусом до берегов Великобритании и Голландии и вернулось обратно в Черное море в порт Потти. Из подводных поисков успешными были экспедиции в Карибское море для розыска судна «Кедах мерчант», некогда принадлежавшего армянским купцам,

впоследствии захваченного известным пиратом Капитаном Киддом, и на Черном море в месте кораблекрушения российского линейного корабля XVII века «Святой Александр». В последней экспедиции принимали участие тульские дайверы из клуба «Нептун». Теперь они тоже собирались к нам на Исык-Куль.

Рубен поведал Диме, что в розысках примут участие два геликонтера, которые, как он рассчитывал, прибудут в Кыргызстан. С воздуха хорошо просматривается дно озера на большую глубину. Кроме того, на судне будет использован современный докатор, который позволит получить подробную объемную карту исык-кульского дна в местах поиска. На ней можно будет увидеть даже небольшие объекты. «Армянский монастырь был построен из массивных каменных блоков – это многовековая традиция. И время не могло уничтожить его следы», – уверял Рубен.

Оказывается, армянский клуб морских исследований занимался и поисками старинных документов. С ним сотрудничал французский профессор армянского происхождения. Он должен был связаться с армянским монастырем в Венеции. Там хранился большой архив древних манускриптов. Возможно, среди них были и бумаги, связанные с деятельностью исык-кульского монастыря.

Дима изложил Рубену нашу версию поисков нужной информации. Рассказал о наших предположениях, касающихся связей армянских братьев с орденом святого Доминика, о вероятном разрушении монастыря во время нашествия эмира Тимура. Руководитель клуба «Айас» очень удивился,

что судьба армянского монастыря интересует нас, кыргызстанцев. Конечно, Рубен знал о мощах святого Матфея, хранившихся у монахов, но скептически относился к их поискам. «Монастырь – сооружение из камня и способно выстоять века. А мощи, скорее всего, утрачены навсегда. Вряд ли кто-нибудь сможет отыскать их», – таков был вердикт Рубена Балаяна.

– Он показал мне фотографии старых армянских монастырей, – рассказывал мне Дима. – Грандиозные постройки, причем крыша выполнена в виде островерхого шатра. Некоторые люди говорят, что Таш-Рабат – это и есть искомый монастырь. Раньше, до поездки, и я был склонен думать так же. Теперь же я твердо уверен, что это не так. У Таш-Рабата совершенно другая архитектура, и свод в виде купола. Нет, он не может быть армянским монастырем! Мы обсудили с Рубеном места предполагаемого размещения монастыря. Он утверждает, что нужно искать на южном побережье озера. И возле монастыря обязательно должен был быть город. Монахи практически все свое время предавались службе и молитвам. Кто-то должен

был содержать их. Скорее всего, монастырь жил за счет подаяния паломников, коих было предостаточно.

– Я думаю, что армяне были миссионерами, – возразил я. – Иначе зачем было строить монастырь так далеко от цивилизации. Основной задачей монахов было, наверное, распространение христианства. Насчет близости города я согласен. Кого-то надо было обращать в веру.

– Я почти уверен, – взволнованно проговорил Дима, – что близлежащий город с монастырем – это Иссиколь, то есть развалины в Тору-Айгыре.

– Возможно, – кивнул я в ответ. – Это был самый крупный город в Средние века на территории Прииссыккуля. На Каталонской карте надпись гласит: «Место, называемое Иссиколь. В нем монастырь армянских братьев, где хранятся, говорят, мощи апостола и евангелиста Матфея». Может, Иссиколь название города, а не только озера? А город в Тору-Айгыре был, по-видимому, многоконфессиональным. Стоял на Шелковом пути и был смешением и культур, и религий. Христиане, безусловно, в нем жили.

– Нужны доказательства, – пожал плечами Лужанский. – Кресты, надписи...

– Камень, а на нем написано: «Здесь был армянский монастырь!» – пошутил я и добавил: – Нужно искать. Конечно, армяне имеют мощное оборудование и, видимо, средства. У нас же, кроме энтузиазма, ничего нет. Но мы обладаем одним большим преимуществом: мы здесь живем! Экспедиция планируется на конец сентября. У нас в запасе почти пять месяцев. Мы должны тщательно обследовать окрестности Иссык-Куля, проверить любую гипотезу о местонахождении монастыря. Он может скрываться где-нибудь в горах либо под водами озера. Наша задача: найти любую зацепку, надпись или рисунок на камне, каменный блок из стены монастыря, что-то, что укажет нам направление наших поисков. Например, я слышал, что недалеко от перевала Сан-Тап возле курганов есть каменное сооружение. Надо проверить его. Выше села Сары-Камыш рядом с Тору-

Айгыром в горном ущелье когда-то давно я обнаружил странное здание из камня. Тогда я не обратил на него особого внимания, теперь же нужно обследовать и его.

– Кстати, в Армении я часто видел изображение вихревой розетки. Такое же изображение встречается и на средневековых сосудах, найденных в Тору-Айгыре. Возможно, эти розетки говорят о том, что неподалеку от древнего Иссык-Куля был армянский монастырь, – высказал предположение Дима. Я покачал головой:

– Вихревая розетка очень древний символ. Его можно найти в разных культурах. Например, у викингов, славян. В Центральной Азии вихревая розетка как символ солнца и вечного движения космоса встречается повсеместно. Видел я ее и на Тибете, в Китае. Я думаю, что это протосимвол, подобный кресту, кругу, квадрату. Их корни уходят в глубокую древность, они родились на заре человечества, поэтому понятны любым народам. Мы должны найти символы и знаки, которые были бы связаны с армянской церковью. Ведь, насколько я помню, у них своеобразная форма крестов, ка-

жется, их называют «хачкары». Где-нибудь неподалеку от монастыря на скалах или валунах, возможно, есть их изображение. Могут быть и другие раннехристианские символы: рыба, якорь, голубь, павлин, монограммы и тому подобное. Кстати, я помню, что на южном побережье в ущелье Джука были найдены могильные камни с надписями – кайраки. На них есть изображение креста. Что написано на этих кайраках? Возможно, на них есть упоминание об армянах. Монастырь существовал минимум полвека. Значит, должен существовать некрополь, где хоронили почивших монахов. Армяне собираются искать монастырь

на южном побережье Иссык-Куля. Джуука там же. Помогу, это единственное место, где были обнаружены христианские захоронения. Дима, это может быть знаком. Нужно собрать информацию по иссык-кульским кайракам. Были ли еще находки и где?

По горящему взору Димы я понял, что он готов немедленно ринуться на поиски: ехать на Сан-Таш, обследовать окрестности Сары-Камыша, подниматься по ущелью Джуука, по которому проходила одна из веток Великого шелкового пути. Но у каждого из нас был свой круг обязанностей, удерживающих нас в городе. Была работа, повседневная рутина. Мы вынуждены были ожидать наступления выходных дней. И необходимо было наладить оперативную связь с клубом «Айас», с Рубеном Балаяном и с его европейским агентом, искавшим пути доступа к архивам венецианского монастыря.

Девятая глава

Владимир Петров по специальности геолог, но историей «заболел» еще в детстве. В 50-х годах прошлого века мальчишкой принимал участие в иссык-кульских походах археологического кружка Николая Дмитриевича Черкасова. Всю жизнь собирал материалы по истории нашей столицы, что позволило ему написать и издать две книги: «Пишпек исчезающий» и «Фрунзе советский». Книги интересные, с многочисленными старыми фотографиями, запечатлевшими виды дореволюционного, а потом и советского города, те образы, дорогие сердцу каждого родившегося в нем человека, которые ныне или полностью исчезли из городского ландшафта под давлением нового времени, либо с трудом узнаются под аляповатыми вывесками и фасадами современных офисов и магазинов.

Теперь Петров сидел напротив меня и предлагал мне, как издателю, выпустить его новую книгу, посвященную исследователям Средней Азии. Тема, безусловно, интересная, но меня волновал сейчас другой вопрос. Год назад Владимир

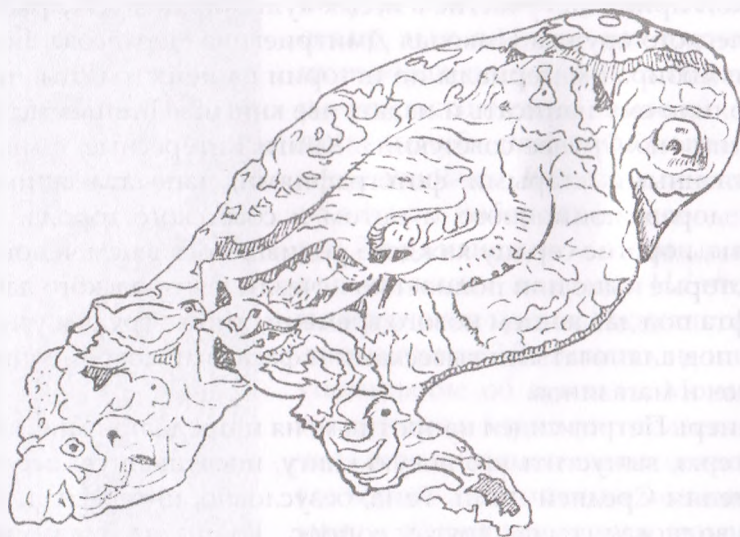
охладил мой пыл, твердо заявив при нашем с ним телефонном разговоре, что странные петроглифы, которые я ищу, всего лишь фантазии Черкасова.

– Почему вы не верите своему учителю? – спросил я собеседника, отложив его рукопись в сторону. – Неужели вы сами не видели воочию многослойные рисунки на камне? Ведь их, судя по архиву Николая Дмитриевича, было немало.

Петров скептически посмотрел на меня:

– Видите ли, Виктор, я находил сотни сложных петроглифов, целые картины с многочисленными фигурами людей и животных. Но то, что мне показала Светлана Михайловна Громова, я никогда не встречал. Кроме того, будучи геологом, смею утверждать, что выполнить подобные рисунки на тех камнях, кои находятся в предгорьях Иссык-Куля, невозможно. «Писаницы» Черкасова, к сожалению, плод его собственного творчества. Наверное, в свободные минуты он мечтал и рисовал на листках подобные картинки...

– Вы понимаете, что для того, чтобы создать эти «мистификации», нужны, как минимум, талант художника, бо-

гательшая фантазия и уйма времени! – прервал я Петрова. – Сознаюсь, после нашего с вами телефонного разговора я сам стал сомневаться в подлинности таинственных рисунков. Тем более, что найти их на камнях оказалось делом более чем трудным.

– Неужели вы нашли их? – поднял свои густые брови Владимир Петров. – Весь архив по ним забрала с собой Громова и скрывает от общественности.

Я мотнул головой:

– Нет, еще не нашел.

Петров снисходительно улыбнулся, чем задел меня.

– Но если камень с таким удивительным рисунком существует, он не может быть единственным. Обязательно должны были существовать подобные...

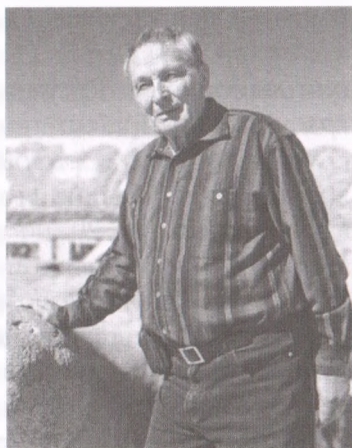
– И что? – в глазах Владимира возник интерес. – Они есть?

– Есть! – выпалил я. – Просматривая фотографии из архива Черкасова, я был уверен, что обнаружу снимок хотя бы одного из таких петроглифов. И действительно, я наткнулся на необычный снимок. Давайте лучше я покажу его на экране компьютера, я отсканировал фотографию.

Я нашел в архиве несколько фотографий с изображением двух наложенных друг на друга оленей, кабана, морда которого была частью задней ноги большого оленя, фантастического всадника на утке, человека с головой барана, поднимающего на руке барса и тому подобное. Петров с жадностью гляделся в монитор компьютера.

– Видите? Один олень, вот другой, – комментировал я снимок. – Здесь кабан, тут голова рыбы, всадник на утке, голова собаки. А вот тут очень странное изображение – похоже на тираннозавра...

– Вижу, вижу, – шептал взволнованно Владимир. – Это

какая-то фантастика. Они существуют! Я думал, что это что-то вроде камней Ики из Перу. А теперь я вижу, как они выполнены. Рисунки – реальность! Неужели на фотографиях нет никаких пометок? Где находятся сами камни?

– Вы же знаете, район Орнёка очень большой. Николай Дмитриевич поделил его на участки. На снимке может стоять цифра 1 или 20, но как найти саму схему района? Архив многократно перебирался разными людьми. Вероятно, что-то они брали безвозвратно по своим надобностям. Теперь трудно составить целую картину. Масса фотографий потерялась или разошлась по рукам. То же касается записей Черкасова. Я думал, вы можете внести какую-нибудь ясность. Например, в нумерацию участков Орнёка.

Петров сокрушенно покачал головой:

– Тогда я был слишком мал, чтобы разбираться в подобных тонкостях. А потом прошло столько времени! Шестьдесят лет – целая жизнь! Теперь я не могу даже помочь в поисках, у меня нет сил ходить по горам!

Расставаясь, Петров долго жал мне руку и повторял: «Теперь я поверил!» На что я отвечал: «Я непременно разыщу хоть один такой камень!» Но в душе певелился червь сомнения. Все меньше оставалось нехоженных мною троп близ Орнёка и ни одного найденного странного петроглифа! Я вспомнил, как впервые мы с Димой Лужанским наткнулись на просверленные и разбитые на части валуны с древними рисунками. Вокруг ферм и кошар были массы уничтоженных каменных галерей. Мелькнула мысль: «Неужели все удивительные рисунки были уничтожены человеком?» За ней пришла следующая: «Могла ли такая разрушительная деятельность быть осмысленной, целенаправленной? Может, кто-то хотел избавить науку от неудобных, непонятных изображений, которым нет внятного объяснения?» И все же я был уверен, что хотя бы одно чудное изображение где-то скрывается в предгорьях Иссык-Куля и его можно отыскать. Нужно лишь время и упорство. И желание. У нас с Димой оно все еще было.

Десятая глава

Ряд непредвиденных обстоятельств не позволил нам выехать на обследование пещеры Амана. Недели проходили за неделями, а мы не могли выкроить время на поездку. Дима продолжал собирать сведения по христианским кайракам Иссык-Куля. Вскоре я уже знал, что их было найдено около шестисот в окрестностях Бишкека и всего два таких камня возле ущелья Джуука. Находки были сделаны еще до революции и описаны Пантусовым. Датировались они 1330-м годом. Как раз в то время, по моим расчетам, на территории нынешнего Кыргызстана существовал армянский монастырь. На одной надписи было прямо написано, что в захоронении покоится прах армянского священника. Где хранились сами кайраки сейчас, было неясно – то ли в Эрмитаже, то ли в Москве. Могли они быть и в Казахстане. Нужна была дополнительная информация.

Я вспомнил, что видел книги по эпиграфике Кыргызстана у владельца антикварного магазина Кошевара Вадима. Он серьезно был увлечен историей и археологией, имел обширную коллекцию находок древностей и часто писал статьи в научные журналы.

В магазин я пришел вместе с Димой Лужанским. Он прихватил с собой несколько перепечаток из работ, касающихся христианских надписей на территории Киргизии.

Вадим меня сразу огорошил, сказав, что книги давно продал.

– Вадим, знаешь ли ты что-либо о христианских памятниках Иссык-Куля? – полюбопытствовал я.

Вадим пожал плечами.

– Специально этим вопросом я не занимался, но если вас интересует местоположение армянского монастыря, то я могу предположить, где он был, – к великому нашему удивлению произнес антиквар.

– Нас действительно интересует монастырь, – согласился я и тут же пояснил: – Дело в том, что осенью этого года на Иссык-Куль собирается приехать экспедиция Федора Конюхова. В нее входят армянские и российские исследователи.

Их цель – поиски армянского монастыря. Мы хотим провести предварительные обследования, так как и руководители экспедиции не имеют достаточной информации о реально возможном расположении монастыря. Они предполагают искать на южном побережье.

Вадим покачал головой.

– Я думаю, что есть только одно место, где мог быть монастырь. Это Тору-Айгыр!

– А почему он не может быть в Курментах? – спросил Дима Лужанский.

– Во-первых, то, что выдается сейчас академиком Плоских за остатки монастыря – катакомбы на Заячьем острове – скорее всего постройка XIX века русских православных монахов. Во-вторых, монастырь существовал в XIV веке, а находки того времени есть только в Кой-Суу, где еще сохранились следы замка тимуридского вельможи, да в Тору-Айгыре. Там был большой город, один из крупнейших в Иссык-Кульской котловине. Ведь для того, чтобы обеспечить жизнь монахов, обязательно рядом должен был быть город.

– Монастырь существовал около пятидесяти лет, – сказал я. – За это время кто-то из монахов умирал и рядом должны быть христианские захоронения. Я не слышал о находках таковых в районе Тору-Айгыра. А вот в ущелье Джуука были найдены кайраки с крестами и надписями.

– Там нет города, – возразил мне Вадим. – Вернее, существовал чуть восточнее, на Койсаре, но много раньше монастыря...

– Но кайраки в Джууке свидетельствуют о том, что там жили христиане, – я попытался спорить с Вадимом.

– Дело ваше, ищите где хотите – отмахнулся от меня антиквар и добавил: – Захоронения в Тору-Айгыре могут находиться под водой, поэтому нет сведений о христианах. Между прочим, вы не первые, кто интересуется армянским монастырем. Только вчера я высказывал свою точку зрения одним любопытствующим.

Мы с Димой недоуменно переглянулись.

– И кто это, если не секрет? – спросил я.

– «Поисковики».

Я понял, что более подробного ответа не дождусь. «Поисковики» – это «черные археологи», люди, живущие за счет продажи найденных артефактов. Их находки уходят в частные коллекции и уплывают за рубеж, оставаясь неизвестными для науки. Антиквару, видимо, что-то перепало из находок «поисковиков», поэтому он не спешил открывать нам карты. Я же почувствовал неприятное волнение, словно в спину мне задышал невидимый преследователь. «Поисковики» были оснащены мощными металлоискателями и «просвечивали» землю на глубину более метра. Тягаться силами с ними было невозможно. Можно только надеяться на то, что удача будет на нашей стороне и монастырь окажется под водой. Как мне казалось, «поисковики» еще не освоили подводное пространство. Вести поиск под водой много сложнее и требует специального оборудования и подготовки.

Вскоре после посещения антикварной лавки Дима позволил мне:

– Я обнаружил упоминание о христианских кайраках в районе Тору-Айгыра! Их находил Иванов в 20-х годах прошлого века.

– Надписи на камнях были? – спросил я.

– Подробной информации об этих кайраках я еще не нашел, – ответил Лужанский. – Как только найду, перешлю вам.

Я обрадовался: кайраки подтверждали наше предположение о христианской общине в средневековом городе Иссык-Куль. Я решил, что непременно в ближайшее время обследую окрестности Тору-Айгыра. Возможно, найдутся новые петроглифы, христианские надписи или символика, которые позволят нам сделать первые шаги в поисках монастыря армянских братьев.

Одинадцатая глава

Современная техника дает человеку огромные возможности. Изобретение Интернета открыло перед человечеством двери в мир информации. Можно посмотреть область Вселенной, доступную лишь сверхмощным телескопам НАСА, увидеть лунный или марсианский пейзаж через видеокамеры аппаратов, работающих на далеких планетах, узнать почти любую информацию по заинтересовавшей вас теме. С помощью программы «Планета Земля» можно из космоса рассмотреть любой район земной поверхности. Правда, не везде снимки даны в хорошем разрешении, но это вопрос времени. Я слышал об открытиях, совершенных людьми с помощью этой программы. Например, были обнаружены древние кратеры, возникшие миллионы лет назад от падения метеоритов и астероидов.

У меня на компьютере установлена программа «Планета Земля», которую распространяет Гугл – крупнейшая в мире корпорация, которой принадлежит самый популярный поисковик. В этой программе почти не просматривается дно Иссык-Куля. Дело в том, что космические снимки для рельефности ландшафта делаются на заходе солнца, то есть при

освещении косыми лучами. Тени получаются длинными и возникает ощущение объема. Например, на канадской территории хорошо видны тени высоких елей, словно ты лежишь на самолете и смотришь в иллюминатор. Но при таком наклоне солнечных лучей они отражаются от водной глади, как от зеркала, и вода надежно скрывает от любопытных взоров то, что находится на дне. Я приобрел себе планшет Айпед. У него встроенный навигатор и всегда можно определить, где ты находишься. В планшете есть карта звездного неба, и стоит направить планшет на небо, как тут же на экране отразится текущее состояние этого участка. На экране появятся созвездия, названия звезд или планет. Очень удобный прибор. Он может вести фото- и видеосъемку, позволяет общаться со знакомыми и родными по Скайпу, заменяет в путешествии книгу или телевизор, храня в своей памяти множество текстов и фильмов. Дети любят планшет как игрушку: он может предложить массу занятных игр для любого возраста. Но меня, в первую очередь, интересовали карты. Они помогали мне в поисках, я мог определить координаты любого обнаруженного объекта или валуна с петроглифами. Эти карты отличались от тех, которые предлагал Гугл.

На них хорошо просматривался рельеф дна Иссык-Куля, то есть снимки делались тогда, когда солнечные лучи падали вертикально вниз, просвечивая водную толщу до самого дна. Возможно, и в других местах можно было найти что-то интересное, но меня интересовал в данный момент только Иссык-Куль. Я с интересом изучал видимые участки подводного пейзажа. Вокруг озера просматривалась верхняя терраса, уходящая под воду на глубину до 10 метров. Она самая светлая. На ней расположены руины всех средневековых затонувших поселений. По границам этой террасы можно увидеть очертания озера в Средние века. В восточной части Иссык-Куля верхнюю террасу прорезали темно-синие русла древних рек. Более глубокая терраса была на глубине до 20 метров и тоже хорошо просматривалась. Не все участки озера были сняты с хорошим разрешением. Где-то видимость

терялась на глубине более 50-ти метров. Удавалось различить лишь границы глубоких террас: до 50 метров, следующая до 100 метров, дальше шла темно-синяя мгла. Там, где был четкий снимок, рельеф дна можно было просмотреть до глубины почти 200 метров! Ничего особо интересного я не обнаружил ни в восточной части озера, ни в центральной. Я перешел к изучению западной, более мелкой части Иссык-Куля и сразу же пришел в изумление, не поверив своим глазам. Со дна озера на меня словно смотрело гигантское создание: огромный круглый глаз, от которого раскручивающейся спиралью уходила линия головы с крутым лбом, на нем ответвление в виде хохолка, дальше три расходящиеся линиями (две направо вглубь озера, одна – к берегу) подобие шеи – нечто, напоминающее голову динозавра! Ничего подобного раньше я не видел и не читал в литературе. Я оценил размеры подводного образования. Оказалось, что голова «динозавра» около пяти километров в диаметре. Центр воронки был удален от ближайшего берега (северного) на пять километров. Вид спирали на дне Иссык-Куля вызвал в памяти образ воды, вытекающей из раковины в сливное отверстие. Она так же закручивалась в спираль. Я вспомнил о поездке в Эквадор: на линии экватора нам демонстрировали влияние вращения Земли на слив воды из раковины. На экваторе вода выливается без вращения, в северном полушарии – закручивается против часовой стрелки, а в южном – по часовой. Виной этому – сила инерции, получившая название силы Кориолиса. Действие этой силы можно наблюдать в природе: в северном полушарии правый берег рек более крутой, потому что вода, отклоняясь, постоянно подмывает его. Учитывают эту силу и артиллеристы при стрельбе на дальние расстояния.

Я понял: в этом месте озера когда-то вода уходила под землю. Причем с такой скоростью, что создала огромные спиралевидные стены вокруг подземного колодца. Я представил себе, как могла выглядеть эта воронка в действии, и ужаснулся – вся вода в западной части озера вращалась с бе-

шенной скоростью! Вот это настоящий Мальстрём, диаметром около 10 километров! Когда же он существовал? Скорее всего, миллионы лет назад и функционировал в течение долгого времени, раз промыл такие стены. Спиральные стены шли на глубине около двадцати метров, центр, судя по топографической карте, был на глубине около сорока метров. Там же возвышались какие-то скалы.

«Интересно, – подумал я, – куда уходили такие огромные массы воды? Ведь ни в Кыргызстане, ни в прилегающих странах не видно места их выхода». Если бы это явление происходило в Средние века, то подобное событие нашло бы отражение в древних летописях, но упоминаний об этом я не встречал в литературе. Правда, в записках Сюань Цзана, побывавшего на берегах Иссык-Куля в 630 году нашей эры, говорится, что «хотя в озере много рыбы, местные жители ее не ловят, опасаясь морских драконов, обитающих в воде...» Уж не водоворот ли был тем драконом, который пугал жителей средневековых городов? Постоянно ли существовал сток с озера или открывался внезапно, подобный прорыву, увлекая за собой огромные массы воды? Возможно, поэтому не было развито судоходство по Иссык-Кулю. Это обстоятельство всегда озадачивало меня. Ведь везде, где есть водное пространство, человек обязательно осваивал его. Здесь же, на Иссык-Куле, не было и намека на использование лодок или судов.

У нас в Кыргызстане прорыв озера – известное явление.

Каждый год озеро Мерцбахера, наполняясь водой, открывает входы в подземные пещеры, до того запечатанные ледовыми пробками, и полностью сбрасывает свои воды. Но озеро Мерцбахера расположено на леднике Эныльчек, в зоне вечных снегов. А озеро Иссык-Куль лежит в долине на уровне 1600 метров. Что могло закрывать вход в подземный колодец? Судя по всему, он открылся, когда уровень воды в озере был достаточно высок, может быть, даже выше сегодняшнего. Возможно, это был тектонический разлом, возникший внезапно в результате подвижки подземных плит? Куда же могла уходить вода – в недра земли? А не мог ли поток воды идти в обратном направлении – в Иссык-Куль?

Я представил себе, что сдвиг земной коры создал туннель между Иссык-Кулем и каким-нибудь высокогорным озером, воды которого по закону сообщающихся сосудов устремились вниз, в Иссык-Куль. Ведь существует же масса легенд о возникновении озера: все они связаны с природной катастрофой. Воды из незакрытого колодца (по другой версии – из разверзшейся земли) вырываются наружу и заливают всю долину, затопляя города и поселения людей. Может быть, в фольклоре нашло отражение реальное событие, оставшееся в человеческой памяти и окрашенное фантазией народного творчества? В моей голове теснился рой вопросов, на которые я не мог найти ответа. Я позвонил своему знакомому – Болоту Молдобекову, директору Центрально-Азиатского филиала Института Земли, штаб-квартира которого находится в Германии, в Потсдаме. Эта организация занимается изучением нашей планеты, процессов, происходящих в разных точках земли. На нее работает целая сеть космических спутников, датчиков, установленных в «горячих» точках земного шара. Кому как не Институту Земли знать о воронке на дне Иссык-Куля?

Мой вопрос поверг Болота в изумление. Он тут же признался, что ничего об этом никогда не слышал. Снимки земной поверхности, действительно, производились в косых лучах солнца и дно озера на них не просматривается. Но Болот

сильно заинтересовался феноменом и обещал собрать сведения, которыми мог располагать институт. Перезвонил он мне буквально через полчаса.

– Я навел справки, – сказал Болот. – Несколько лет назад на Иссык-Куле работала американская экспедиция. Американцы снимали рельеф дна с помощью сонаров. Ими были зарегистрированы три образования в виде воронок...

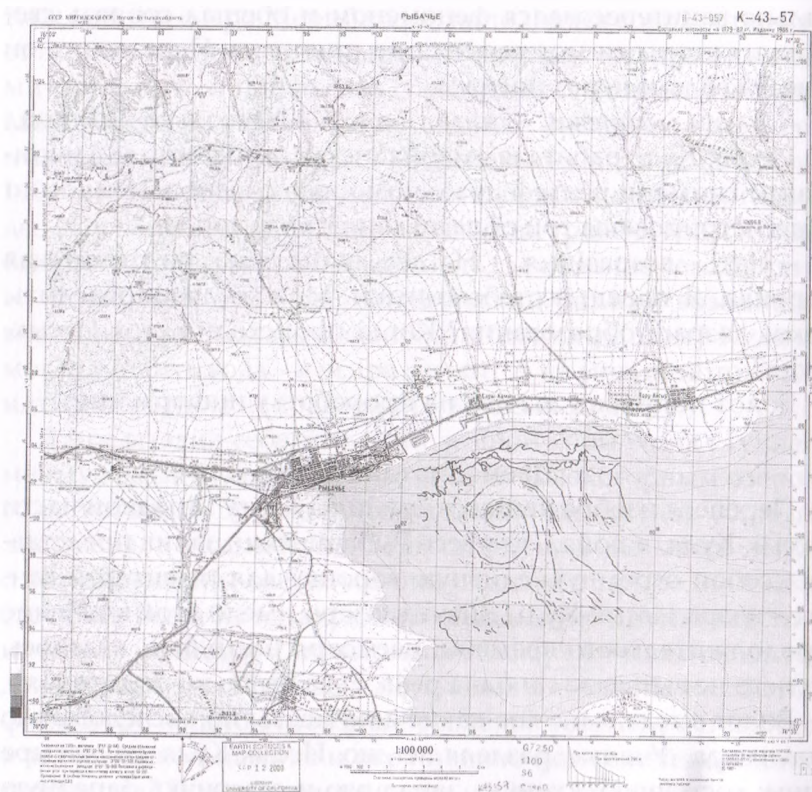
– Нет, – возразил я. – На дне видна одна, но гигантская воронка. Я перешлю тебе снимки. Можно ли определить, каков возраст образования? Когда происходил сток Иссык-Куля?

Болот попросил два дня на проработку информации.

Двенадцатая глава

Перенеся изображение спирали на карту западной части Иссык-Куля, я понял, что весь Рыбачинский залив представлял собой огромную сливную воронку для гигантской ванны – озера Иссык-Куль. Значит, озеро имело сток в течение продолжительного времени, несмотря на то, что, казалось, из него не вытекала ни одна река. Река была, но подземная!

Болот выслал мне кое-какие документы по обследованию дна озера. Ученые разделяли дно Иссык-Куля на четыре зоны: восточную, южную, западную и северную. Западную характеризовали как мелководье, простирающееся на восток на расстояние до 30 километров. Рельеф дна озера изучала Гидрографическая служба Каспийской флотилии в 1968 году. После нее этим вопросом ведало Управление Гидрометеослужбы Киргизии. Она обследовала дно Иссык-Куля до глубины 100 метров. Максимальная глубина озера – 668 метров. В 80-х годах была выпущена топографическая карта Иссык-Куля, на которой был указан рельеф дна до глубины 100 метров. В 2002 году вблизи северного берега в районе села Семеновка с помощью сонарной съемки было обнаружено семь воронок на глубине 155–170 метров, диаметром 100–150 метров и глубиной до 30 метров. Работы производила экспедиция Санкт-Петербургского института океанографии.

Тогда объяснили, что эти воронки – следы выхода газа метана из недр земли. Диаметр только центра открытой мной воронки около километра. Мне пришла в голову мысль: не имеют ли те воронки одинаковую природу возникновения с воронкой Рыбачинского залива? Что если в результате мощного землетрясения произошла подвижка подземных плит по линии разлома? Я читал в одной статье, что по Иссык-Кулю проходит такая линия. Поэтому так много в горах Прииссыккулья термальных и радоновых источников. В статье развенчивался миф о том, что вода Иссык-Куля по подземным ходам утекает в озеро Балхаш. А может быть, действительно когда-то воды озера уходили в казахскую степь? Мне

представилось, что мое случайное открытие существования рыбачинской воронки перевернет современное представление об истории озера. В XIX веке Семенов-Тянь-Шанский открыл, что Иссык-Куль не имеет стока и река Чу не вытекает из него. Для географической науки это было выдающееся достижение. С тех пор не утихают споры о возрасте озера, ученые гадают, когда оно стало бессточным.

Я взгляделся в нанесенный мною на карту рисунок воронки. Одна из стен, выходя из центра, круто уходила на юго-восток. Ее продолжение совпадало с долиной Ак-Олён, выходящей к реке Чу. В этом месте Чу, спешащая, казалось бы, на встречу с Иссык-Кулем, вдруг делала неожиданный поворот на север, а потом резко разворачивалась на запад и скрывалась в Боомском ущелье. На карте угадывается, что река Чу некогда мощным потоком вливалась в жерло воронки. Какие-то силы однажды преградили дорогу реке Чу и направили ее в образовавшийся разлом – Боомскую щель – в некогда единой горной цепи Кунгей-Алатау – Киргизский хребет.

Две другие стены воронки совпадали с двумя желобами, обозначенными на карте большими глубинами, чем близлежащий ландшафт дна. Ложе залива в этом месте было на уровне 25 метров от поверхности озера, промытые желоба уходили на глубину около 50 метров. По ним вода Иссык-Куля могла попадать в водоворот Рыбачинского залива. Желоба просматривались до 90 метров глубины. Если по этим каньонам вода текла в залив, могла ли она промыть такие глубокие желоба? А может быть, вода шла в обратную сторону, в Иссык-Куль и желоба – древние русла потоков, бивших из жерла воронки? Я читал, что в Иссык-Куль могли вылиться воды гипотетического Кочкорского озера во время подвижки земной коры.

Я ждал возвращения Болота. Он улетел в командировку в Москву и обещал по прибытию в Бишкек связаться со мной для разработки дальнейших действий. Я был уверен, что нужно ехать на Иссык-Куль и погружаться в центр

подводной воронки. Хотелось воочию увидеть стены, спиралью идущие по дну озера. Какова их высота? Судя по масштабам воронки – это гигантские образования. Существуют ли подводные течения до сих пор? Насколько опасно приближаться к километровому центру воронки? А может быть, это вовсе не стены, а промытые каньоны? Ответ лежал на глубине 30 метров в Рыбачинском заливе.

Была уже середина июня, но вода на Иссык-Куле даже на поверхности не превышала 15 градусов. На глубине 30 метров было очень холодно, для погружения необходимы гидрокостюмы сухого типа, под которые можно надеть теплую одежду. Я должен был связаться с Петром Ильчишиным, моим инструктором подводного плавания.

Тринадцатая глава

Петр Ильчишин, узнав о воронке на дне Иссык-Куля, загорелся идеей обследования этой уникальной зоны.

– У меня сейчас занимается студент, у которого есть эхолот. Этот прибор может сканировать дно до глубины 250 метров и выводить картинку ландшафта на монитор компьютера с хорошим разрешением, – сказал он, обещая познакомить со своим студентом.

Александр оказался солидным человеком средних лет и заядлым рыболовом. Эхолот ему нужен был для нахождения рыбных стай. Мое предложение использовать его прибор для других целей Александр воспринял с энтузиазмом. Он с любовью демонстрировал мне возможности своего прибора, показывая на компьютере картинки дна Иссык-Куля, снятые им неподалеку от Чолпон-Аты. Ему, так же как и мне, не терпелось отправиться в экспедицию на озеро.

Наш пыл охладил Петр.

– Не вздумайте плыть на лодке к центру воронки, – он как в воду глядел: именно это я и предполагал сделать. – Если дунет Улан, мало вам не покажется: если даже не перевернет лодку, то унесет за десятки километров. Вряд ли мотор справится со стихией.

Я вспомнил, какие ветра бывают на Иссык-Куле. Как-то в юности мы с двоюродным братом, катаясь на лодке, попали в Улан – так называется ветер, дующий с запада из Боомского ущелья. Около часа, который показался вечностью, мы боролись с волнами и пронизывающим ветром, уносящим нашу лодку от берега к центру озера. Я до сих пор помню отчаяние, охватившее нас, когда мы, неустанно работающие веслами, смотрели на удалявшийся берег. Улан стих внезапно, как и появился. С трудом добравшись до берега, мы в изнеможении повалились на песок и благодарили судьбу, что ветер был кратковременным.

Теперь я согласился с Петром и предложил дожидаться Болога. Возможно, Институт Земли поможет нам арендовать небольшой катер для обследования акватории Рыбачинского залива. Решили в ближайшие выходные дни испытать прибор Александра на Караойском городище неподалеку от нашей базы на Иссык-Куле.

Я еще раз просмотрел карту Рыбачинского залива с нанесенной схемой воронки. Меня интересовали два желоба, впадающие в водоворот с востока. По всей вероятности, это следы русла древних рек. Некогда Иссык-Кульская котловина была цветущей долиной, по которой текли эти реки. Озера еще не было. После геологической катастрофы, перекрывшей дальнейший путь водам этих рек, началось затопление долины, с последующими неоднократными провалами дна.

Какая тогда произошла катастрофа и в какую геологическую эпоху это случилось, возможно, могут сказать специалисты – палеогеологи. Где-то я читал, что 12–14 тысяч лет назад в нашу планету врезался астероид. Следы его падения ученые находят в Северной Америке в виде гигантских кратеров. Предполагают, что по всей планете прошли мощные землетрясения, подвижки земной коры. Прибрежные зоны и некоторые острова скрылись под водой. Кто знает, может быть, и мифическая Атлантида погибла именно в то время? Можно предположить, что и катастрофа на Тянь-Шане, породившая Иссык-Куль, была отголоском падения американского астероида.

Но сейчас меня интересовала другая загадка. Если существовали реки на месте озера, то куда они текли? Судя по карте с помеченной на ней воронкой, реки втекали в этот водоворот, туда же устремлялась и река Чу. Спираль не могла возникнуть, если бы реки текли по суше. Обычно русло реки изгибается меандрами. Вода вымывает себе дорогу, прорабатывая наиболее мягкие породы и почвы. Спираль должна была образоваться при достаточном объеме воды в заливе, размышлял я. Из этого следует, что на месте залива было озеро, в которое впадало три реки: две с востока и одна с юго-запада. Озеро имело сток в виде подземного колодца. Однажды этот колодец закрылся и реки начали заливать обширную долину.

Я задумался. Из моей теории следовало, что возраст Иссык-Куля как бессточного озера совсем молодой: 12–14 тысяч лет. А до этого все озеро умещалось в Рыбачинском заливе! Возможно ли это?

Наконец мне позвонил Болот и сообщил:

– Я показал снимок людям, которые занимаются обработкой космических снимков. Они говорят, что получить подобные снимки невозможно. Это какая-то мистификация. Ты можешь сказать, с какого спутника сделаны снимки?

– Конечно, нет! Но я пользовался Айпедом, в Орнёке все совпадало, – отозвался я. – Болот, нужно ехать на место и проверять. Я познакомился с человеком, у которого есть эхолот. Можно сканировать дно до 250 метров. Мы получим картинку на компьютере. Просьба одна – нужен катер. Акватория большая, на лодке

сложно ее обследовать и опасно: возможен внезапный ветер.

– Хорошо, Виктор, – согласился Болот. – Я нахожусь сейчас с группой иностранных ученых на перевале Долон. Мы едем в Нарын. Как только вернусь, свяжусь с тобой. Я думаю, будет тебе катер. Кстати, как в Бишкеке погода? У нас валит снег!

Я вышел в Интернет. В новостях узнал, что всю Нарынскую долину завалило 20-сантиметровым слоем снега. Снег выпал и на Сон-Куле. И это в начале лета!

Я попытался найти информацию о картах Apple, с которыми работал мой Айпед. В комментариях я обнаружил массу недовольных откликов пользователей. Многие жаловались на ошибки и неточности в картах. Приводились примеры, когда люди едва не погибли, путешествуя с помощью карт Apple. Например, в Австралии туристы заблудились в пустыне и едва избежали трагедии. Неужели воронка в Рыбачинском заливе чья-то шутка?! Я не мог в это поверить. Был только один способ поставить точку в этом вопросе – ехать с экспедицией на Иссык-Куль.

Четырнадцатая глава

Большая лодка Александра была оснащена мощным мотором, навесным тентом, двумя датчиками, сканирующими дно озера, самым эхолотом, возвещавшим звуковым сигналом об обнаружении рыбы. С помощью датчиков эхолот мог «видеть» на 15 метров в каждую сторону от лодки, то есть мы могли сканировать дно полосой около 30 метров шириной. Специальная компьютерная программа могла проанализировать записанные сканы и создать трехмерную картинку морского рельефа. Меня интересовало, насколько четко можно было наблюдать на экране эхолота подводные объекты. Позволяет ли прибор обнаруживать артефакты, различать их формы, находить остатки строений и фундаментов?

Мне были известны руины нескольких древних зданий в районе затонувшего города возле села Тору-Айгыр, поэтому мы решили испытать эхолот там. Александр к любому делу

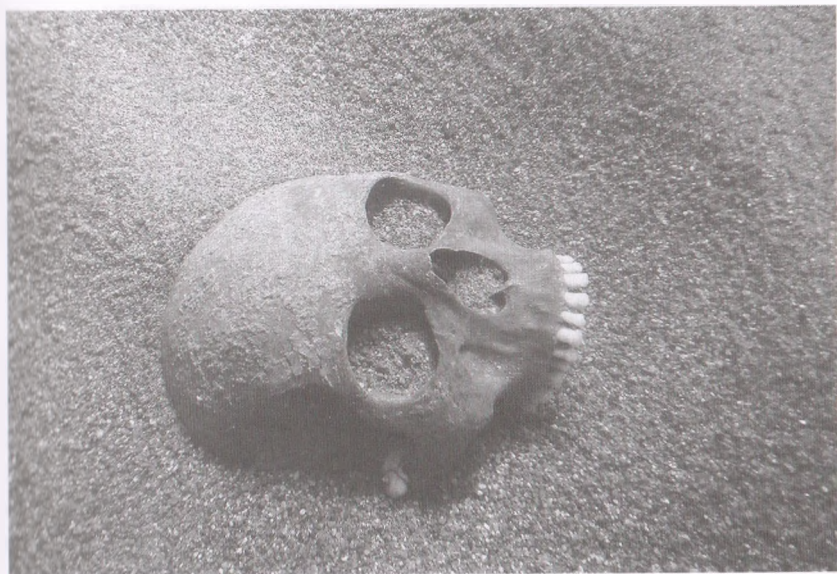
подходит основательно. Это было видно и по специальному прицепу к его лодке, и по оснащенности оборудования: ДжиПиЭС-навигатор, четырехтактный лодочный мотор, двухскоростной подводный скутер, металлоискатель для подводных работ, пластиковая кружка с отверстиями для просеивания грунта – словом, наша небольшая экспедиция была во всеоружии.

Видимость в воде была невысокой после недавней непогоды: объекты через три–четыре метра растворялись в голубоватой дымке. На экране эхолота видны были волнистые линии песка на дне под нашей лодкой. Пришлось плыть медленно, чтобы не повредить датчики, опущенные на штапгах в воду. Наконец на экране появились непонятные пятна, возможно, камни.

Я нырнул, чтобы определить природу обнаруженных на дне объектов. Погрузившись, я увидел пустые глазницы черепов, наполовину занесенные песком. Рядом лежали фрагменты каменных орудий: терок, жерновов. Тут и там попадались осколки керамики, отдельные кирпичи, каменные

ступки. Я понял, что вряд ли эхолот подскажет нам, какие именно предметы находятся на дне. Но то, что прибор может нарисовать трехмерную картину подводного ландшафта, было интересно. Оценить ландшафт, находясь под водой, очень сложно. Территория затонувшего города была сильно размыта водой. Там, где некогда стояли здания, теперь возвышались бесформенные холмы. Кирпичи разнесены волнами в разные стороны. Кругом битая посуда, остатки горшков, кости животных, изредка человека. Надежда на то, что я детально увижу эту картину на экране эхолота, не оправдалась. Александр успокоил меня, сказав, что на мониторе компьютера, когда мы перенесем информацию с эхолота, можно будет увеличить полученную картинку и разглядеть отдельные предметы.

Вот на экране промелькнул правильный квадрат. Под нами были остатки небольшого строения. Длина стен была около двух с половиной метра, высота сантиметров сорок. Значит, с помощью прибора все-таки можно обнаружить интересные объекты!

Неподалеку мы зафиксировали каменный фундамент: двойная линия из валунов образовывала большой прямоугольник. Местами камни лежали в беспорядке, нарушая четкую линию.

В тридцати метрах от каменного фундамента мы натолкнулись на странное сооружение: полутораметровый каменный круг-жернов был вделан в кирпичную кладку. Часть кирпичей шла прямо по жернову.

Мне уже попадались подобные сооружения в Тору-Айгыре. Мой знакомый, Анатолий Колесников, который впервые обнаружил такое строение, назвал его «колодцем», считая жернов его крышкой. Теперь же я увидел, что жернов не мог подниматься. Может быть, как утверждает Дима Лужанский, это часть средневековой бани и каменный круг служил для нагревания помещения? Если подобных сооружений несколько, то возникает вопрос: зачем столько бань в городе? Я знал, что одна большая баня располагалась километрах в шести от этого места, ближе к горам. Она была отделана кирпичом с синей глазурью, фасад был украшен орнамен-

том, внутренние помещения богато декорированы. Ничего похожего рядом с каменными кругами, вделанными в кладку, не было обнаружено.

В полдень подул ветер и погнал по поверхности озера волны. При боковом движении они захлестывали борт лодки и обдавали нас фонтаном мелких брызг. Нам пришлось взять курс на берег. Предстояло обработать записанную информацию и разработать план дальнейших действий. Для того чтобы составить карту затонувшего города, нужна кропотливая работа по сканированию дна, а это акватория в несколько квадратных километров. Необходима экспедиция на несколько дней, желательно, чтобы в ее составе было несколько аквалангистов для подводной разведки и фотосъемки объектов. По прогнозу метеоцентра погода ожидалась в ближайшие дни дождливой и ветреной, поэтому дальнейшие работы решено было отложить до того времени, как освободится Петр Ильчишин. Он был прекрасным организатором подобных мероприятий, кроме того, я надеялся погрузиться вместе с ним в районе воронки на дне Рыбачинского залива. Погружение на глубину сорок метров на высоте 1620 метров над уровнем моря не шутка! Да и температура воды на дне, возможно, около нуля градусов по Цельсию в это время. Одному идти на такое погружение опасно.

Результатами прошедшего дня я был доволен: мы испытали прибор и нашли новые подводные объекты – кирпичную кладку и еще один «колодец». Для одного дня совсем не плохо!

Пятнадцатая глава

Дома меня ждали новые документы из архива Черкасова, переданные Кубатом Табалдиевым. Я быстро просмотрел их. Одна папка была посвящена партийной и комсомольской работе Николая Дмитриевича. Участник нескольких съездов комсомола, видевший воочию выступления Владимира Ильича Ленина, стоявший в почетном карауле у гроба вождя мирового пролетариата – Черкасов был легендарной

личностью для молодого поколения Страны советов. Николай Дмитриевич вел картотеку ветеранов партии, особенно тех, кто пострадал во времена репрессий, так как и сам прошел через лагерную жизнь.

В другой папке были планы работ историко-археологического кружка средней школы № 10. Описание находок, хранившихся в школьном музее. Газетные статьи о кружке, самом учителе и газета «Комсомолец Киргизии» за 5 мая 1983 года, с некрологом о смерти Николая Дмитриевича.

В третьей папке хранились отчеты об экспедициях 1953–1955 и 1959 годов.

Я открываю отчет 53 года, пробегаю глазами и нахожу описание нужного мне камня: «По выразительности художественного замысла, совершенству выполнения и своеобразию стиля их можно поставить в ряд с первоклассными памятниками скифского Причерноморья, Горного Алтая и Минусинской котловины. Вырезанные ювелирной техникой, стоящей на уровне лучших произведений древних камнерезов Востока, рисунки по мастерству графического наскального искусства не имеют равных себе в мире. Только на одном гранитном валуне обнаружено свыше ста пятидесяти фигур различной величины от мельчайших, почти невидимых глазом, в несколько миллиметров до огромных изображений в один–два метра. Поражает своей сложностью головоломная, подобная ребусу, композиция рисунков, то многократно врезанных, как китайский шар, один в другой, то составляющих по контуру одновременно два и больше смежных рисунка, то причудливо переплетенных между собой. Плод многолетнего труда, возможно, не одного поколения художников».

Большое панно в центре камня включает в себя сложнейшую композицию из различных зверей. В отчете о ней сказано так: «Звери и пернатые живут, выращивают детенышей, пасутся, прихорашиваются, отдыхают, бегут, летят, ползут, плывут, в стремительном движении нападают друг на друга».

Описание Черкасовым найденных им петроглифов дале-

ко от сухого научного отчета. В нем чувствуется восторг человека, понимающего важность своего открытия, много лет шедшего к нему и испытывающего эстетическое наслаждение от увиденных картин. Как могло такое важное для нашей республики, да и для всей Советской страны, открытие кануть в Лету? Черкасов сравнивает найденную «Чолпонтинскую писаницу», как он называет удивительные рисунки на камне, с лучшими образцами древнего искусства. Почему ученые не заинтересовались открытием Черкасова и объявили рисунки выдумкой? Ведь, судя по отчету, были приложены подробные схемы и фотографии. У меня в руках был только сам отчет, в котором по тексту шли ссылки на отсутствующие таблицы. Отчет был принят, Черкасову

дали денег на экспедицию следующего года для продолжения работы по поиску новых петроглифов. Почему научный мир так и не узнал об уникальных находках в Прииссык-кулье? Черкасовым и его учениками было найдено два десятка превосходных портретов скифов-саков, как пишет Николай Дмитриевич, «более разнообразных по физическому типу и более выразительных по исполнению), сравнительно с изображениями среднеазиатских скифов, известных по рельефам Персиполя».

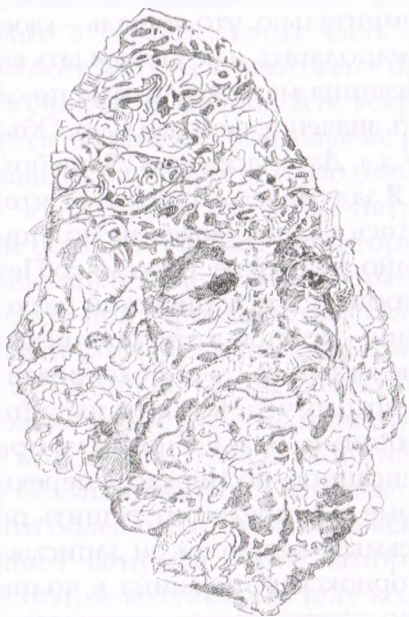
Черкасов подробно описывает разные композиции, не скупясь на эпитеты и краски. Особенно тщательно рисует словесный портрет отдельного изображения головы знатного сака. Оно находится в стороне и ниже других изображений. «На голове богато орнаментированный шлем с козырьком. Лицо обрамлено спадающими до плеч пышными волосами и курчавой бородой. Лицо покрыто морщинами и выглядит несколько усталым, но полным достоинства и ума. Большие выпуклые глаза с нависающими веками смотрят в сторону головоломной композиции рисунка, а улыбка сквозь усы одним уголком губ и складкой на щеке, очень мягкая и чуть ироничная, раскрывает замысел художника. Невольно рождается мысль, что этот старый сак, вместе с незримой теперь толпой сменяющихся поколений сородичей, вглядывается в замысловатую картину изобилия и счастья, подзадоривая озадаченных и восхищенных зрителей разобратся в этом, не имеющем примера, грандиозном ребусе».

Читая эти строки, я представлял себе Николая Дмитриевича, ночами работающего над материалами экспедиции, совмещающего нагрузку школьного учителя, занятия с кружковцами и пишущего этот отчет. Он жалуется на нехватку средств и людей для обработки результатов экспедиции, просит выделить ему художника и фотографа и продолжает работу, несмотря на отсутствие денег и времени. Черкасов воодушевлен своими находками и не знает, что вскоре его назовут фантазером и мистификатором. Ученые просто не могли принять подобный отчет: у Черкасова одни утвер-

ждения и домыслы и нет никаких «возможно», «вероятно» или «можно предположить», как должно быть в научной работе.

Я обратил внимание на то, что Николай Дмитриевич скрупулезно собирал и подшивал любые документы, письма, записки, проходившие через его руки. Сам делал массу записок и пометок. Вел краткие записи выступлений на съездах, собраниях, которые считал очень важными в своей жизни. Я нашел даже конспект приветствия комсомольцам от Надежды Константиновны Крупской, краткую запись выступления Коллонтай и других видных партийных деятелей, сделанные рукой Николая Дмитриевича.

Перебирая документы, я обнаружил пометки Черкасова, сделанные им по ходу выступления ученых на заседании сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук Киргизской ССР, посвященном научной статье Николая Дмитриевича. По каждому выступлению – несколько строк. «Клавдия Ивановна – полемично, фантазии (Антипина – известный этнограф). Джумагулов – интересно, но многое не научно. Датировка – не научный метод (кинжалы, одежда – срунда). Юрий Дмитриевич Баруздин – датировки неубедительны. По одежде датировать нельзя, можно по стилю. По оружию тоже. Что на рисунках: палаш или сабля? Ни то ни другое не известно. Разный возраст. Неточности. Вторичный

загар через 2 тысячи лет будет белый. Маски или волосы? Сомнительно, что лошадь – хвост крючком. Кожемяка – надо предполагать, а не утверждать категорично. Чолпон-атинская писаница магическая сама по себе и не вызывает... а трактовать значение неправильно. Объяснения сцен не убедительны и т.д.». Дата заседания 29 ноября 1960 года.

Я задумался. Получается, что в 1960 году ученые не сомневались в существовании Чолпон-атинской писаницы и, очевидно, видели ее. Кожемяко Петр Никитович – признанный авторитет в исторической науке Кыргызстана. Это его замечание «Чолпон-атинская писаница магическая сама по себе и не вызывает...» зафиксировал Черкасов. Запись обрывается, потому что Черкасов пытается поспеть за другими выступающими. Больше никто из присутствующих не упоминает о писанице, но Черкасов перечисляет для себя вопросы, которые ему предстоит решить после замечаний оппонентов. Восьмым вопросом он записывает: «Какое отношение имеет орнокская писаница к чолпон-атинской?» Понятно, что само существование уникальных рисунков на камне ученые не оспаривают. Кроме того, существует и другая подобная картина – орнёкская. Не тот ли козел-кулан, которого я ищу?

В 1960 году чолпон-атинский камень с сакской писаницей существовал. В 1983 году Черкасов ушел из жизни. Он нигде не упоминал, что камень с уникальными рисунками исчез или уничтожен. А в начале наступившего века ученые в один голос объявили, что удивительные петроглифы – выдумка и мистификация Николая Дмитриевича. Естественно, это было новое поколение историков, археологов, занимающихся наскальными рисунками, в глаза не выдавшее ни Чолпон-атинскую, ни Орнёкскую писаницы. Видимо, замечания старых ученых по поводу толкований рисунков Черкасовым: «фантазии, выдумки, неубедительно» – были перенесены на само существование уникальных петроглифов. В нынешнем году исполняется тридцать лет со дня смерти Николая Дмитриевича. Могли ли писаницы за это время исчезнуть? Были ли другие подобные рисунки?

После обретения Кыргызстаном независимости была история с проведением дороги в Алматы, когда часть валунов была передвинута, а может быть, и уничтожена при ее строительстве. Это было в Орнёке. В Чолпон-Ате вокруг валунов с петроглифами велись активные строительные работы: строились дачи, прокладывались дороги, возводились дома, водозабор и прочее. В Чолпон-атинском музее петроглифов под открытым небом осталась жалкая территория, со всех сторон теснимая бетонными и железными заборами. Могли ли уничтожить писаницу при строительстве? Необходимо, в первую очередь, найти сам валун с письменами.

Я вновь обратился к отчету 1953 года. Он весь посвящен уникальным рисункам, не только на валуне с Чолпон-атинской писаницей, но и другим по соседству. Сакская писаница занимает восточную сторону большого валуна. Оказывается, все скифское панно перекрыто более поздним изображением усуньского козла с большим загнутым рогом, который заканчивается маленьким силуэтом козлика. По телу козла идут геометрические узоры. Черкасов пишет: «Нарочито варварское перечеркивание усунями выдающегося памятника сакской культуры подтверждает правильность китайских сообщений о разгроме саков усунями, их вторжении и т.д.»

Я нигде не нашел указаний на месторасположение валуна. К отчету, скорее всего, прилагались схемы или планы. В переданных мне документах приложений не было. Но теперь у меня было подробное описание самого камня и вырезанных картин на нем.

В общей тетради с потертой обложкой я обнаружил небольшую схему, названную Черкасовым «Шакей». Среди каталогов архива мне попадались копии петроглифа с этим названием. Это было огромное усуньское панно, по определению Николая Дмитриевича, с большими орнаментированными козлами и со сценой охоты. Сейчас этот валун занимает центральное место в Чолпон-атинском музее под открытым небом. Он помечен на схеме в тетрадке Черкасова цифрой 2.

От него на северо-восток в 60 шагах отмечен камень под номером 1 и надписью «сцена пораж. женщ.». От этого камня точно на север в 245 шагах камень Прудинского. В отчете с такой фамилией указан токарь завода имени Фрунзе, которого пригласили на работу в экспедицию по калькированию петроглифов. Я вспомнил, что видел в музее огромный валун с надписью «Прудинский 1953». Внизу камня было небольшое изображение козла. На схеме Черкасова от этого камня дальше на север через 150 шагов обозначен камень с двумя козлами. А еще через 100 шагов стоит отметка «б. камень». Не на этом ли большом камне прячется сакская писаница? Есть ли вообще на том месте какой-нибудь валун или он пропал бесследно? Ответ я узнаю, лишь посетив Чолпон-атинский музей под открытым небом.

Далее по схеме, северо-западнее большого камня указан мост через реку, а севернее камня указана кошара и подпись «700 шагов». Дальше обозначена линия гор и нарисованы две соединенные стрелки: одна указывает на запад, другая, смещенная ступенькой на север, – на восток. Выше линии гор написано: «Арал». Так называется урочище выше музея по реке Чолпонатинке. Что обозначают эти загадочные стрелки? Ведь для каких-то целей Черкасов нарисовал их! Может быть, камень с писаницей где-то в ущелье, в семистах шагах от кошары? От кошары пунктиром показан путь сначала на восток, потом он дугой поднимается на линию гор и там стоит этот странный значок, похожий на перевернутую зеркально английскую букву «Z».

Я открыл отчет за 1954 год. К сожалению, это был лишь краткий отчет на трех страничках, составленный сразу после проведения экспедиции, а не спустя какое-то время после обработки материалов.

Черкасов пишет о новых находках сакских рисунков, теперь уже в районе села Долинка (метровое изображение рыбы, все поле вокруг нее заполнено переплетающимися фигурами змей, рыб, птиц, животных, сценами борьбы животных, включая изображение человеческого лица). Упоми-

перспективный район для будущей экспедиции. Результаты работ за 1955 год были внушительны: обнаружены десятки тысяч наскальных рисунков, скопированы на кальку около ста сцен, включающих свыше шестисот рисунков.

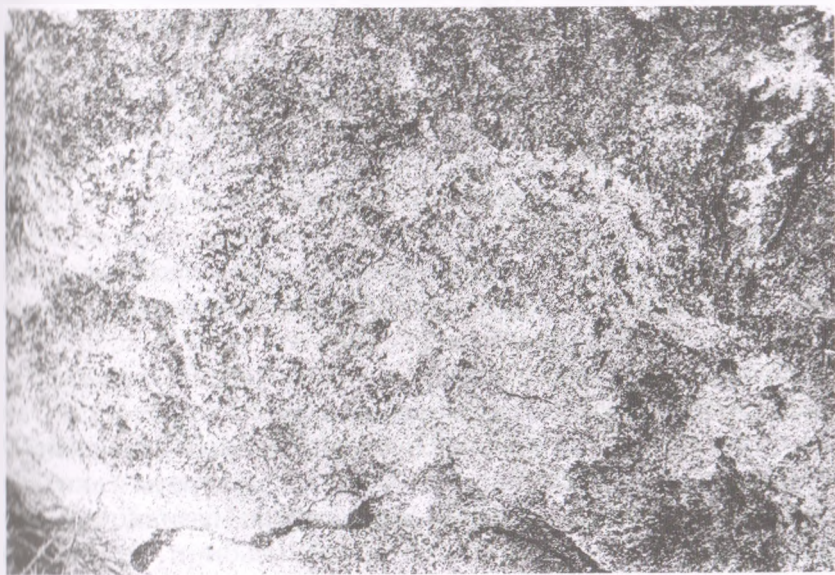
Черкасов восторженно пишет: «К числу шедевров следует отнести впервые обнаруженное профильное изображение медведя почти в натуральную величину. В фигуру медведя вписаны изображения разных животных, рыб и большое кольцо свернувшихся зверей (собаки, лошади и др.)... Не менее ярким документом сакского времени может служить большая сцена с двухметровым изображением козла-кулана и прекрасно выполненной фигурой сака, стреляющего из лука. (Я обрадовался: это тот петроглиф, который я безуспешно искал в районе Орнёка!) Морда и шея козла служат чёлкой и гривой контурной головы кулана. Туловище козла и кулана сливаются в одно туловище». (Вот почему изображение на камне названо «Козел-кулан»!)

Просмотрев документы, я нашел фотографии орнёкского медведя. Это был действительно удивительный петроглиф. Несмотря на плохое качество снимка, можно было угадать очертания различных животных, вплетенных в изображение медведя. Ни в отчетах, ни в документах и записях не упоминалось о местонахождении валунов с петроглифами. Если верить исправлению, лагерь 1955 года стоял возле реки Чон-Кой-Суу, если нет, то около реки Чет-Кой-Суу. Разница в три-четыре километра!

В отчетах Черкасов неоднократно повторяет, что каждый район Прииссыккуля имеет свои особенности, свои шедевры. Неужели нигде нет подробной схемы расположения этих выдающихся памятников древней культуры? Я не сомневался, что Николай Дмитриевич рисовал подобные схемы, вопрос в том, сохранились ли они?

В очередной общей тетради я обнаружил планы, на которых указаны места разбивки лагерей 1964 и 1965 годов в районе Орнёка. Недалеко от лагеря вход в ущелье Чет-Кой-Суу. Вокруг лагеря, помеченного флажком, вытянулась це-

почка цифр от 1 до 8. Видимо, интересные петроглифы. Три валуна у входа в ущелье выше лагеря, три ниже, 4-ый и 5-ый валуны непосредственно перед лагерем. На странице оставлено место для пояснений, но записи отсутствуют. Рядом пустая страница, озаглавленная: «Орнёк. Район „Медведя“». Почему Николай Дмитриевич не начертил эту схему?! Я перевернул страницу, надеясь найти там информацию об этом петроглифе, но на следующей странице была дана схема района лагерей 1966 и 1967 годов. План занимал целый разворот тетради. На нем были отмечены три скопления валунов с петроглифами и все они были кратко описаны. Ничего не было связано с интересующими меня рисунками. Я вспомнил, что в первой партии документов и тетрадей из архива Черкасова были указания на расположение некоторых валунов относительно камня с «Медведем». В то время это указание мне ни о чем не говорило. Теперь же я страстно желал найти этот петроглиф. Я решил попросить у Табалдиева первые тетради. Возможно, мне уже попадались описанные там рисунки. Тогда по ним я смогу найти путь к «Медведю».

Поиски в архивных документах оказались такими же запутанными и трудными, как и разведка в предгорьях Кунгей-Алатау. Круги поиска сужались, но до сих пор мне не попался ни один рисунок саков. Или я не разглядел их?

Шестнадцатая глава

Ко мне вновь приехал Саша Жуканин, мой старый друг, уже больше двадцати лет проживающий в Германии. Незаметно пролетел год с последней нашей встречи. В прошлый приезд у него были серьезные проблемы со здоровьем – он пережил инфаркт. Случилось это на Иссык-Куле, когда он проходил курс продвинутого дайвера. Перед этим Жуканин принимал участие в экспедиции немецких альпинистов в качестве переводчика. Работа в высокогорье в тяжелых погодных условиях (постоянно валил снег) для человека, не прошедшего акклиматизацию, оказалась не по силам – отказало сердце.

Уже в Германии Саша прошел через четыре операции и с трудом поднялся на ноги. Но он не мог смириться с мыслью навсегда забыть горы и дайвинг. Весной Жуканин начал тренироваться. И в конце июня прилетел в Кыргызстан. Он хотел погрузиться в воды Иссык-Куля. Я рассказывал ему о своих поисках Черкасовских петроглифов, и он готов был помочь мне. Я попросил его сделать снимки со старых калек, которые неразобранной грудой лежали в стороне. В первую очередь, меня интересовали те, которые были сделаны в районе Орнёка. Но Саша просто открывал их по порядку, тем более, что многие кальки не имели сопроводительных записок. Видимо, они были утеряны в бесконечных переездах, переходя из одних рук в другие.

Работал Жуканин на втором этаже нашего офиса. Не прошло и часа, как он спустился ко мне.

– Виктор, что мне делать с неподписанными кальками? – Саша выглядел растерянно. – Я нашел портреты каких-то воинов, изображения странных животных. Не знаю, как мне их обозначить...

– Какие войны? – спросил я. – Из какого района?

– В том-то и дело, что на кальках не указано. Посмотри. Может быть, ты их где-то встречал.

Поднявшись к месту работы Жуканина, я увидел закрепленный на стене портрет старого сака с Чолпон-атинской писаницы.

– Это же тот камень, который я безуспешно ищу! – воскликнул я.

– Тут еще портреты, – сказал Саша, протягивая мне небольшой лист кальки.

Я взглянул на кальку и обомлел. На меня пристально

смотрел воин, развернувшись вполоборота. Худощавое лицо с усами, бородкой клинышком, приплюснутым носом, узкими раскосыми (или прищуренными?) глазами, ухом с оттянутой мочкой. На голове островерхий шлем, шея закрыта ниспадающей кольчугой. Человек на портрете был изображен по плечи.

Рядом такой же портрет другого воина, но в профиль. Лицо иранского типа с длинными волосами и окладистой бородой. Глаза, опущенные ресницами, полузакрываются. На голове островерхая шапка.

– Впервые вижу эти изображения, – произнес я.

Портреты были настолько проработаны в деталях, что я не верил своим глазам. На столе лежали и другие кальки Чолпон-атинской писаницы. Никаких пояснений на кальках я не увидел.

– Хорошо, что ты нашел их, – сказал я Жуканину. – Теперь мы можем приблизительно оценить величину валуна, на

котором вырезаны эти изображения. Вот это панно из переплетенных зверей, судя по описанию Черкасова, – центральная часть валуна. Портрет старого скифа расположен ниже других и в стороне. Остальные портреты, а их около двух десятков, включены в изображения животных – это верхняя часть камня. Валуна немаленький, должен быть заметен издали.

В голове мелькнула мысль о большом камне со схемы Черкасова.

– Завтра же мы едем в Чолпон-Ату и проверим мои предположения, – объявил я Жуканину. –

Вдруг камень лежит на территории музея под открытым небом и никто не замечает, что на нем есть эти рисунки? Видишь, как они переплетены, а детали настолько малы, что могут восприниматься как естественный узор камня. Тем более, что вторичный загар мог сделать рисунки едва различимыми.

– Тут есть еще несколько непонятных калек, – сказал Саша, подводя меня к расстеленным прямо на полу листам. – Называется рисунок «Медведь-скиф». Тебе не попадалось его описание в отчетах? Где он расположен?

Листы кальки были большие и сплошь зарисованы карандашными линиями. После их тщательного изучения я понял, что часть калек дублируют друг друга. Видимо, это были разные копии одного сложного рисунка, но на них были выделены разные части, составляющие различные фигуры животных. Наконец я увидел некоторые знакомые чер-

ты в рисунке. До меня дошло, что передо мной калька с орнёкского медведя! На фотографии многие детали не видны, а на кальке они подняты так, что очертания самого медведя потерялись во множестве линий.

– Саша, это же тот самый медведь из Орнёка! – радостно воскликнул я и начал показывать Жуканину силуэт рисунка, обводя нужные линии пальцем.

– А почему калька называется «Медведь-скиф»? – спросил Жуканин. – Может быть, это другое изображение. В отчетах нигде не указано, что медведь одновременно является портретом скифского воина.

– Черкасов мог не заметить портрет сразу, а обнаружил его спустя какое-то время, работая с кальками.

– И где же скиф? – спросил Саша, разглядывая кальку «Медведь». – Я его не вижу!

Я обошел кальку кругом, не отводя глаз от скопированного изображения. Медведь на кальке выглядел иначе, чем на старом снимке.

– Черкасов пишет о десятках животных, скрывающихся в изображении медведя, где они? – Жуканин, как и я, пытался разобраться в лабиринте линий. – Потом, на туловище медведя на фотографии просматриваются два круга. Как утверждал Черкасов, в них изображены свернувшиеся звери. Тут я ничего не вижу. Где круги?

– Есть круги, – успокоил я Сашу. – Просто потерялись среди других линий. Постой, кажется, я знаю, где прячется скиф!

Повернув рисунок медведя на 90°, я показал Саше контуры скифского воина.

– Голова медведя – это плем, горло – кольчуга, закрывающая шею воина. Загривок зверя – лицо скифа. Вот приплюснутый нос, глаза, борода. Похож на иранца. Далее, все тело зверя – это доспехи, вот рука, лежащая на поясе, мощная грудь, кафтан до бедер. Наверное, увидеть воина можно только скопировав изображение на кальку. Хотя, если знаешь, куда смотреть, то и на фотографии его можно рассмотреть.

Фотографии были старые, плохого качества, изображение на них расплывалось, не было четких линий.

– Едем в Орнёк! – воодушевленно воскликнул Жуканин. – Мы обязательно отыщем этого «Медведя»!

– И Чолпон-атинскую писаницу! – поддержал я друга.

Но большой камень в музее под открытым небом оказался пустым, без рисунков. Проведя пять часов в предгорьях в районе Орнёка, мы нашли массу новых интересных петроглифов, но ни «Медведя», ни «Козла-кулана» не обнаружили.

Обессиленные, мы возвращались домой с надеждой, что новый день принесет нам желаемую находку, ведь белых пятен, после очередной поездки, на карте Орнёка остается все меньше и меньше.

– Хорошо бы нам привлечь к поискам школьников из лагерей отдыха, – сказал я. – Черкасов подчеркивал, что без помощи пионеров археологический отряд вряд ли добился бы таких потрясающих успехов. В 1955 году у Николая Дмитриевича было 24 школьника.

– У Черкасова ребята были подготовлены к поискам, – возразил мне Жуканин. – Кружковцы горели страстью к новым открытиям, хорошо знали историю, археологию, историю цивилизации и культуры. Ты же мне показывал, какие отчеты и работы писали дети – настоящие научные монографии. Теперешние школьники вряд ли увлекутся поисками рисунков на камнях, им дороже компьютерные игры. Да и знаний

у них таких нет, как у пионеров Черкасова. Сомневаюсь, что нынешние дети смогут найти новые петроглифы, пройдут мимо и не заметят!

Семнадцатая глава

Дела позвали меня в Бишкек. Оставив Жуканина на исык-кульской базе, я возвращался обратно в город. По дороге я свернул на несколько часов в ущелье Чет-Кой-Суу, решив более тщательно пройти те места, где уже велись поиски петроглифов. Мои блуждания между камней принесли неожиданные открытия. Там, где мимо проходили мои друзья и добровольные помощники наших изысканий, я нашел новые интересные сцены охоты, изображения людей, совершающих ритуальные действия. На нескольких валунах были запечатлены сцены приручения диких животных: человек с козленком на руках, мужчина и женщина, ведущие на привязи двух козлов, пойманный конь, стреноженный верблюд и другие подобные.

В одном из логов мое внимание привлек камень, на котором выделялись круглые светлые пятна. Они были нанесены рядами и ясно было, что над ними поработала человеческая рука. Подойдя ближе, я увидел, что на одной стороне камня выбито 9 кругов, около 15 сантиметров в диаметре, по три в строчку в три ряда. Левее их угадывалось слабое изображение человека, стреляющего из лука. Я догадался, что круги – это символы пращных камней (под нижним ближним к человеку кругом виднелась фигура козла, наполовину скрытая кругом). На смежной стороне валуна было выбито еще три пращных камня. Они летели в сторону пасущегося козла. Я вспомнил, что читал описание этого петроглифа в рукописи книги Черкасова.

Вернувшись домой, я попытался найти в архиве упоминания о местонахождении «Медведя», но ничего обнаружить не удалось.

Я внимательно вглядывался в старый снимок петроглифа. Само изображение медведя довольно слабое, и можно было

пройти мимо него и не заметить. Тут очень важно освещение. Однажды я пытался показать замминистра по туризму прошлогоднюю находку: огромный валун с изображением оленей. В полдень в лучах жаркого солнца камень казался совершенно пустым. Лишь светлые пятна говорили о том, что на нем скрывается какая-то картина.

На снимке медведя справа от изображения был выбит странный знак, что-то в виде пальмы. Перевернув снимок на 90°, я решил, что этот знак напоминает мне человека, ведущего козла за рога. Знак был выбит четко, по нему можно было легко определить камень с медведем.

У Димы Лужанского начался отпуск, и я предложил ему посвятить несколько дней поиску «Медведя». Он мне рассказал, что изображение этого зверя в Кыргызстане обнаружено только одно и далеко от Иссык-Куля – в Таласе. Да и медведя оно напоминает отдаленно.

Мы с ним обсудили план поисков. Не так много мест оставалось в предгорьях Орнёка, где мы еще не бывали. Исхожено более сотни километров, осмотрены тысячи камней и нет

ни одного сакского рисунка. Есть от чего приуныть! Дима предлагал расширить зону разведки, сместить поиск на восток в сторону ущелья Чон-Кой-Суу. Я настаивал на детальном осмотре предгорий Орнёка.

– Нужно еще раз осмотреть валуны лично, – говорил я Диме. – Я не доверяю качеству поиска. Наши помощники могли не заметить рисунки.

– Мы жили почти неделю в этом районе в прошлом году, нашли все петроглифы поблизости, – отвечал мне Дима, когда я предложил начать поиск с места их прошлогоднего лагеря.

И все же мы начали именно с этого места. Как обычно, мы тут же разбрелись в разные стороны. Это была обычная практика. Вечером, скинув фотографии на компьютер, мы просматривали находки друг друга и строили планы на следующий день.

Я шел на запад к руслу реки. Камни, лежащие на бортах догов, указывали движение языков древнего ледника. Человеческая рука придала камням некоторый порядок. То они тянулись замысловатыми линиями, то располагались четкими кругами. На темном загаре виднелись полустертые рисунки. Не обращая внимания на бесконечных «козликов и баранов», я искал что-то необычное.

Отойдя от начала своего маршрута на пару километров, я приблизился к небольшой роще, в которой пряталось маленькое жилище чабана. Домик был окружен высокими валунами. Кое-где на них виднелись современные граффити. Олимпийские кольца и знак Московской олимпиады были нанесены в 1980 году, когда Игры проводились в Москве. На другом валуне тщательно выбит циферблат со стрелками. Рядом с жилищем я встретил молодого пастуха.

– Здравствуйте, вы не видели где-нибудь большое изображение козла? – обратился я к нему за помощью.

Как всегда, ответ был отрицательный.

– А может быть, видели медведя? – обреченно спросил я.

– А что и медведи бывают нарисованными? – удивленно

ответил он вопросом на вопрос. Я попрощался и пошел осматривать рощицу. В центре нее стоял большой валун.

Обойдя его, я ничего стоящего не обнаружил, но мое внимание привлек непонятный знак сбоку валуна. «Где-то я его уже видел», — мелькнуло в моей голове. Я всматривался в него, пока не понял, что это знак с валуна с «Медведем». Отойдя от камня, я увидел большое светлое пятно, там, где должно быть изображение этого зверя. Сомнений не было: передо мной был «Медведь»!

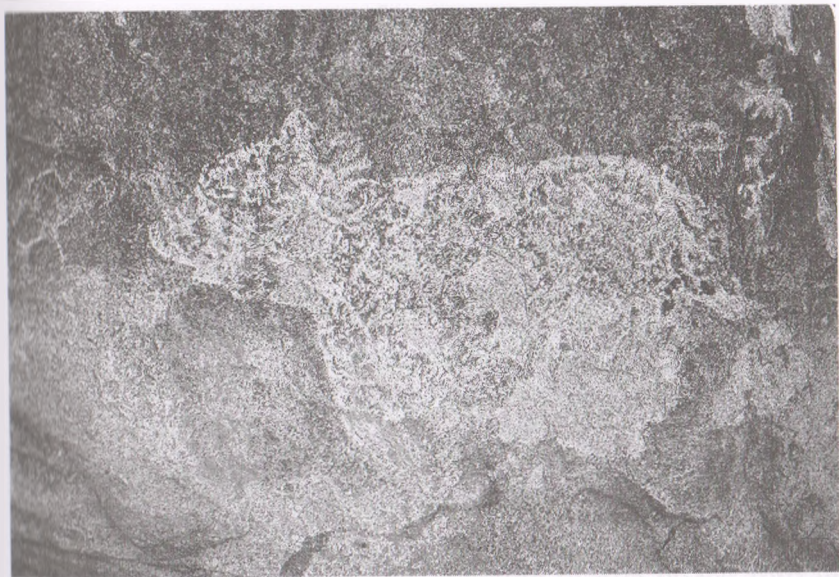
Достаточно хорошо просматривалась морда, туловище, голова лошади с гривой, совмещенная с изображением медведя. Я попытался разглядеть свернутых животных, рисунки которых должны были быть включены в туловище медведя, но ничего не увидел. У меня вместо радости от находки было легкое разочарование. Я ожидал увидеть четкую картину со сложным рисунком, фигуру воина-скифа, ведь на старом снимке все было размыто. Но и на камне изображение читалось с трудом. И все-таки я нашел его! Это подтверждало то, что Черкасов ничего не выдумывал. Я решил обязательно найти и «Козла-кулана». Возможно, на нем будут более четкие рисунки.

День подходил к концу, до машины нужно было идти еще два-три километра, и я решил оставить назавтра детальный осмотр найденного петроглифа.

Утром мы подъехали на машине прямо к маленькому домику пастуха. К нему вела едва заметная, петляющая по логам, грунтовая дорога. От домика до камня с изображением медведя всего двадцать метров.

Нас было шестеро: Дима с женой Катей, мы со Светой, Саша Жуканин и Маша, подруга нашей дочери Ольги. Маша по специальности дизайнер, и ее художественные способности могли пригодиться нам.

Пока остальные члены нашей команды разбрелись по сторонам в поисках новых рисунков, мы с Машей, вооружившись мелками, стали «поднимать» изображение. Оно было глубоко выбито в камне. У медведя были круглые выступа-

ющие пещки, контур тела, казалось, был вдавлен в валун. «Может быть, это были естественные углубления, которые человек использовал при работе», – мелькнуло у меня в голове. Но меня не покидало ощущение, что все неровности на камне были не случайны.

Когда мы обвели изображение по контуру и заштриховали светлые пятна по туловищу зверя, медведь проявился во всей своей красе. Подошедшие члены нашей команды ахнули, настолько хорош был зверь.

Зафиксировав петроглиф на камеры, мы стерли мел, чтобы не привлекать ненужного внимания местных жителей к рисунку. Вдруг кому-то придет в голову увековечить здесь свое имя!

От района «Медведя» до камня с «Большим орнёкским оленем», который лежал ниже километра в трех, мы решили идти пешком, чтобы заодно проверить уже пройденную местность. И вновь нас ждали интересные находки!

Неподалеку от известного уже нам валуна с изображением крупного оленя с рогами в виде ветвистого дерева мы

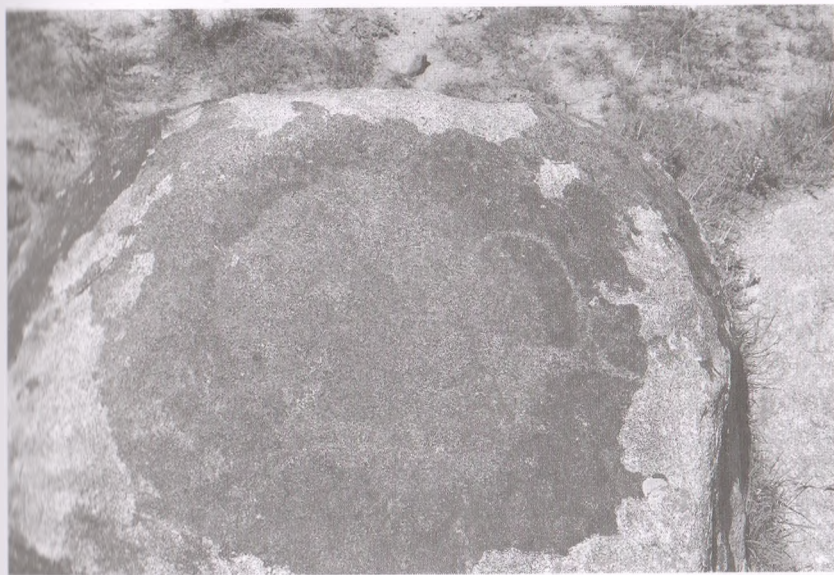
наткнулись на жертвенный камень. Он был похож на гигантский глаз. На его вершине было высечено круглое углубление-зрачок, из которого выходил небольшой канал. Возможно, для отвода крови. По поверхности овального камня-глазного яблока шли две спиральные полосы. Рядом на другом камне был изображен полутораметровый заштрихованный круг, в который был вписан силуэт козла. Голова животного выходила за пределы круга, и создавалось впечатление, что козла надули, словно воздушный шарик.

На следующее утро решено было «поднять» с помощью мелков изображение стада оленей, которое едва проглядывалось на огромном валуне. И тут начались новые открытия. Обрисовывая светлые части изображений, я увидел, что они обведены бороздкой. Но бороздок было значительно больше, чем требовалось для видимого изображения! Внутри оленей просматривались какие-то мелкие фигурки зверей. Да и помимо видимых фигур оленей мы обнаруживали все новые и новые контуры оленей и обводили их мелом. Вскоре почти вся сторона камня, отведенная древним художником

под картину, пестрела изображениями оленей. Одни были большие, другие маленькие, некоторые узнавались по внешнему контуру видимых оленей. Они были как бы теньвыми, фоновыми оленями. Часть была вписана в туловище животных, часть в рога. Это была грандиозная картина, поражающая воображение своим замыслом. Ведь мастеру нужно было продумать все хитросплетения этого сложного сюжета. При отсутствии бумаги как можно было разработать такое панно?

Обводя контуры животных мелом, я понимал, что не могу передать изящество тонких линий таким грубым орудием. Мел к тому же оставлял прерывистые линии на неровной фактуре камня. Я терялся во множестве мелких линий, пересекающихся на этом панно. Вглядевшись в их вязь, я уловил очертания миниатюрных животных и догадался, что передо мной аналог Чолпон-атинской сакской писаницы. Для передачи скрытого на камне изображения нужна более тонкая техника, чем мел!

Меня охватило чувство радости. Наконец-то передо мной

настоящий шедевр! Я не сомневался, что это образец сакского звериного стиля. Чем больше вглядывался я в камень, тем больше деталей открывалось мне. Каждая трещинка, излом камня, до того казавшиеся мне естественными и случайными, складывались в удивительную единую картину. Олени, видимые, шли в правую сторону, а фоновые олени двигались им навстречу. Я вспомнил, что где-то читал, что большинство изображений на камнях смотрит в правую сторону и это обозначает живых существ. Животное, смотрящее в левую сторону, убитое. Значит, во всей этой сакской писанице есть какой-то мистический смысл! Фоновые фигуры оленей могут обозначать души убитых животных. Но что обозначают вписанные животные?

Итак, мы нашли доказательство существования стиля Чолпон-атинской писаницы. Я был прав, когда предположил, что должны быть подобные ей другие картины. Передо мной была одна из них. И какая! Валун высотой около пяти метров был виден с большого расстояния, и сакский художник не обошел его своим вниманием.

Для того чтобы расшифровать древнее послание, требовалась серьезная экспедиция. Теперь я подозревал, что и «Медведь» не так прост, как я думал. Нужна скрупулезная работа по копированию сакских писаниц. Только на бумаге мы увидим всю прелесть сакского искусства.

Воодушевленные, мы покидали Орнёк. Погода менялась, накрапывал мелкий дождик, но эти обстоятельства не могли испортить нам настроение, внутри мы ликовали.

Восемнадцатая глава

Два дня, наполненные интересными находками, придали нам силы для новых поисков. Ни палящие лучи летнего солнца, которое на высоте около двух километров жгут нещадно лицо и воспаляют оболочку глаз, ни острые колючки высохших кустов, которые цепляются за одежду и царапают кожу, не могли остановить нас. Мы неустанно шли вперед навстречу новым открытиям. И они были!

Наша база располагалась в селе Кара-Ой, раньше называвшемся Долинкой. В архиве Черкасова мы обнаружили фотографию, на которой он запечатлен стоящим рядом с большим камнем. На валуне было изображение колесницы и нескольких козлов. Валун стоял отдельно от других, и его должно быть видно издалека. Мы несколько раз поднимались в предгорья рядом с Долинкой, но так и не обнаружили этот валун.

Вечером, обходя окрестности в поисках камня с колесницей, я наткнулся на валун с изображением двух оленей. Они располагались на довольно узкой грани камня, поэтому получились стройными и элегантными. Их древовидные тонкие рога были слегка загнуты назад, острые мордочки подняты вверх, словно олени прислушиваются к чему-то, застыли в напряжении. Фигуры животных окружены какими-то светлыми пятнами, напоминающими хлопья снега. Сзади понуро стоит собака. Сколько мастерства потребовалось художнику, чтобы выполнить эту картину на камне! Я обошел валун и на широкой, смежной с оленями части обнаружил

плохо различимый рисунок: довольно крупное изображение всадника на быке, догоняющего убегающую лошадь.

На следующий день я показал Диме найденных оленей и всадника. Мы решили «поднять» последний рисунок. Едва приступив к работе, мы поняли, что имеем дело с сакским стилем. То, что казалось неровностями дикого камня, на самом деле было результатом труда древнего ваятеля. Перед нашим изумленным взором возникали фигуры животных, детали рисунка всадника, лошади. Вскоре мы увидели композицию всего каменного полотна.

Главными действующими лицами были два всадника: большой на быке и маленький на лошади с оленьими рогами. На большом всаднике угадывалась одежда, на быке – седло и потник. К седлу был приторочен колчан со стрелами. В руках всадник держал длинный шест с петлей, которым намеревался поймать лошадь. На голове у всадника был шлем с развевающимся хвостом. На голове второго всадника была рогатая шапка.

Вся картина была выполнена в динамике: мчались во весь опор всадники, задорно убежал конь. Его грива разметалась от ветра. По телу коня вились затейливые узоры, складывающиеся в фигуры различных зверей. По каменному полотну шли вырезанные полосы, линии, образующие изображения животных. Новая, теперь уже «Кара-ойская писаница»!

Через час мы нашли и камень с колесницей. Неподалеку обнаружили новую картину в зверином стиле. Два стилизованных оленя с переплетающимися рогами несли в них фигурки различных зверей: козлов, архаров, пантер... Рисунок был полустерт временем, и для того, чтобы разгадать и прорисовать всю картину, требовались время и специалисты.

Я позвонил Табалдиеву и сообщил о результатах нашей экспедиции. Он восторженно ахал, когда я описывал ту или иную сцену обнаруженных нами петроглифов; и поздравлял с находками, по достоинству оценивая их значение для науки, не только Кыргызстана, но и мировой. Я просил

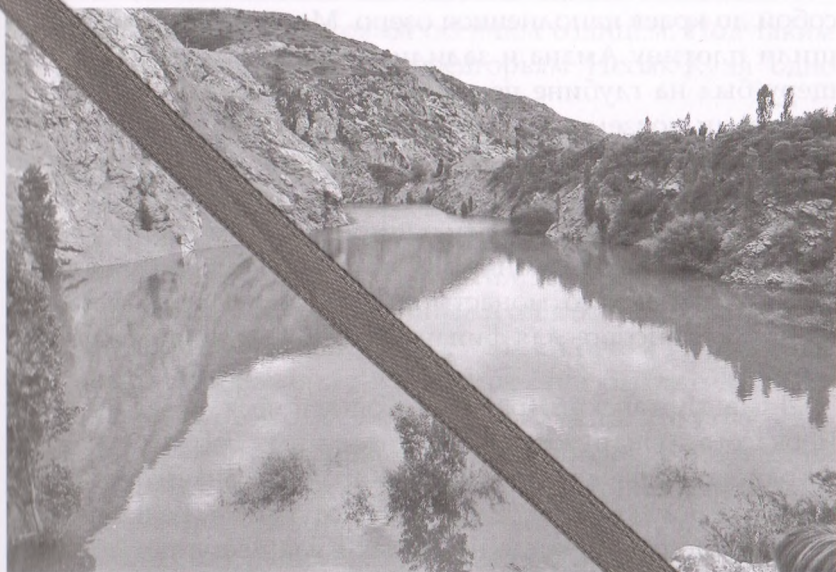
Табалдиева помочь в снятии копии с петроглифов и в научной обработке материала.

– Нужны научные статьи, – говорил я ему. – Распространение информации по всему свету. Это поможет развитию туризма у нас в стране.

Но ученый уже участвовал в ранее запланированной экспедиции по Нарыну. Он мог выкроить время для нас лишь в середине августа.

Я так и не смог организовать экспедицию в Балыкчинский залив. Болот прислал мне мнение немецких ученых о воронке в озере. Ответ был отрицательным: ни на одном снимке спирали не видно. В этом месте по дну Иссык-Куля проходит разлом. Каньон с глубинами более 40 метров тянется вдоль берега по направлению к городу Балыкчи. К посланию Болота были приложены подробные карты глубин озера. Воронки на них отмечено не было. Немецкие специалисты советовали не доверять космическим картам Гугла. На картах, присланных мне Болотом, не было и древнего русла реки Чу. Я решил проверить свое предположение о ворон-

ке позже, когда появится возможность просканировать дно Балыкчинского залива.

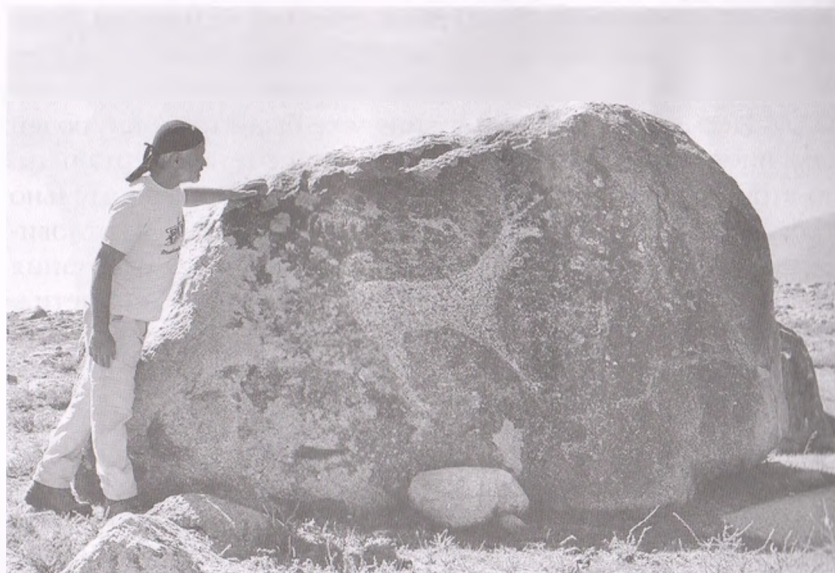
Болот, прочитав первую часть «Тайн Иссык-Куля», сделал несколько замечаний. Во-первых, древний человек на берегах Иссык-Куля появился значительно раньше, чем писал. Не 12 тысяч лет назад, а, по меньшей мере, 100 тысяч лет назад, в Иссык-Кульской котловине уже были стоянки людей каменного века. В это время здесь жили и неандертальцы. Во-вторых, мелководный водоем, по площади значительно превышающий современный Иссык-Куль, возник в котловине около 20 миллионов лет назад. Современные очертания озера приобрело около 100 тысяч лет назад. Болот отметил, что уровень озера неоднократно менялся. Примерно 26–10 тысяч лет назад уровень озера был выше сегодняшнего. Около 1400 лет назад отмечался самый низкий уровень Иссык-Куля. Именно тогда были построены города, руины которых покоятся ныне под водами озера.

В середине августа спелеологи все же добрались до места, где вел свои поиски Аман. Но теперь котлован представлял

собой до краев наполненное озеро. Местные жители разрушили плотину Амана и залили котлован водой. Вход в пещеру был на глубине не менее десяти-пятнадцати метров. Да и сами подземные ходы были полностью заполнены водой. Так что съёмку плана пещеры пришлось отложить до следующего года.

Не состоялась в этом году и широко разрекламированная экспедиция Федора Конюхова, которая должна была вести поиски армянского монастыря на берегу Иссык-Куля. Не нашлось спонсоров для финансовой поддержки этого мероприятия.

Дима Лужанский, разбирая оставшиеся у него кальки Черкасова, обнаружил массу интересных сложных картин из районов Орнёка и Долинки (Кара-Ой). Значит, предстоят новые поиски и нас ждут новые открытия. Ведь впереди еще начало осени, когда на Иссык-Куле наступает «бархатный сезон». Отдыхающих на озере практически нет, у детей начинается учебный год, а вода в озере еще теплая, бриз слабый, так как суша не раскаляется жаркими летними луча-

ми, а лишь согрета ласковым осенним солнцем. Под таким солнцем прогуливаться по предгорьям Иссык-Куля одно удовольствие.

Изучая снимки, сделанные в экспедициях, я нашел массу интересных деталей рисунков, на которые мы не обратили внимания сразу. Например, взгляды в изображение круга со вписанным козлом, которого участники наших поисков называли «солнце-козлом», я заметил, что штриховка круга неравномерная. Есть в нем темные и светлые зоны, разделенные едва заметными полосами. Рядом с кругом угадывались фрагменты изображения животных: рога быка, голова лошади, ноги какого-то зверя. Я предположил, что круг – это прообраз древнего календаря, что-то наподобие зодиакального круга. В следующую поездку я попытался найти подтверждение своей гипотезе. К сожалению, изображение и на камне было столь нечеткое, что я не смог точно определить, какие животные вписаны в круг. Зато неподалеку обнаружил новый круг. В нем тоже угадывались скрытые изображения. Разгадкой подобных ребусов следует заняться специалистам-археологам!

Я вчитывался в отчеты Черкасова за 1953, 1954 и 1955 годы, жалея, что передо мной копии, а не подлинники, снабженные фотографиями и схемами. Я надеялся, что, увидев снимок камня, смогу найти его в предгорьях Иссык-Куля. Но на мою просьбу отыскать отчеты экспедиций Черкасова в архивах Академии наук Табалдиев с горькой усмешкой ответил:

– Я не могу найти свои старые отчеты по экспедициям, которые проводил всего десять лет назад. Что говорить об отчетах шестидесятилетней давности! Из хранилищ музея бесследно исчезают даже ценные артефакты! Из семи сакских кинжалов-акинаков осталось лишь два. Куда-то пропали пять самых интересных с навершиями в виде зверей.

Я вспомнил, что не так давно была информация, что из архива редких книг Национальной библиотеки «испарились» два самых ценных раритета: «Острожская библия» и «Апостол». Их аукционная стоимость доходит до 3,5 миллионов

рублей. И не было никакой шумихи по поводу исчезновения уникальных предметов культурного достояния страны!

В кратком отчете за 1955 год Черкасов писал, что каждый из исследованных им районов северного Прииссыккуля имеет свои уникальные шедевры древнего искусства. Близ Чолпон-Аты это сакская писаница и большое усуньское панно со сценами охоты и узорными козлами, которое сейчас является центральным «экспонатом» Чолпон-атинского музея петроглифов под открытым небом. В Долинке Николай Дмитриевич называет усуньскую картину с двумя оленями с поднятыми вверх мордами и сакскую картину, названную им «Рыба Осман». На ней кроме рыбы изображены метровая змея и несколько сцен из жизни животных. В Орнёке в список шедевров попали «Большой орнёкский олень», относящийся Черкасовым к поздним усуням или ранним тюркам, сакские «Медведь» и «Козел-кулан». Из этих выдающихся произведений древнего искусства я нашел лишь три: Медведя, двух оленей в Долинке и Орнёкского оленя. За два года поисков я так и не обнаружил, где скрывается Козел-кулан. Но открыто множество новых, интересных, порой сложных, рисунков, до сих пор неизвестных современным ученым-археологам, занимающимся изучением петроглифов. Задача ученых разгадать таинственные линии на полустертых рисунках, датировать их и, самое главное, сохранить древнее искусство для будущих поколений.

Я верил, что Чолпон-атинская скифская писаница существует до сих пор и ее можно отыскать. Просто мы были не готовы обнаружить ее. Теперь, когда за нашими плечами почти два года полевых разведок, когда в нашем багаже столько интересных находок, я думаю, наступает пора «явления» камня. Ведь таких сложных и прекрасных картин, как на том скифском панно, мы так и не обнаружили. На писанице должно быть двадцать портретов саков! Мы обязаны найти этот валун, а также издать книгу, посвященную Учителю Черкасову с приложением его статьи о петроглифах Северной Киргизии. Его имя не должно исчезнуть из истории. Он

так много сделал для науки и образования нашей страны. Жаль, что многие плоды его работы бесследно исчезли. Обидно, что многие ученые отмахнулись от его наследия. Если они рассчитывали, пользуясь потихоньку архивом Николая Дмитриевича, «открывать» произведения древнего искусства и приписывать все лавры себе, то они просчитались. Невозможно, сидя в тихих, уютных кабинетах, узнать, где находится тот или иной петроглиф. Для этого надо пройти тропами Черкасова, отмерить сотни километров,

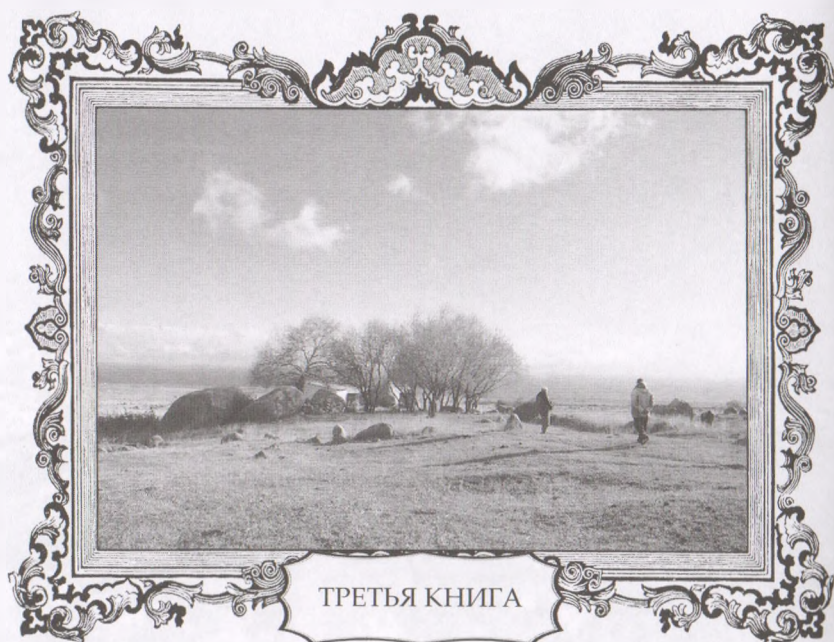
тщательно осматривая каждый камень, встречающийся на пути. Нужен энтузиазм, любовь к своему делу, такие же заразительные, как у Николая Дмитриевича.

Найти все то, что удалось описать Черкасову, крайне необходимо. Страна живет, строится. В горах прокладываются дороги, каналы для орошения. Строители и местные жители даже не подозревают, какое сокровище сокрыто под тысячелетним загаром на ничем, казалось бы, непримечательных камнях. Наш долг сохранить и защитить исторические памятники нашей земли и передать их следующим поколениям. Развитие страны без истории невозможно, как существование дерева без корней.

ТРЕТЬЯ КНИГА

Первая глава

Шла вторая половина октября 2013 года. Днем еще ярко светило солнце, даря тепло поздним цветам, а по ночам температура резко падала. Деревья оделись в золотой осенний наряд, и со дня на день ожидалась заморозки.

Встретиться с Табалдиевым и показать ему обнаруженные петроглифы так и не удалось. Постоянная занятость мешала ему поехать с нами в Орнёк.

Дима Лужанский как-то показал фотографию петроглифа «Медведь» одному знакомому археологу и с удивлением услышал, что это вовсе не медведь, а изображение быка! Когда он поведал мне эту новость, я призадумался.

Если разные люди видят в одном и том же рисунке различные образы, то как им объяснить, что внутри изображения есть еще и скрытые рисунки? Они просто не поверят и решат, что это плод больного воображения.

Я решил, что для начала сам должен разобраться в «прячущихся животных» в рисунке медведя.

Открыв снимок петроглифа на экране компьютера, я увеличил его и тщательно рассмотрел. На нем было множество линий, но ничего вразумительного из них у меня не складывалось. Я был в отчаянии. Как я жалел, что у меня нет записей Николая Дмитриевича об этом изображении. В полной версии отчета Черкасов должен был подробно описать, изображения каких зверей он обнаружил в рисунке медведя. Скорее всего, к отчету были приложены схемы и рисунки этих животных. Моего воображения не хватало для решения этой задачи.

Я еще раз просмотрел бумаги и снимки из архива Черкасова, лежащие на моем рабочем столе. Прочитал записи, сделанные рукой Николая Дмитриевича на оборотной стороне фотоснимков. Фотографий с изображением медведя было много. Они были сделаны в разное время, начиная с 1955 года до 1966. На некоторых из них были сняты лишь части петроглифа: голова или туловище медведя. Что видел на них Николай Дмитриевич, почему не оставил на снимках никаких пояснительных записей?

Наконец на оборотной стороне одной из фотографий я обнаружил полустертую надпись карандашом. Читалась она с трудом. Там были непонятные слова: «В волосах «очкастого человека» (2-х и 4-х)». Дальше шел список зверей: 1. Осел. 2. Невнятное слово. 3. Слово, похожее на «баран». 4. Следующее я расшифровал как «обезьяна». 5. Видимо, «корова». 6. Мышь. 7. Что-то совершенно неразборчивое. 8. Собака. 9. Птица. 10. Свинья. Справа от столбца дописано: «змея» и «дракон». На снимке сфотографировано только туловище медведя без головы. На нем просматривались два круга. Ни человека в очках, ни перечисленных животных на снимке я не увидел.

Тогда я решил дать волю своему воображению и попытаться нарисовать контуры зверей, следуя многочисленным линиям на изображении медведя. Я начал с контура осла-кудана, морда которого отчетливо выделялась на голове медведя. Вскоре на экране монитора появилось вполне приличное изображение осла. Я его сделал на дополнительном слое, так

что по моему желанию он мог исчезать или появляться на мониторе поверх фотографии петроглифа. Изображение было убедительное.

Вдохновленный успехом, я принялся рисовать контуры других зверей. К концу дня у меня на экране возникли контуры дракона, мыши, кабана, льва, змеи, собаки, быка, был даже слон. Я понял, что могу нарисовать все что угодно. Линии на петроглифе были подобны пятнам Роршаха.

В начале двадцатого века швейцарский психиатр Герман Роршах разработал оригинальный психодиагностический тест для исследования личности. Испытуемому предлагались карточки с бесформенными кляксами, и он должен был рассказать, что изображено на каждом таком «рисунке». Пятна служили стимулом для свободных ассоциаций. Роршах считал, что каждый индивидуум видит то, что определяется особенностями его собственной личности.

Ученый обнаружил, что некоторые люди находят в пятнах даже двигающиеся фигуры. Среди здоровых индивидов это чаще всего характерно для тех, кому свойственно богатое

воображение, а среди лиц с психическими отклонениями — для тех, кто предрасположен к нереалистичным фантазиям. Сопооставляя эти ассоциации-фантазии, Роршах пришел к заключению, что они эквивалентны содержанию сновидений. Таким образом, оказалось, что чернильные кляксы способны раскрыть глубоко скрытые желания или страхи, которые прятались в подсознании человека.

Я оставил свои попытки расшифровать наскальное изображение. Тем более, что в процессе его изучения я обнаружил массу линий вне очертаний фигуры медведя. Они могли участвовать в создании все новых и новых образов. Существуют ли они, все эти рисунки, на самом деле или они лишь плод моего воображения? Знал ли о них древний мастер или они фантазия моего разума?

Дело усложнялось тем, что я не мог с уверенностью сказать по фотографии, какие из линий нанесены рукой художника, а какие являются естественными сколами или трещинами на валуне. Необходима дополнительная информация, и ее можно было получить, только посетив Орнёк.

В ближайшее воскресенье я с женой отправился на Иссык-Куль, прихватив с собой распечатанные рисунки зверей, которые мне «открылись» в «Медведе». Я должен быть убежден в реальности их существования. Ведь мне придется показывать рисунки специалистам. Нужно, чтобы они поверили мне, а не объявили меня фантазером.

Добравшись до валуна с петроглифом, я долго изучал рисунок. Линии были! Что-то из моих рисунков было похоже на правду, что-то оказалось притянутым. Линий было так много, что я не мог сказать о них что-то определенное. Мне чудились глаза, части тела животных, разбросанные по изображению медведя. Они не хотели складываться в моей голове в понятные образы. Но они там были!

Для чего и кем был сделан столь сложный рисунок? Какие цели преследовали его создатели? Неужели проникновение в сознание человека? Если в магическом ритуале использовались наркотические вещества, то какие видения рождались при созерцании этого изображения? Я терялся в догадках.

Я сделал несколько снимков медведя, решив внимательно изучить их на компьютере. Вторым моим объектом был «олений» камень. Тщательно осмотрев плоскость валуна с рисунками, я и там обнаружил линии, сделанные в незапамятные времена рукой человека. Линии скрывались под мощным слоем вторичного загара. Я не знал, сколько нужно тысячелетий, чтобы образовался такой загар. И опять я не смог сложить из линий контуры понятных мне образов.

Дома, изучая снимок на компьютере, я понял, что зашел в тупик. Мне нужна была квалифицированная помощь. Наверное, профессиональный художник или специалист по наскальным рисункам увидят на фотографии больше, чем я.

Я решил еще раз просмотреть фотографии Черкасова. Может быть, там есть хоть какой-нибудь ключ к расшифровке.

Я перебрал фотографии петроглифа «Медведь». Их было около тридцати. Зачем Николай Дмитриевич сделал их так много? На обратной стороне снимков или стояли номера пленок, или были записи карандашом, часто не связанные с

изображением. На обороте одной из фотографий я обнаружил небольшой рисунок человеческого лица. Найти его на изображении медведя мне не удалось.

На другом снимке я различил едва заметный выдавленный круг, оставшийся от грифеля карандаша. Я догадался, что над снимком работали. Видимо, накладывали на него ластик и обводили контуры «спрятанных» рисунков. Я обрадовался. По оставшимся следам от карандаша есть возможность восстановить то, что видел в них Черкасов!

Я вновь просмотрел все снимки, ища на них выдавленные следы. Лишь на 11 они были. Но и следы от карандаша мало что дали мне. Они были так запутаны, что понять их смысл не было никакой возможности.

Одна фотография привлекла мое внимание. На ней четко был выделен контур человеческого лица. Обведя портрет на своей фотографии, я понял, что и Черкасов создавал образы зверей, следуя за своим ассоциативным воображением.

Воспользовавшись подсказкой Черкасова, я нарисовал эскиз с человеческой головой.

Линии были на самом деле. Но образы рождались разумом созерцающего рисунок человека. С таким петроглифом я столкнулся впервые. Даже на Чолпон-атинской писанице, я думаю, были реальные изображения зверей. Здесь же магический рисунок работал с подсознанием зрителя.

Вторая глава

Позвонил Дима Лужанский и сообщил, что в кинофондах Госархива хранятся документальные фильмы о Черкасове. Я обрадовался. Может быть, на старых кадрах мелькнет вожделенный валун и я увижу окрестности, где он лежит.

Мы немедленно поехали в хранилище.

Работники фонда отыскиали две ленты, в которых упоминался Черкасов. Мы с Димой устроились в небольшом смотровом зале. Свет погас, и на белой стене, заменившей нам экран, замелькали кадры старой съемки.

Первая лента была выпуском киножурнала «Советская Киргизия». Такие фильмы обычно демонстрировали в кинотеатрах перед показом художественного фильма. В журнале речь шла о передовиках производства, достижениях народного хозяйства. Это были короткие сюжеты пропагандистского толка. Среди них был киноочерк о школьном музее. Начинался он кадрами, запечатлевшими школьников, которые под руководством Черкасова снимают копии наскальных рисунков в районе Чолпон-Аты. Потом на экране появился школьный музей, ребята, работающие над кальками петроглифов, и сам Николай Дмитриевич, что-то показывающий и объясняющий школьникам. Диктор за кадром рассказывал, что «юные следопыты из школьного историко-археологического кружка ищут следы древнего человека, чтобы услышать его голос через тысячелетия. Любовь к археологии привил детям страстный краевед, заслуженный учитель республики Николай Дмитриевич Черкасов. Каждое лето уводит он ребят в экспедиции. Что хотел изобразить древний художник на камне? О каком эпизоде полной опасности жизни поведал он потомкам? Рисунок, тщательно пе-

ренесенный на кальку, перекочевал с берегов Иссык-Куля в школьный музей...» Заканчивался сюжет словами: «Кто знает, какие еще тайны древности разгадают хозяева этого музея, унося с собой в самостоятельный путь беспокойный огонек исканий?»

Ничего нового в ленте я не увидел, кроме части экспозиций музея школы № 10. Красивые планшеты, со вкусом оформленная выставка артефактов. Видно, что дети делали все с любовью. Я обратил внимание на одухотворенные лица школьников. Спасибо коммунистам за светлые идеалы, которые зажигали юные сердца. Теперь таких лиц не встретишь ни среди молодежи, ни среди взрослых. Исчезла общая цель – коммунизм, развалилась великая страна, оставив на своих руинах сирых детей своих.

Вторая лента называлась «Дети гор». Речь в ней шла о Кычане Джакыпове, киргизском Павлике Морозове. Показывали пионеров, рассказывали об отважном мальчике, который выступал против баев и кулаков. Я подумал, что хранители фонда что-то напугали. При чем тут Кычан Джакыпов и

Черкасов? Потом вспомнил, что Николай Дмитриевич вел еще кружок боевой славы, и киргизский Павлик Мороз мог оказаться в сфере его внимания. В конце короткометражного фильма речь пошла о том, как хорошо живется пионерам в Советском Союзе. Они занимаются в различных кружках. Показали судовавиамодельный кружок, ребят, катающихся на картингах. Потом речь пошла об историческом кружке в школе № 10. Показали ребят, разглядыва-

ющих петроглифы на Чумышских горах. Это неподалеку от города Бишкека. Теперь эта территория находится в другой стране – Казахстане. Николай Дмитриевич, в белой шляпе, полноватый, что-то говорил, а ребята заворуженно слушали его. В музее школьники склеивали части керамических сосудов, найденных в походах. Сам Черкасов говорил о том, что в их музее находится самая богатая в республике коллекция копий с наскальных рисунков и что музей часто посещают ученые. Рассказывал, что его трижды вызывали в Академию наук Киргизии с докладом об открытиях юных археологов. Николай Дмитриевич говорил звонко, напористо и увлеченно. К сожалению, и в этом фильме я не нашел ничего полезного. Разве что услышал энергичный голос самого Черкасова. Спасибо фонду, который хранит эти частички нашего прошлого. Мы можем, словно на машине времени, перенестись в ушедшие времена, ощутить дыхание времени.

После просмотра лент Дима рассказал, что слышал о другом фильме, полностью посвященном Черкасову. Мы решили продолжить поиски. Семья режиссера, снимавшего тот фильм, живет теперь в России. Самого режиссера уже нет в живых. Но фильм должен быть или в кинофонде, или в семье режиссера.

Вскоре со мной связалась Светлана Михайловна Громова. Она прислала очерк о Черкасове. Он назывался «Учитель на всю мою жизнь». Это были воспоминания о Николае Дмитриевиче одного из его учеников – Олега Федоровича Малькова. Написан он был с любовью. Мальков встречался с Черкасовым на протяжении всей своей жизни, вплоть до кончины учителя в 1983 году. Однако в очерке не было упоминания о сакских рисунках, найденных Черкасовым, хотя Олег Федорович участвовал в походах археологического кружка начиная с 1948 года.

Размышляя о символическом значении петроглифов, я вспомнил, что рядом с камнем, на котором изображен медведь, есть курганы-захоронения.

Ученые давно заметили связь древних захоронений с наскальными изображениями. Я подумал, что нанесение рисунка на камень могло быть связано с ритуалом жертвоприношения. В древности люди верили в существование загробной жизни, мира, в который переселяются души умерших людей и животных. Поэтому клали в могилу вместе с покойником разные вещи: его личное оружие, пищу, украшения, зеркала, утварь – все, что могло бы понадобиться человеку. Богатых людей и царей сопровождали многочисленные слуги, любимые жены, кони, которые должны были хорошо служить своему господину в мире теней. Жертвоприношения совершались ежегодно, чтобы снабжать властелина все новыми и новыми слугами. Впоследствии эти жертвы были заменены на их символы. Например, вместо настоящих воинов и лошадей рядом с гробницей китайского императора Циня Шихуанди закопали их терракотовые копии. Их там больше восьми тысяч! Хотя в саму гробницу

вместе с господином положили тела 48 наложниц. Видимо, решили, что их глиняные копии вряд ли устроят императора. Цинь Шихуанди умер в 210 году до нашей эры, и уже в те давние времена пользовались символической жертвой.

Я пытался связать наскальные рисунки с ритуалом жертвоприношения. Возможно, древние люди, убивая животное и нанося его изображение на камень, верили, что душа зверя переходит в загробный мир, пополняя поля охоты усопшего. Может быть, этим верованием объясняется такое большое количество наскальных рисунков козлов, архаров, оленей и других зверей? А сцены охоты, запечатленные древним мастером на камнях, происходят не в реальном мире, а в загробном?

Первобытные люди верили в то, что не только в каждом живом существе живет душа, но и каждый объект или вещь в окружающем его мире живет своей жизнью. Поэтому можно было сердиться на камень или палку, больно ударившую человека, и приписывать этим предметам злой характер или злые помыслы. Человека окружал живой мир, населенный сонмом фей, духов и богов. Дул ветер, шел дождь, гремел гром, сверкали молнии – все это было проявление милости или гнева богов. В каждом источнике, реке, камне или горе жил свой дух. Человека защищали духи предков, которые обитали неподалеку от мест их захоронения. Над бранным миром царили Солнце – верховное божество и его жена – Луна. С богами и духами можно было общаться через колдунов и шаманов, через молитвы и подношения. Можно было обмануть их, чтобы добиться расположения. Но и сами божества и духи имели свой характер и могли строить козни людям или, наоборот, благоволить им. Древний человек существовал в понятной ему Вселенной. Он знал, «что» или «кто» стоит за природными явлениями, за изменениями погоды или климата, кто ответственен за то или иное событие в его личной жизни. В отличие от нас, современных людей, он жил в гармонии с природой, разговаривал с животными, прося простить его за убийство и не мстить ему за то, что питается

их мясом. Он общался с деревьями, камнями, даже предметы быта и оружие были для него живыми. Например, некоторые предметы имели собственные имена. Можно вспомнить меч Эскалибур короля Артура или непробиваемую кольчугу Чайинги и непобедимый меч Нар-Кескен эпического киргизского героя Эр-Тёштюка.

И человек в этом волшебном мире, созданном его воображением, жил тысячами, совершая необходимые для его жизни ритуалы.

Какое место в этих ритуалах занимали петроглифы?

Китайский монах, придавая особое значение иероглифам как символам, несущим определенный смысл и энергетику, может писать их водой на доске. Неважно, что они вскоре исчезнут. Имеет смысл лишь то, что они возникли в этом мире. Значит, по убеждению монаха, они изменили мир. Как и слова молитвы не исчезают бесследно, отзвучав. Они остаются вписанными в историю этого мира.

Петроглиф являлся магическим символом, как же найти ключ к его пониманию?

Третья глава

Тайные рисунки петроглифа «Медведь» занимали меня постоянно. Я говорил о них с разными людьми, показывал свои прорисовки «скрытых» зверей в изображении медведя, но мало кто из моих собеседников разделял мой энтузиазм.

Они не видели того, что видел я! Пожимая плечами, люди твердили, что все эти линии лишь фактура камня, а изображения зверей – плод моей фантазии. Было от чего прийти в уныние. Тем более, что я сам терялся в линиях наскального рисунка и не мог из них выделить что-либо однозначное. Каждый мой нарисованный образ можно было смело объявлять выдумкой. Нужны были более веские доказательства вписанных в петроглиф рисунков.

В начале ноября я поведал о своих находках друзьям: Вячеславу Александрову, владельцу и директору туристической компании «Эдельвейс», и Сергею Дудашвили, руководившему туристической фирмой «Горы Азии». По моему мнению, находки уникальных наскальных изображений должны были вызвать интерес не только у ученых, но и у простых людей во всем мире.

– Петроглифов, подобным нашим, нет нигде! – заманивал их я. – Возможно, такие рисунки существуют еще где-то, но они неизвестны, потому что их не видят! Надо создать прецедент, и тогда, вполне вероятно, ученые других стран смогут найти такие же наскальные рисунки у себя. А вы сможете привлечь внимание туристов к этим уникальным историческим объектам.

В том, что найденные мной петроглифы шедевры, я не сомневался. Проштудировав все возможные источники в Интернете и найденные книги по археологии, я не обнаружил упоминаний о рисунках в похожем стиле. Я сомневался, что только у нас древние художники выполняли петроглифы такой сложной техникой. Удивительно, но человеческая цивилизация развивается по единому сценарию. То есть, в разных уголках планеты люди, существуя независимо друг от друга и не общаясь, создавали орудия труда и охоты, произведения искусства, словно следуя какому-то эталону, который им в свое время показали. Видимо, так родились мифы о том, как возникли ремесла и различные искусства в человеческом обществе. О них им поведали боги и научили добывать огонь, ковать металл, играть на музыкальных ин-

струментах и слагать стихи. Пращи, луки, стрелы, зернотерки, топоры у разных народов имеют сходные формы. Даже узоры на тканях, вышивках и коврах повторяются в различных культурах. Поэтому я был уверен, что и иссык-кульские сакские петроглифы должны иметь свои аналоги в других, отдаленных от Киргизии, местах. Просто время их еще не настало. Теперь же, когда мы объявим о своих находках, аналоги обнаружатся и в других районах Евразии.

Я пригласил Сергея Дудашвили в небольшую ознакомительную экспедицию, чтобы он мог воочию убедиться в существовании сакских рисунков на камнях. С нами поехал и археолог – академик Владимир Михайлович Плоских. Ученый в течение почти тридцати лет изучал акваторию Иссык-Куля и прилегающую к озеру долину в надежде отыскать следы легендарного города усуней Чигучена, или Чигу. Усуни вытеснили с территории Иссык-Кульской котловины сарковскифов приблизительно в IV веке до нашей эры. В III веке до нашей эры усунь тесно общались с Поднебесной империей. Усуньские вожди брали в жены китайских принцесс,

по велению первой из них был построен Чигу. Сами усунь-цы были кочевниками и жили в юртах. Руины Чигу искал и русский путешественник Семенов-Тянь-Шанский. Другая мечта Владимира Михайловича – найти место расположения средневекового армянского монастыря, в котором хранились мощи святого апостола Матфея.

Хотя петроглифы не были объектом изучения академика, он тут же дал согласие посмотреть на мои находки.

Было уже начало ноября, и ночи на Иссык-Куле были морозные. Днём ветер, несмотря на еще теплые лучи солнца, был холодный. В нем чувствовалось дыхание снега, припорошившего близлежащие горы и предгорья. Озеро находится на высоте более 1600 метров над уровнем моря, поэтому зима приходит на Иссык-Куль раньше, чем в Бишкек.

Когда ветер стихал или когда мы спускались в долину, защищенную от ветра, было по-весеннему тепло. Над нами светило солнце и синели чистые небеса. Лишь золотое одеяние немногочисленных деревьев в предгорье Орнёка говорило о том, что вскоре сюда придет зима.

У нас в распоряжении было всего два дня, поэтому я решил показать Сергею и Владимиру Михайловичу только уникальные рисунки.

Начался осмотр района с большого каменного сооружения. Это был почти идеальный круг, выложенный из валунов. В центре сооружения располагался наполовину меньший круг, от которого шли радиально выложенные перегородки. Создавалось впечатление, что конструкция составлена из нескольких комнат, соединенных проходами. Внутри отдельного просторного сектора был еще один маленький замкнутый круг, сложенный из камней. Кое-где на валунах виднелись петроглифы. Очевидно, рисунки были выполнены раньше, чем создавалось сооружение. Строителей петроглифы мало интересовали. Они использовали валуны с рисунками только как строительный материал.

Я рассказал Плоских, что на снимке из космоса можно увидеть, что весь этот район буквально испещрен подобны-

ми сооружениями, длинными каменными линиями и кромехами.

Оказалось, что Владимир Михайлович хорошо знал Николая Дмитриевича Черкасова и даже какое-то время жил по соседству с ним. Меня интересовало все, что было связано с именем этого учителя. Я с интересом слушал рассказы академика об увлеченности Черкасова поисками древних изображений на скалах, о его любви к детям (своих детей у Николая Дмитриевича, насколько я знал, не было). Владимир Михайлович удивлялся тому, что Черкасов, несмотря на перенесенные репрессии, был ярким сталинистом. Рассказывал Плоских и о Светлане Михайловне Громовой, которая одно время работала на кафедре истории, возглавляемой Владимиром Михайловичем.

Разговаривая с ученым, я волновался: какая будет у него реакция, когда он увидит рисунок медведя? Все-таки Владимир Михайлович первый ученый, не считая Черкасова, который встретится с этим петроглифом. Удивит ли он его? Заинтересует ли? Примет ли Плоских мои прорисовки или

сочтет их бредовыми фантазиями?

До того как познакомиться Владимира Михайловича и Сергея с «Медведем», я повел их к другому рисунку. На большом валуне был изображен трагичный момент охоты хищных зверей на какое-то крупное животное. Трудно было понять, на какое именно животное напали хищники. Часть изображения с ногами зверя была разрушена временем. У него были длинные изогнутые тонкие рога и что-то вроде

рога на носу. Один из хищников вцепился животному в хвост, другой тянул за рог. У хищников были вытянутые изящные тела и непомерно длинные хвосты. Животное казалось неуклюжим и неповоротливым. Оно имело неестественно вытянутое тело. Пасть его была приоткрыта, словно зверь жалобно ревел, взывая о помощи. На противоположной стороне камня была изображена большая сцена с множеством всадников, пеших людей, животных. Часть картины терялась под слоем вторичного загара. По центру ее был выбит целый список людей, несколько десятилетий назад посетивших это место. Рядом со списком красовался выбитый тюльпан.

– Какие варвары! Уничтожить памятник истории! – возмутился Владимир Михайлович.

– Я думаю, они даже не видели эти рисунки, – отозвался я. – Сколько раз я обращался за помощью к местным жите-

ням. Они ничем не могут помочь, так как совершенно не замечают изображений на камнях. Они для них не существуют.

Наконец мы подошли к «Медведю». Владимир Михайлович внимательно осматривал валун, и я понял, что медведя он не видит. Я вспомнил свое разочарование, когда впервые взглянул на петроглиф, в поисках которого провел не один день. Я поспешил на помощь академику.

— Вот контуры зверя, — говорил я, обводя рукой линии на камне. — Вот вписанная голова лошади. Здесь грива. А вот здесь контуры кабана.

Я вытащил припасенные на этот случай распечатки, на которых были нанесены контуры найденных мной животных, и протянул их Владимиру Михайловичу.

— Вот бык. А вот так можно увидеть дракона.

Судя по скептическим взглядам Сергея Дудашвили, я понял, что мои доводы не убедительны. К тому же в последнее мое посещение я обрисовывал контуры зверей мелом. Потом я промыл камень водой, но мел заполнил все углубления на камне и не хотел смываться. К сожалению, с тех

пор тут не было дождей и остатки мела скрыли темные бороздки, очерчивающие контуры рисунков. Это еще больше затрудняло восприятие скрытых изображений петроглифа.

Я решил показать своим спутникам основной камень с изображением оленей, хотя первоначально планировал посетить его на следующий день. Мне надо было произвести впечатление на товарищей.

Закатное солнце окрасило окрестности в теплые тона. С того места, где мы были, открывалась грандиозная панорама озера. Желтый простор предгорий, уходящий полого вниз к Иссык-Кулю, был усеян скоплениями валунов, среди которых белели стены одиноких кошар и золотились небольшие рощицы осенних деревьев. Вода озера, подсвеченная предзакатным солнцем, была бирюзового цвета. Ветер гнал по поверхности волны, которые двигались по озеру четким ритмом, образуя на воде дугообразные узоры. Вдалеке над озером и над противоположным берегом плыли беловатые, тяжелые тучи, из которых косматыми прядями валились вниз потерявшиеся снежинки. Время от времени и нас настигала подобная туча и вокруг начинали летать «белые мухи». Становилось зябко, но едва проглядывало солнце и стихал ветер, как вновь становилось тепло.

Валун с оленям был виден издалека. Рядом с ним лежало еще несколько крупных камней, принесенных сюда ледником в доисторические времена. Мы шли мимо сцен охоты, выбитых на черных от солнечного загара камнях. На них были изображены бегущие олени и козлы. За животными вдогонку скакали всадники, натягивая тугие луки. Рядом неслись своры собак. Среди них виднелись барсы, которые, видимо, тоже помогали охотникам. Вблизи камней с изображениями попадались курганы захоронений, выложенные круги кромлехов – мы попали в древний ландшафт, не сильно изменившийся за последнюю сотню тысяч лет. Полупустынный климат, редкие осадки способствовали сохранению его в первозданном виде. Лишь вездесущие современные надписи возвращали нас в наше время.

Изображение оленей было едва заметно на теневой стороне валуна. Зато четко обозначились глубокие линии, рисующие какие-то затейливые узоры на камне. Понять их смысл было невозможно, так как они местами вырисовывались четко, а местами терялись в фактуре камня. Я пожалел о том, что так много времени посвятил расшифровке «Медведя». Возможно, с оленями я бы добился большего эффекта. Таких четких линий на «Медведе» не было.

Я увлеченно рассказывал товарищам об изображениях оленей, показывал контуры скрытых оленей, обращая внимание на мелкие бороздки, выгравированные на каменной поверхности. Говорил, насколько трудно их скопировать и разгадать их тайнопись.

По лицам спутников я понял, что увиденное наконец-то заштриговало их. Они воодушевленно делились впечатлениями. Владимир Михайлович мечтал привлечь к району внимание ЮНЕСКО и объявить его объектом всемирного историко-культурного наследия человечества.

Вечером мы долго обсуждали наши совместные планы по

продвижению памятников Орнёка, по развитию туризма и археологических исследований.

На другой день я показал друзьям в предгорьях валун с изображением двенадцати пращных камней, которыми охотник с луком поражал пасущихся козлов. Валун, стоящий в логе, привлекал внимание издалика своими круглыми символами, расположенными в три ряда по три изображения в каждом.

Академик с удовольствием позировал на фоне петроглифов. Никогда прежде он не видел ничего подобного.

Но еще больший восторг моих спутников вызвало трехметровое изображение рыбы. Оно было составлено из фигурок козлов, быка и тигра. Полосатый тигр был выбит в основании хвоста рыбы. Он охотился на трех козлов, фигурки которых очерчивали хвостовой плавник рыбы. Рядом было изображение оленя. Контуры рыбы одновременно служили очертаниями ландшафта, по которому брели различные звери: лошадь, козлы. Жаберную щель и линию рта образовывала фигура быка с длинными рогами. Боковые плавники одновременно были козлом с крутыми рогами.

Я показывал шедевры каменной галереи Орнёка, которые разведал за два года поисков в районе ущелья Чет-Кой-Суу. Квадратное строение с длиной стен больше двадцати метров, изображение мужчины, выполненное словно по детской присказке: «Точка, точка, запятая – вот и рожица кривая»... я мог еще часами водить спутников по каменному лабиринту. Но возраст Владимира Михайловича давал о себе знать. Ему давно за семьдесят, а он бегал по предгорьям, словно в молодости! Да и пора было возвращаться в Бишкек. Я подумал, что увиденное и так переполняет эмоциями моих сотоварищей и что дополнительная информация уже не может восприниматься ими должным образом. Слишком много шедевров! Теперь я был уверен, что академик Плоских будет продвигать галерею петроглифов Орнёка. А Дудашвили обязательно привезет своих туристов в этот грандиозный музей под открытым небом. Мы все сходились

в одном: нельзя допустить, чтобы этот первозданный край был разрушен современной цивилизацией. Не так много на земле осталось мест, где воочию можно увидеть ландшафт, сохранившийся в течение десятков тысяч лет и хранящий следы деятельности первобытного человека. Орнёк может стать гордостью Кыргызстана, его визитной карточкой.

Владимира Михайловича я попросил разыскать в архиве Академии наук отчеты Черкасова за 1953 год. В них, возможно, было указание на расположение валуна со скифскими рисунками, в поисках которого я провел почти два года.

Четвертая глава

Я потратил очередные полдня на расшифровку линий «оленьего» камня. Для этого я с усердием обводил тонкие бороздки на фотографии петроглифа на экране монитора и надежде получить внятный рисунок, но получал лишь запутанный клубок переплетающихся линий, смысл которых понять было невозможно. Тогда я решил обрисовать более крупные борозды на камне, в которых угадывался скрытый рисунок. На мониторе появились очертания нескольких козлов, но и в них вплеталось немыслимое количество тонких линий.

Чем дольше я сидел за компьютером, изучая поверхность валуна, тем больше приходил в отчаяние. Разрешение снимка не позволяло мне увидеть мелкие детали, все расплывалось на экране при большом увеличении. Но я чувствовал, что композиция наскального рисунка составлена из элементов более мелких, чем я могу увидеть на экране. В некоторых местах снимка, где фокусировка была лучше, я угадывал крохотные изображения козликов.

Наконец, после некоторого размышления, я понял, что та часть рисунка, которую я изучаю, действительно создана из переплетающихся фигурок козлов. Причем они были так плотно нарисованы, что рога одних животных были ногами других, части тела и голова одного зверя были составной частью тела другого животного. Потом я заметил, что фигуры

козлов двухсторонние, наподобие сказочного тяни-толкая. Двухголовые изображения животных на петроглифах не редкость, здесь же они, видимо, составляли основу рисунка. Рога этих тяни-толкаев были глазами мозаичных собратьев, сложенных из массы мелких изображений животных. Маленькие фигурки козликов складывались в более крупные изображения. Они в свою очередь были составной частью изображения еще больших козлов. Это напоминало мне кельтский орнамент, только более сложный. Детали узора чередовались неравномерно, со смешением и входили в состав крупных портретных рисунков. Какие именно животные были изображены на этих портретах, я пока не знал. Ведь передо мной на экране был лишь один небольшой участок валуна, покрытый узорной вязью гравировки. Возможно, на другом участке козликов сменят другие животные. Я вспомнил, что на Чолпон-атинской писанице основным элементом, согласно описаниям Черкасова, были птицы. Чтобы понять замысел всей картины на камне, мне нужны были качественные фотографии всех участков валуна. Только после

их детальной обрисовки и объединения я смогу понять, что же изображено на писанице.

Осознание того, что я на шаг продвинулся к разгадке петроглифа, радовало меня. Кроме того, я понял, что изображения оленей нанесены поверх писаницы позже.

Я задумался: если фигуры оленей едва просматриваются под слоем вторичного загара и им не меньше трех тысяч лет, то каков возраст гравированных узоров?! Представители какой цивилизации могли выполнять такую сложную по технике работу?

Через два дня после моего возвращения в Бишкек мне позвонил Вячеслав Александров и попросил показать ему район Орнёка. Его интересовал камень с тибетской надписью. Его фирма работала с туристами из Японии, всегда проявляющими интерес к памятникам буддизма. Я с удовольствием согласился, тем более сам планировал сфотографировать небольшой фрагмент «оленьего» камня, что позволило бы продвинуться в его изучении.

Времени на экскурсию было не много: за один день мы должны были достичь окрестностей Орнёка, осмотреть петроглифы и вернуться домой. В середине ноября солнце уходит за горизонт рано, поэтому в семь утра мы уже были в пути.

И опять возле петроглифа «Медведь» мои объяснения про вписанные рисунки были выслушаны с недоверием. Я не захватил с собой распечатки своих прорисовок, поэтому мне пришлось рассказывать о своих находках, водя пальцем по линиям рисунка. Видя скептические взгляды моих спутников, а кроме Александрова приехали: его жена Татьяна, его друг и помощник Юра Шевяхов со своей знакомой Ларисой и два моих приятеля – Володя Шестопалов и Саша Головкин, я потащил всю группу к «оленьему» камню. Там не должно было остаться у моих оппонентов ни тени сомнения в рукотворности всех этих трещин и линий на камнях! Я должен доказать им, что скрытые рисунки не плод моих фантазий, а задумка древних художников!

Вид огромного валуна, по форме напоминающего гигантское яйцо, поставленное на острый конец, среди россыпи камней, выстроившихся по бортам вдоль сухих русел, оставленных тысячи лет назад отступающим ледником, произвел на моих товарищей должное впечатление. Фигуры оленей хорошо просматривались на расстоянии, а вблизи отчетливо видны были выбитые линии, создающие причудливые изображения. Мой вдохновенный рассказ был выслушан на ура. У моих спутников загорелись глаза: они готовы были искать новые и новые рисунки на камнях.

Подойдя к камню с изображением рыбы, Татьяна Александрова тут же открыла мне глаза: в рисунок вписан контур другой, меньшей по размерам рыбы! Обойдя этот валун, я заметил, что и на нем есть скрытые рисунки, пропадающие под чернотой солнечного загара. Остались лишь бороздки, отмечающие след инструмента древнего художника. Подобные следы исчезнувших картин теперь я находил повсюду. «Сколько здесь работы для археологов!» – подумал я.

Участники экскурсии разбрелись между валунов в поисках петроглифов. Мне с трудом удалось собрать их вместе и напомнить, что нам пора отправляться назад.

Дома я принялся изучать сделанные мною снимки «оленьего» камня. И опять меня постигла неудача. Чем больше я увеличивал фотографии, тем мельче становились детали рисунка. Мне опять не хватило разрешения снимка для выделения элементарного рисунка сложного переплетенного узора из козликов. При большом увеличении на экране монитора все расплывалось, и я с трудом мог определить, что же является фактурой камня, а что выбитой линией рисунка. Мои попытки обрисовать кажущиеся мне искусственными линии на камне создавали на фотографии такие замысловатые и мелкие зигзаги, что я полностью потерялся в их хаосе. Просидев пару часов перед монитором компьютера, я понял, что и на этот раз не справлюсь с задачей расшифровки узора на «оленьем» камне.

Я решил просмотреть фотографии других петроглифов,

на которых заметил скрытые изображения. Для начала я изучил снимок большого животного, подвергнувшегося нападению двух хищников. Непомерно длинное туловище животного явно распадалось на отдельные фигуры двух или трех зверей. По их телам шли выбитые дугообразные линии, складывающиеся в знакомые мне изображения наложенных друг на друга козлов. К сожалению, петроглиф уже начал разрушаться, часть оксидной пленки обвалилась, и я не смог до конца разобраться в рисунке.

Я решил обрисовать контуры двух изображенных на вадуне рыб.

Внутри рыбы были четкие рисунки козлов. Я выделил их фигурки на экране монитора и заметил, что и здесь есть скрытые изображения. Я принялся обводить найденные линии «прятавшихся» фигурок козлов. Чем больше я находил изображений зверей, тем сильнее во мне крепла уверенность, что передо мной тот же самый стиль, что и на «оленьем» камне. Точно так же рога одних животных служили ногами других. Глаза крупных животных складывались из

дугообразных рисунков рогов маленьких козликов. Как я и предполагал, в основе древних рисунков был заложен один принцип композиции. И я уже нашел не один, а несколько аналогов Чолпон-атинской писаницы Черкасова. Само их существование доказывает реальность сакской писаницы, найденной Николаем Дмитриевичем в далеком 1953 году. Это меня порадовало. Внимательно просмотрев копии с калек Черкасова, я понял, что и Чолпон-атинская писаница сложена из изображений козлов. Там, где Николаю Дмитриевичу виделись головы птиц, я ясно видел очертания рогатых козлиных фигурок. Это еще больше утверждало в мысли о реальности таинственного камня. Ведь и рисунок на нем и на найденных мною камнях были выполнены в одной технике, в основе их композиции лежит один и тот же элемент – рогатый козлик!

Я потянулся к телефону: чтобы разгадать замысел древнего мастера, мне требовалась помощь специалиста. Я решил обратиться к Владимиру Романовичу Горовому. С него начались мои поиски пропавшей Чолпон-атинской писаницы.

дугообразных рисунков рогов маленьких козликов. Как я и предполагал, в основе древних рисунков был заложен один принцип композиции. И я уже нашел не один, а несколько аналогов Чолпон-атинской писаницы Черкасова. Само их существование доказывает реальность сакской писаницы, найденной Николаем Дмитриевичем в далеком 1953 году. Это меня порадовало. Внимательно просмотрев копии с калек Черкасова, я понял, что и Чолпон-атинская писаница сложена из изображений козлов. Там, где Николаю Дмитриевичу виделись головы птиц, я ясно видел очертания рогатых козлиных фигурок. Это еще больше утверждало в мысли о реальности таинственного камня. Ведь и рисунок на нем и на найденных мною камнях были выполнены в одной технике, в основе их композиции лежит один и тот же элемент – рогатый козлик!

Я потянулся к телефону: чтобы разгадать замысел древнего мастера, мне требовалась помощь специалиста. Я решил обратиться к Владимиру Романовичу Горовому. С него начались мои поиски пропавшей Чолпон-атинской писаницы.

Ему было интересно увидеть удивительный камень своими глазами. Теперь Горовой может помочь мне еще на один шаг приблизиться к разгадке ишсык-кульской тайны, которая владела моими мыслями последние два года.

Владимир Романович тут же дал согласие посмотреть мои находки.

Демонстрируя Горовому петроглифы на мониторе компьютера, я думал, как же объяснить ему, чего я хочу от него. Мои прорисовки скрытых рисунков «оленьего» камня только обескуражили его: это был клубок запутанных нитей, идущих в разные стороны без видимого смысла. В моем мозгу они складывались в понятный мне рисунок. Но едва я проводил линию, как вся композиция нарушалась. Вместо изящных линий, лежащих на разном уровне и имеющих различную толщину, появлялись их грубые копии, не желающие складываться в узнаваемые глазу фигуры. Удивительным, я бы даже сказал волшебным, образом на петроглифе фигурки козликов перетекали друг в друга, слагали вместе очертания больших животных. Я ясно видел их глаза, детали

туловища, но не мог передать это волшебство рисунка даже самой тончайшей линией. Глядя на Владимира Романовича, я чувствовал его смятение: он хотел видеть то, что я ему рассказывал, но перед ним был лишь непонятный клубок линий!

Я вспомнил о четких фигурах козликов на камне с изображением большой рыбы и показал снимок Горовому. Убрав все, что было нарисовано мною поверх фотографии, я начал обводить контуры зверей. Один, второй, третий. Вскоре Владимир Романович уже помогал мне: «Вот здесь я вижу еще одного козлика!» Через полчаса Горовой уже горел вдохновением: «Я чувствую замысел древнего мастера! Только художник может понять, о чем думал другой художник, когда создавал картину!» От меня требовался новый снимок небольшого участка композиции. Распечатав его увеличенную копию, мы хотели по ней проникнуть в тайну композиции скифского мастера. Это могло быть ключом к разгадке и других древних рисунков на камне.

Разглядывая фотографии петроглифов, я ловил себя на мысли, что крупные изображения на них могут быть не связаны с затейливым звериным узором. Порой контуры больших рисунков были выбиты грубыми линиями и проходили по звериному узору, ломая его и нарушая его ритм. И в Чолпон-атинской писанице, вспомнил я, мелкие детали не связаны зачастую с крупными портретными рисунками. Маленькие птичьи головки нарисованы в отрыве от контура зверей, входящих в большое живописное панно. Скорее всего, это говорит о разном времени нанесения рисунков. Самый древний узор – звериный из переплетенных козликов. Он же и самый изящный. Тончайшие линии выполнены на разных уровнях, что и создает перетекающий рисунок. Как можно было в глубокой древности выполнить такой узор? Какой техникой? Сегодня это можно было бы сделать с помощью компьютера и лазера, а тогда, тысячи лет назад, как?

Жаль, что Чолпон-атинская писаница не нашла отклика в научной среде, когда ее обнаружил Черкасов. Возможно, сегодня мы бы уже имели ответы на подобные вопросы. Ин-

тересно, а как сейчас отреагируют ученые на наши находки? Вторичный загар на рисунках не даст им обвинить нас в фальсификации. Но ведь и на писанице Николая Дмитриевича этот загар был, в этом я уверен. Почему же ученые так прохладно отнеслись к сакской писанице?

Я отбросил в сторону все посторонние мысли: сначала мы должны расшифровать таинственные петроглифы. Это будет нелегкая задача. Я слышал, что расшифровка египетских фресок заняла несколько лет, а они, на мой взгляд, были куда в лучшем состоянии, чем наши петроглифы!

Пятая глава

Письмо от Громовой меня несколько обескуражило. Около месяца назад я выслал ей книгу «Родиться в небесах», в которой опубликовал первую часть «Тайн Иссык-Куля». Многое из того, что она прочитала в повести, вызвало ее возмущение. Светлана Михайловна писала: «Малейший стресс сваливает меня с ног. Ваша книга уложила меня...» Она уточняла, что не могла участвовать в экспедиции 1953 года, так как была еще слишком мала и проживала в это время с родителями в Киеве. В Киргизию ее семья приехала только в 1955, а познакомилась Светлана Михайловна с Черкасовым в 1963 году. Она была близка с учителем до последних дней его жизни, но никогда Николай Дмитриевич не упоминал о находках своей первой экспедиции. Копии с калек 1953 года Громова обнаружила, разбирая архив Черкасова уже после его смерти. Этот архив Светлане Михайловне передал ее знакомый – директор института археологии Казахстана Карл Молдохметович Байпаков в 2005 году. До этого в течение двадцати пяти лет архив Николая Дмитриевича хранился в Алма-Ате, его передала туда вдова Черкасова. Светлана Михайловна предположила, что Черкасов, обвиненный в мистификации, не желал больше возвращаться к теме Чолпон-Атинской писаницы, а его вдова, не найдя интереса к архиву мужа в киргизской Академии наук, обратилась в казахскую. Тем более, что Байпаков некогда участвовал в экспедициях

Николая Дмитриевича. Громова возмущалась тем, что лавры возвращения архива и калек приписывал себе Радий. По ее словам, он, получив доступ к калькам, долго не хотел отдавать их назад.

Я как мог успокоил Светлану Михайловну, объяснив, что мое повествование развивается подобно детективному сюжету, что я сам не знаю, какой неожиданный поворот готовит мне Судьба, какие новые детали откроются мне завтра. Информация попадает на страницы моей повести так, как подают ее герои этой непридуманной истории. А истина, в конце концов, должна восторжествовать. Николай Дмитриевич должен быть полностью реабилитирован в глазах ученых. Все петроглифы, о которых он писал, существовали на самом деле. Возможно, описания этих рисунков Николаем Дмитриевичем были излишне эмоциональными и иногда являлись плодом его безудержной фантазии. Но петроглифы были и есть. И удивительных рисунков намного больше, чем думал Черкасов. Можно будет говорить об открытии нового стиля наскальной живописи, основой которого являют-

ся переплетенные козлики. Первооткрывателем этого стиля был Николай Дмитриевич Черкасов. И хорошо, что Светлана Михайловна Громова заинтересовалась найденными в архиве учителя удивительными рисунками. Это стало толчком для новых поисков и новых открытий. Впереди еще много работы по изучению и дешифровке древнего искусства саксов или, может быть, другой культуры, оставившей свой след на камнях Приссыккулья. Будут новые находки, ведь и сама Чолпон-атинская писаница еще так и не явилась миру. В том, что она существует, у меня нет ни капли сомнения.

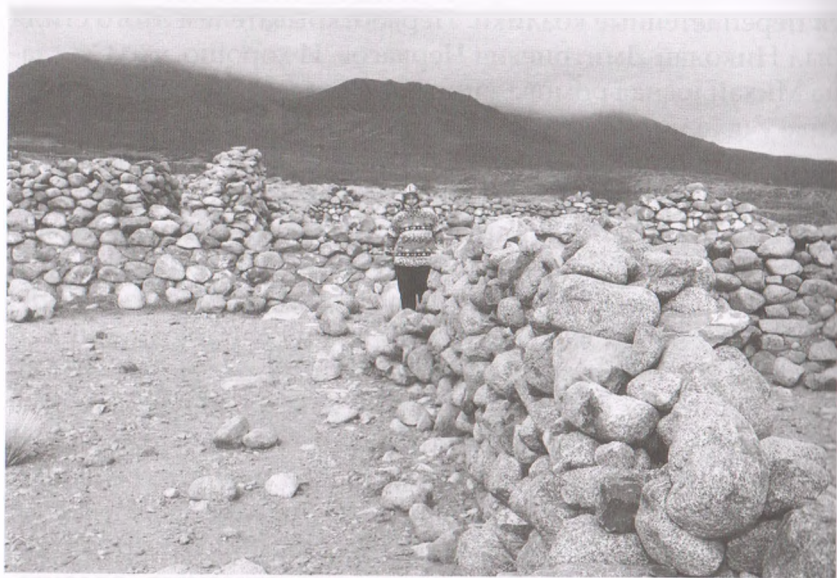
Написал я Светлане Михайловне и о том, что район Орпёка, возможно, объявят уникальным наследием человечества. Увидеть его, побродить по древним ландшафтам станет мечтой туристов с разных концов нашей планеты. Ведь прикоснуться к искусству, родившемуся на заре человечества, всегда волнительно. Рассказал и о том, что Владимир Михайлович Плоских планирует привлекать студентов, волонтеров, всех желающих принять участие в поисках наскальных рисунков. Ведь сама разведка неизвестного таит в себе прелесть новизны ощущений и необычных переживаний. Тем более, если они будут увенчаны открытием новых рисунков.

Светлана Михайловна писала мне о своих безуспешных попытках найти отчеты Черкасова в архиве Академии наук. Мы договорились о подготовке рукописи Николая Дмитриевича о наскальных рисунках Северной Киргизии к печати — в качестве приложения к воспоминаниям о Черкасове его учеников.

Шестая глава

Стремление разгадать тайнопись сакских петроглифов заставило меня вновь предпринять поездку на Иссык-Куль.

Бродя по предгорьям, я ловил себя на мысли, что вести поиск в это время года приятнее, нежели летом под лучами безжалостно палящего солнца. Как жаль, что люди еще не открыли прелести весеннего и осеннего Иссык-Куля. Для них озеро лишь объект пляжного отдыха. А как прозрачен

и чист воздух Прииссыккуля зимой! Как отчетливо видны снежные вершины противоположного берега, кажется, поднимающиеся прямо из аквамариновых вод горного моря! Это поразительное зрелище оставляет неизгладимое впечатление в сердце любого человека, впервые попавшего на берега зимнего Иссык-Куля.

В этот раз по пути в Орнёк мы с женой и Димой Лужанским заглянули в ущелье неподалеку от западного побережья озера. Каменистая дорога, по которой пробирался наш джип, привела нас высоко в предгорья Кунгей-Алатау. На валунах, стоящих по склонам гор, виднелись наскальные рисунки.

Одинокое кошары и домики чабанов были огорожены мощными каменными заборами, что несколько удивило нас. Сооружение таких оград не характерно для Иссык-Куля. Обычно ограждение делается из деревянных кольев либо из самана. Что же заставило жителей этого ущелья создавать такие основательные постройки? Только ли наличие россыпей камней? Ведь их предостаточно и в других местах! А мо-

жет быть, местные жители видели подобные строения в этих местах, которые и служили им образцом для подражания? У нас с Димой возникла одна и та же мысль: не мог ли располагаться поблизости монастырь армянских братьев? Ведь армяне обычно сооружали постройки из каменных блоков. Здесь же они могли воспользоваться более мелким материалом – валунами.

С верхней точки нашего подъема открывался удивительный вид на Иссык-Куль. Склон, на котором мы стояли, круто уходил вниз, из-за чего казалось, что озеро, лежащее внизу в долине, парит в воздухе на нашем уровне, зацепившись за горы противоположного берега. На дне ущелья мы заметили развалины большого каменного сооружения и поспешили к нему.

Неподалеку от поймы речки, бегущей по дну ущелья, виднелись круги, сложенные из камней. Вертикально стоящие валуны были испещрены древними рисунками. Подойдя к развалинам строения, мы были удивлены его размерами. Большой огороженный двор примыкал к южной части

здания. Внутри строения шел длинный коридор с востока на запад, по обеим сторонам которого располагались небольшие комнатки. Вход внутрь был в центре здания. К основному строению были пристроены еще несколько помещений. Всего мы насчитали двадцать три комнаты. Стены были сложены из камней, крепившихся глиняным раствором. На стенах остались следы штукатурки. Трудно было определить возраст постройки. Выше по течению реки виднелась копчара с маленьким домиком. Из трубы поднимался дымок. В загоне, за каменным забором, стояли овцы. Я решил расспросить о руинах местных жителей.

По пути я поднялся на небольшой холм, возвышающийся над постройкой. Прямо под ним неподалеку от строения были руины еще одной маленькой постройки из камней. Это был квадрат со стороной около двух метров. По-видимому, это было древнее захоронение. Еще один каменный курган был с другой стороны холма. Возле вершины я обнаружил валун, поверхность которого была сплошь покрыта выбитыми кружочками. Светлые пятна кое-где выстраивались ряда-

ми, на одной стороне валуна они создавали паукообразную фигуру.

С вершины холма я осмотрел окрестности. Выше по ущелью, почти сразу за руинами строения, видны были остатки мощных фундаментов других построек, тоже выполненные из камня.

Мужчины, вышедшие из домика мне навстречу, уверяли меня, что руины – остатки кошары, но не могли объяснить, когда она была построена. «Давно, – сказал один из них и добавил: – Но не древняя».

Возвращаясь, я обследовал фундаменты, замеченные мною с вершины холма. Возле них в песке я обнаружил остатки средневековой керамики. По всей вероятности, эти руины представляют интерес для археологов. Подумалось: «А вдруг именно здесь был монастырь армянских братьев? Ведь до города Иссиколь, который обозначен на Каталонской карте, отсюда рукой подать, чуть больше десяти километров. А рядом проходил торговый путь, шедший через Кунгей-Алатау в Кеминскую долину».

Мы с Димой обследовали местность в надежде отыскать изображения христианских символов, но торопились, ибо по плану должны были ехать дальше в Орнёк. Мы уезжали с твердым намерением посетить эти руины вновь следующим летом.

Седьмая глава

Еще одна неделя прошла в попытках разгадать шифр сакских рисунков. Распечатав фрагменты изображения, я понял, что ставлю непосильную задачу Горовому. Даже я с трудом мог различить на распечатке детали рисунка, все сливалось с фактурой камня. В который раз я принялся обрисовывать контуры скрытых рисунков. И вновь запутался в клубке линий. Наконец я решил, что нужно обрисовывать не контуры и линии, а внутреннюю часть, которую они ограничивают, создавая, так сказать, массив рисунка. Так я смогу избавиться от переплетающихся линий и отделить один рисунок от

другого. И в первую очередь, я планировал выделить изображения видимых «олений», чтобы устранить контуры их фигур из этой шарады.

И тут раздался звонок от Владимира Михайловича Плоских:

– Виктор, я нашел отчеты Черкасова. Они у меня. Я взял их из архива на два дня.

Я «полетел» к академику.

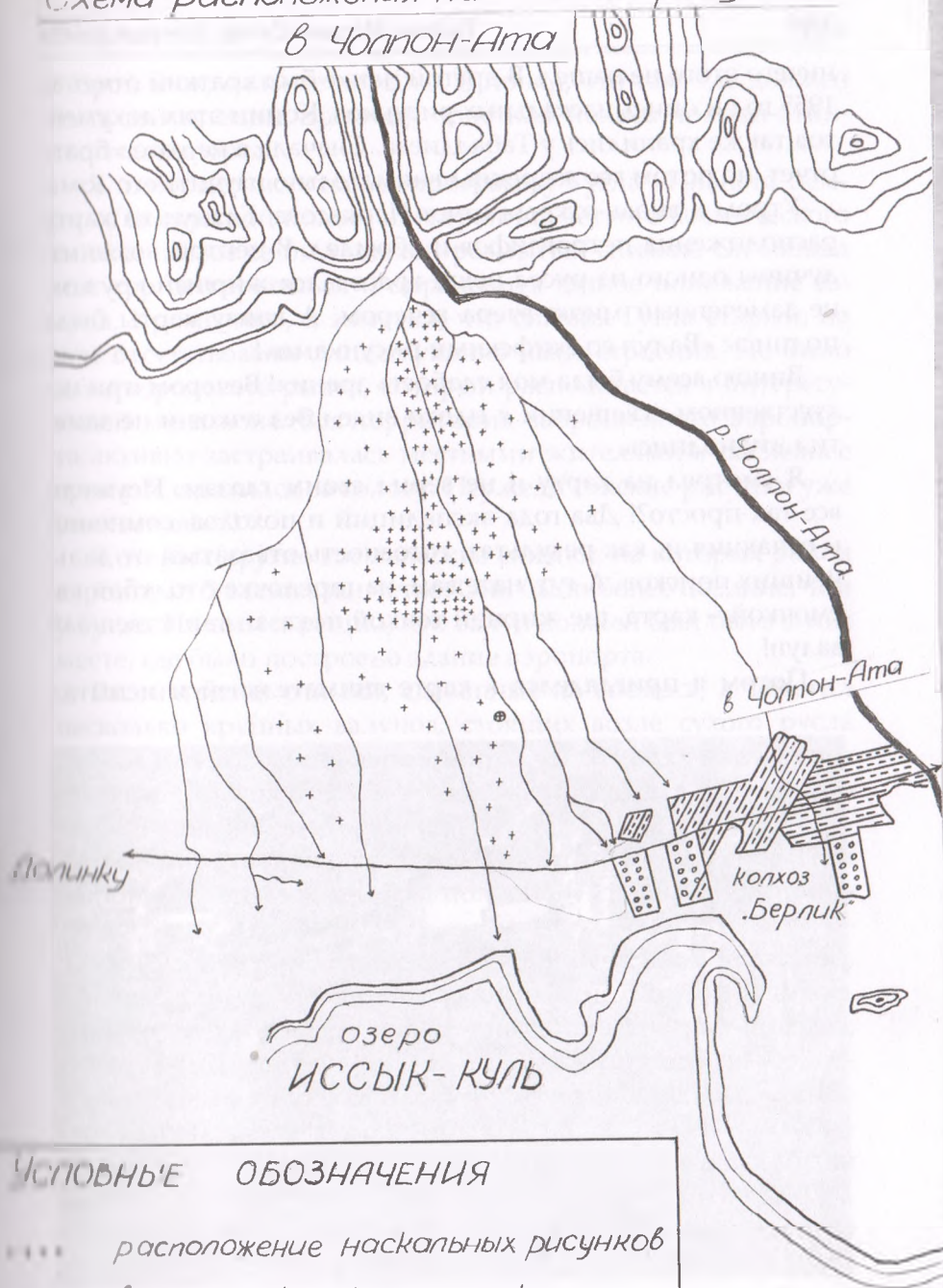
Мы сидели у Владимира Михайловича в его домашнем кабинете, в котором царил «рабочий беспорядок». Стопки книг лежали повсюду. Мне знаком подобный стиль работы. Нужная книга или вещь всегда под рукой, ибо хозяин точно знает, где тот или иной предмет находится. Не дай бог кому-то несведущему навести тут порядок, он разрушит стройную систему функционирования творческого процесса обитателя этого кабинета и приведет его в полную растерянность: вместо раздумий он вынужден будет заниматься поисками нужной книги.

– Владимир Михайлович, – говорил я. – Мне буквально накануне Громова писала, что отчетов нет в архиве Академии!

– Я посмотрел записи, – отвечал мне академик, – действительно, отчеты никому не выдавались. Видимо, то, что я долгое время был вице-президентом Академии, сослужило мне добрую службу. Вот эти документы!

Я открыл папки и быстро просмотрел их содержимое. Первым чувством было легкое разочарование. Внутри был полный отчет экспедиции за 1953 год, знакомый мне по копии, полученной от Кубата Табалдиева. В приложениях к нему были копии рисунков с Чолпон-атинской писаницы. В отчете не было фотографий ни петроглифов, ни самого камня. Начинался отчет со схемы расположения петроглифов в Чолпон-Ате. На первый взгляд, это была копия карты, сделанная от руки, испещренная точками, обозначающими валуны с петроглифами. Я ожидал увидеть снимки писаницы, схему расположения валуна со скифскими рисунками, но

Схема расположения наскальных рисунков в Чолпон-Ата

Условные обозначения

- расположение наскальных рисунков
- валун со скифскими рисунками

ничего этого не нашел. В другой папке был краткий отчет за 1955 год и опись наскальных рисунков. Копии этих документов также хранились у Табалдиева. Сначала я не хотел брать отчет, но потом все же решил внимательно изучить его дома.

Утром я вновь открыл отчет Черкасова. Глянул на карту расположения петроглифов и обомлел. В центре, возле излучины одного из русел реки, красовался жирный кружок, не замеченный мною вчера вечером. А внизу карты была подпись: «Валун со скифскими рисунками»!

Виною всему была моя слабость зрения! Вечером при искусственном освещении я плохо видел без очков и не заметил эту подпись.

Я смотрел на карту и не верил своим глазам. Неужели все так просто?! Два года экспедиций и походов, сомнений и отчаяния и, как результат, готовность отказаться от дальнейших поисков. А тут, нате вам, на тарелочке с голубой каемочкой – карта, где жирной точкой показан таинственный валун!

Потом я пригляделся к карте внимательней и испытал

второй шок, сильнее первого. Я понял, что там, где должен быть валун, ныне проходит взлетная полоса чолпон-атинского аэропорта!

Я лихорадочно открыл программу Гугла «Планета Земля». По взлетной полосе шла граница четкого космического снимка. Левее ее был плохой размытый снимок. Он мешал мне сориентироваться и определить точное положение валуна. Кроме того, я заметил, что снимок Гугла старый: на нем отсутствовали существующие ныне строения. Не было даже городского рынка, который располагается в интересующей меня зоне. Вся территория заброшенного аэропорта активно застраивалась местными жителями в последнее время. Я схватился за голову. Неужели сакские рисунки уже уничтожены?!

Я открыл другие космические снимки, на которых район аэропорта был показан четко. Они были более поздние, чем у Гугла. По ним я решил, что валун должен был быть в том месте, где было построено здание аэропорта.

Рассматривая снимки, сделанные из космоса, я заметил несколько крупных валунов, стоящих возле сухого русла неподалеку от здания аэропорта. Есть ли среди них валун с сакскими рисунками, я мог узнать, лишь попав на место, то есть в очередной выходной день.

Я сообщил о своих планах Владимиру Михайловичу. При любой погоде я должен был попасть в Чолпон-Ату и попытаться отыскать камень!

Размышляя о лежащих передо мной отчетах Черкасова, я понял, что они нашлись вовремя. Если бы это случилось раньше, то не было бы этих трудных и интересных походов, удивительных открытий и находок. В район Чет-Кой-Суу не скоро бы попали археологи. Не было бы «Медведя» и «оленьего» камня, трехметровой рыбы и всадника на быке. Все случилось так, как и должно было произойти. Мы обязаны были пройти тропами Черкасова, чтобы прийти к этому валуну, до которого от нашей базы в Кара-Ое всего-то километра два-три! И теперь, даже если писаница уничтожена, мы

нашли ее аналоги. Труды Черкасова не пропадут даром. Все его открытия обязательно станут достоянием мировой исторической науки. Я думаю, именно это и волновало Николая Дмитриевича как ученого.

Возможно, сакские петроглифы были уничтожены при строительстве аэропорта. Судя по схеме Черкасова, основная масса камней с петроглифами располагалась в том месте, где прошла взлетная полоса. То, что сейчас демонстрируется туристам в музее под открытым небом, всего лишь жалкие остатки от комплекса, который изучал Николай Дмитриевич. Может быть, Черкасов перестал говорить о сакской писанице, потому что она исчезла? Ведь не мог же простой школьный учитель остановить стройку такого, казалось, важного объекта. Это теперь аэродром никому не нужен. Изредка на него садятся вертолеты. Да проезжают авто, подвозящие туристов к музею под открытым небом. Аэродром мог принимать только самолеты типа Як-40 и Ан-2. И тот и другой уже давно стали достоянием истории.

Я пролистал знакомый мне по копии отчет Черкасова. Во многих местах были пометки на полях. Кто-то из ученых, просматривая его, оставил свои возмущенные замечания. В основном они касались трактовки Николею Дмитриевичем наскальных рисунков и их сюжетов. Например, Черкасов так писал о писанице: «Реалистические изображения переплетаются с фантастическими, эпические сюжеты с лирическими, самобытные предания старины с мифологическими сказаниями классического Востока и Передней Азии». Этот абзац выделен рецензентом и поставлен вопрос. Недавно мне попался объемный труд русских археологов, занимающихся расшифровкой петроглифов, в котором они прямо указывают на связь наскальных рисунков с мифологией древних цивилизаций. Книга называлась «Миф в камне. Мир наскального искусства России». Возможно, Николай Дмитриевич был недалек от истины, говоря о связи рисунков с мировоззрением древних людей.

Вопросы и презрительные замечания «sik!» сопровожда-

ют рассуждения Черкасова о датировке рисунков, об их связи с пазарыкскими находками в Горном Алтае. Лирические отступления, например, касающиеся изображения старого скифа, вызывают раздражение рецензента. С ним можно согласиться, это не стиль научного доклада. Утверждения Черкасова не подтверждены фактами и во многом умозрительны. В некоторых местах каждый абзац подчеркнут и на полях красуются категоричные «нет!», «смешно!», «неверно!».

В заключении Черкасов с горечью пишет, что ученые «недооценивают наскальные рисунки как важный исторический источник. Едва ли случайным является тот факт, что в Киргизии изучение наскальных рисунков пошло в обход Киргизского филиала Академии наук, стало делом частной инициативы (Рацек, Зима, Черкасов, Гапоненко, туристы-краеведы гор. Фрунзе)». Это вызвало новое возмущение рецензента: «ха!!»

С тех пор прошло шестьдесят лет. Никого из участников той дискуссии уже нет в живых. Огромная работа Черкасова по изучению наскальных рисунков была забыта, как и потеряны сами петроглифы. Они ждут нового «открытия». Археологи действительно пренебрежительно отнеслись к древнему наскальному искусству. Никого из них не заинтересовали сакские рисунки, найденные Черкасовым.

Я боролся с желанием сесть в автомобиль и ехать в сторону Иссык-Куля. Меня держали в городе дела. Оставалось ждать конца трудовой недели, гадая, что же ждет меня на месте бывшего аэропорта: долгожданная находка или подтверждение моих мрачных предчувствий?

Восьмая глава

Разбирая фотографии Черкасова, я наткнулся на снимок двух человек. Один из них, в белой шляпе, был сам Николай Дмитриевич, второй мужчина, моложе Черкасова, высокий и подтянутый, был мне тоже знаком. Это был Юрий Николаевич Голендухин. С его сыном Олегом я учился в одном классе в школе № 61.

Юрий Николаевич был учителем физкультуры, увлеченный археологией.

Я вспомнил, как однажды, попав в их домашний подвал, был поражен обширной коллекцией артефактов, хранившихся на деревянных стеллажах. Там была керамика – черенки и сосуды, а также каменные и бронзовые изделия, статуэтки Будды.

Алик, так звали мы Олега, знакомя меня с находками отца, похва-

стался, что сам однажды на башне Бурана нашел золотую монету. Я тогда не интересовался историей, но любил горные походы и мечтал стать геологом, чтобы иметь возможность путешествовать по диким местам нашей большой страны. Поиски рисунков на скалах и их копирование показались мне довольно скучным занятием. Проводить уйму времени около одного камня, обрисовывая силуэты козликов, – такая перспектива не прельщала меня. Никакой романтики!

Теперь, взглядываясь в запечатленное на фотоснимке сосредоточенное лицо Юрия Николаевича, я жалел, что упустил такой замечательный шанс побеседовать с человеком, для которого изучение петроглифов было смыслом жизни. Вспомнились статьи Голендухина в журнале «Знание – сила», посвященные разгадке древних символов, высеченных на скалах. О публикациях мне сообщал Алик, гордясь достижениями своего отца. Юрий Николаевич часто брал сына с собой в походы, мечтая о том, что Алика заинтересует изучение истории. Но Алик стал летчиком.

Как-то, когда ученики нашей школы выехали на несколько дней на Чумышское водохранилище, Алик повел нас на ближайшие пригорки и показал камни с петроглифами. И это первое знакомство с первобытным искусством не оставило должного следа в моем сердце.

После окончания школы я потерял связь с Аликом. Он уехал на Украину, в Винницу. Там женился и работал. Остались ли его родители жить здесь, в Кыргызстане, я не знал.

Совершенно неожиданно вечером раздался телефонный звонок от моего друга Володи Шестопалова. То, что он сообщил, меня сильно порадовало:

– Я вчера разговаривал по Скайпу с Аликом Голендухиным! Он мне показывал копии интересных петроглифов, просил связать его с тобой.

Вскоре я уже разговаривал со своим школьным другом. Прошло сорок лет с нашей последней встречи. Из худого, высокого юноши Алик превратился в грузного мужчину, более ста килограммов веса. Лишь выражение глаз и привычка слегка кривить рот при разговоре напоминали мне того Олега Голендухина, с которым я был дружен в юности. Если бы я встретил Алика на улице, то прошел бы мимо, не узнав.

– Ты же знаешь, Виктор, – говорил мне Олег, – мой отец занимался петроглифами. Во время исследования урочища Саймалуу-Гапа на Ферганском хребте он долгое время жил там в маленькой пещерке. Местные жители, приезжавшие на лошадях помолиться возле небольшого озера в центре урочища, даже называли его Хозяином камней. Они рассказывали отцу о необычных вещах, случавшихся возле каменной осыпи, испещренной

древними рисунками. Например, люди говорили, что озеро не имеет дна.

Отец с помощью лески и груза измерил глубину этого небольшого водоема. Ты не поверишь, но отец говорил, что до дна было около семисот метров!

– Этого быть не может! – усмехнулся я. – Там высота 3 500 метров над уровнем моря. Снег лежит почти круглый год. Открыто урочище два-три месяца. Это же высокогорная тундра! Вероятно, если копнуть глубже, то обнаружишь слой вечной мерзлоты. Да и ребята купались в озерке. Не больше полутора метров глубины!

– Возможно, это не то озеро, – пожал плечами Алик. – Отец рассказывал, что петроглифы там не в одном ущелье, а в нескольких местах. Сам я, к сожалению, не бывал на Саймалуу-Таше. Как загорелся стать летчиком, так про все наскальные рисунки разом забыл. Сейчас, когда давно уже вышел на пенсию, вспомнил о находках отца, пожалел, что убил в себе археолога. Нравилось мне ходить с отцом по горам, перерисовывать петроглифы... Подожди, я покажу тебе кое-что.

Алик отошел от компьютера и взял несколько листков с книжной полки. Вернувшись, он показал мне копии с рисунков. На них были изображения солнцеголовых людей. Вокруг головы одного из божеств был нимб из двух рядов круглых точек. У другого в разные стороны расходились лучи, переходившие над головой божества в подобие тюльпанов. Я впервые видел эти петроглифы. Подобные существуют в урочище Тамгалы на территории Казахстана.

– Это не Саймалуу-Таш, – уверенно проговорил я. – Там таких изображений нет. Это Тамгалы, в Казахстане. По стилю очень похоже. Хотя в литературе именно этих солнцеголовых я не встречал. На Саймалуу-Таше тоже есть фигуры солнцеголовых божеств, но они все известны и небольшие по размерам...

– А эти по три метра в высоту! Когда отец принес кальки домой, мы не смогли их развернуть в нашей комнате во всю длину! Сам помнишь нашу «хрущевку». Но эти изображения точно с Саймалуу-Таша!

– Но там нет трехметровых фигур! – продолжал отстаивать свою точку зрения я. – Хотя и в Тамгалы я не помню, чтобы упоминались такие гиганты. По-моему, самое крупное изображение не превышает метра. Я уточню.

– Это Саймалуу-Таш, – упорствовал Алик. – Я помню, как отец вернулся оттуда. Он был поражен глубиной маленького озера и говорил, что под землей, возможно, есть город...

– Твой отец знал Черкасова, – заговорил я о том, что волновало меня. – Ездил ли он с ним на Иссык-Куль? Упоминал ли о находках сакских рисунков?

– По иссык-кульским горам мы много походили с отцом. Правда, только по северному побережью. Однажды мы пошли в поход втроем: отец, его друг, тоже учитель, и я. Высоко в горах мы наткнулись на древние захоронения. Там была масса глиняных икон Будд. Я покажу их тебе...

Алик опять встал и направился к книжному шкафу в глубине комнаты. Открыв дверцу, он принялся искать нужные вещицы.

Я моментально вспомнил о подобных изображениях Будды, привезенных мною из поездки в Тибет. Они лежали рядом со мной на столе. Я взял одну из них и поднес к глазку видеокамеры.

Алик наконец вернулся и показал мне глиняный образ Будды. Взглянув на экран, он увидел, что ему показываю я.

– У тебя такой же! – удивился он. – Откуда он у тебя?

– Я привез их из Тибета. Они современные.

– А это средневековые, – торжествующе произнес Алик. – Мы их много нашли там. Некоторые были окрашены в разные цвета. Были и побольше, и поменьше. Встречались фигурки и в виде пагоды.

– На Тибете я видел такие же, – отозвался я. – А сакские петроглифы отец не показывал тебе? Не помнишь?

– Наверное, показывал, только я сейчас не помню, какие они, сакские.

Я показал Алику копию портрета старого скифа.

– Посмотри, изображение составлено из мелких рисунков животных и птиц. Вместе – лицо человека.

Алик внимательно смотрел на монитор компьютера.

– Таких никогда не видел. Мы делали разведку в районе Чоктала, Орнёка... Там было много разных петроглифов. Ничего похожего на этот.

– А что интересного было в Орнёке? – спросил я.

– Там приключилась с нами совершенно невероятная история, – начал рассказывать Алик. – Мы шли с отцом со стороны Чоктала в сторону Орнёка. Шли долго, разыскивая и копируя рисунки. Подошли к старым мазарам, решили передохнуть, дело было к вечеру. Рядом было маковое поле. Тогда опиумный мак в Приссыккулье разводили. Цветы огромные: красные, белые, фиолетовые – красота! Отец говорит: «Пойду, посмотрю, может быть, головки созрели». Головку срежешь, а в ней маковое зерно – вкусотища!

Я на месте остался, а отец пошел к маковому полю. Шел, шел и вдруг исчез! Как в воздухе растворился. Я и глазом не успел моргнуть: был отец и нет его. Я перепугался, мне тогда

всего лет десять было, кинулся следом за отцом с криком. А через мгновение сам полетел куда-то под землю и свалился прямо отцу на голову!

Помещение было большое, света, пробивающегося с поверхности, не хватало, чтобы осветить стены. Отец меня на плечи посадил, я тянусь, но не могу до дырки, через которую мы в помещение провалились, достать. А рост у отца был маленький, почти метр девяносто, да во мне метра полтора тогда было. Оставили мы попытки выбраться наружу самостоятельно. Кричать бесполезно – в округе ни души. Отец принялся осматривать помещение, я за ним хвостом хожу.

Смотрим, вокруг стен сделаны подобия полок, как мне показалось, из саксаула. Старые, полусгнившие полки уставлены фолиантами в кожаных переплетах. Корешки скреплены металлическими скобами. Я потянул один фолиант за скобу, так фолиант на части развалился, а скоба у меня в руках осталась. Я машинально скобу в карман куртки спрята. Стеллажи стояли и в центре комнаты. И книги, книги кругом! Подошли к дальней стене. Там стеллажей нет, но зато сидят, словно стражи этой подземной библиотеки, два скелета по углам. Я перепугался, убежал от них в противоположную сторону и забился в угол. А отец долго ходил, исследовал помещение и его содержимое.

Опустились сумерки, и стало прохладно. Отец сел со мною рядом, прижал меня к себе и накрыл штормовкой. Я долго не мог заснуть, все думал, как же мы с отцом отсюда выберемся. Вдруг никто не придет к нам на помощь? Потом сон сморил меня, и я забылся.

Разбудил меня отец среди ночи, зажав мне рот ладонью. Я перепугался, ничего понять не могу, от страха волосы на голове шевелятся. Слышу какие-то звуки непонятные со стороны, где скелеты сидели, доносятся. Меня ужас охватил, думаю, или призраки сейчас появятся, или скелеты ожили! Хочу дернуться, но отец меня цепко держит, пикнуть не дает.

Внезапно часть дальней стены словно в сторону отошла и свет появился из проема. Мы с отцом замерли, едва дыша. В

проеме показались фигуры людей. Они внесли что-то тяжелое, со страху мне показалось, что это было тело, завернутое в саван.

Зайдя в помещение, люди положили рулон на пол и развернули его. Я ожидал увидеть мертвеца, но там оказались какие-то вещи. Вошедшие принялись делить их, громко переругиваясь. Каждый требовал себе лучшую часть. Я понял, что это грабители. Я боялся, что они заметят нас с отцом и убьют. Но увлеченные дележкой, грабители ничего не замечали.

И тут раздался такой душераздирающий крик, от которого у меня кровь застыла в жилах. В первую долю секунды я понял, что это кричит мой отец, а в другую я увидел, как над нашей штормовкой поднимается человеческий череп. Это было выше моих сил. Я вырвался из рук отца, издав пронзительный вопль, и бросился в сторону оцепеневших грабителей. Те в ужасе выскочили вон и скрылись в ночи. Следом за ними выбежали в проем и мы с отцом. По топоту бегущих грабителей мы поняли, что они направлялись в село Орнёк. Мы повернули в сторону гор. Пришлось ночевать неподалеку от реки, выходящей из близлежащего ущелья. Утром следующего дня мы отправились на поиски новых петроглифов, а к вечеру спустились в село. Там мы узнали, что ночью был ограблен местный магазин.

– Да, это невероятная история! – сказал я, как только Алик закончил свой рассказ. – А что же библиотека? Вы вернулись в то подземное помещение?

– Через день мы вновь были возле тех мазаров и макового поля. Сколько мы ни искали дыру в кровле потайного помещения, через которую провалились в подземную библиотеку, мы ничего не нашли. Так же, как не удалось обнаружить ход, через который мы вышли наружу. Видимо, кто-то успел тщательно замаскировать и следы пролома, и секретный ход, известный местным грабителям. Отец потом неоднократно возвращался туда и пытался найти это помещение, но безрезультатно. Он предполагал, что там могла быть исчезнувшая библиотека Улугбека...

– Если бы я сам не принимал участия в тех событиях, я считал бы все это выдумкой, – задумчиво произнес Алик и добавил: – Но я клянусь тебе, все, что я рассказал, чистая правда! И металлическая застёжка от фолианта, которую я засунул тогда в карман, долго хранилась у нас дома.

– Алик, приезжай к нам, мы с тобой пройдем по тропам твоего отца, – предложил я другу.

Алик пожал плечами:

– Поездка к вам сейчас обойдется мне в большие деньги. Намного дешевле съездить в Турцию. И отдых там приятнее, и рыбалка отменная. Я, знаешь ли, заядлый рыбак. А на Исык-Куле есть рыба?

Я помотал головой.

– Мы попытаемся найти твою библиотеку, – закинул я удочку. – Я покажу много интересного, что мы успели найти за два года.

– Ты посмотри Интернет. Там есть статьи отца. Голендухин Юрий Николаевич, – посоветовал Алик.

– Я встречал упоминание о его работах у Черкасова. Кстати, твой отец бывал в урочище Тамгалы и исследовал тамошние петроглифы. Я читал об этом. Алик, а где архив твоего отца? Где его коллекция артефактов?

– Точно не знаю. Возможно, после его смерти все было сдано в Академию наук. В архиве были тысячи калек, записей. Отец занимался расшифровкой древних символов. У меня остались только эти каменные Будды...

– Я постараюсь найти архив твоего отца, – пообещал я другу. – Возможно, там есть записи того, о чем ты сегодня мне поведал.

– Если бы я попал в Орнёк, – мечтательно произнес Алик, – то обязательно вспомнил бы, где было то место...

– Мы еще поговорим об этом, – сказал я и попрощался.

Вечером мне вновь позвонил Володя Шестопалов. Я рассказал ему о беседе с Аликом Голендухиным и сообщил, что наутро собираюсь ехать в Чолпон-Ату на поиски камня с галекскими рисунками.

– Ты его не найдешь, – уверенно сказал Шестопалов.

– Почему? – возмутился я. – У меня же есть схема его расположения. Существуют, правда, опасения, что его уничтожили при строительстве тамошнего аэропорта, но вокруг остались большие валуны, я их видел по космическому снимку в Гугле. Шансов пятьдесят, что один из них нужный.

– И все равно ты его не найдешь. Потому что тогда потеряется смысл твоих поисков.

– Володя, я искал этот камень два года и должен его найти. А впереди расшифровка найденных рисунков, поиск новых петроглифов. Ведь я до сих пор не знаю, где находится валун с рисунком козла-кулана. По описаниям Черкасова, это аналог Чолпон-атинской писаницы. Собираюсь издать альбом по наскальным рисункам Прииссыккуля, у меня скопилась масса фотографий за время поисков. Скучать некогда! А потом, то, что рассказал Алик, заинтересовало меня. Буду искать архив его отца. – Я уговаривал друга поверить в возможность находки долгожданного камня с петроглифами, словно от Володи зависел успех завтрашней поездки.

– И все же я думаю, камня там нет.

– Об этом я узнаю завтра!

Девятая глава

Территория возле аэропорта оказалась более застроенной, чем на снимке из Интернета. Особняков вдоль дороги, ведущей к зданию аэропорта, было много, словно грибов после дождя. За оградой участков возвышались груды валунов, сдвинутых с места бульдозером.

Мы с Димой Лужанским обошли окрестности с восточной стороны здания аэропорта. Неподалеку шел лог, в котором виднелись группы валунов. На них были петроглифы, но нужного нам камня среди них не было.

Осмотрев валуны вокруг особняков, вдоль взлетной полосы, мы вновь вернулись к зданию аэропорта. Еще раз изучили схему из отчета Черкасова. По ней от автотрассы Балыкчи-Чолпон-Ата до камня с сакскими петроглифами было около

девятисот метров. Столько же было и до здания аэропорта! К сожалению, камень стоял именно там, где был построен воздушный порт. Что сделали с ним строители? Разбили на части или просто сдвинули с места? Во время строительства аэродрома убрали массу камней. Часть из них сбросили в сухие русла, идущие вдоль взлетно-посадочной полосы с обеих сторон. Часть, возможно, ушла под землю во время планировки территории.

Мы еще раз проверили окрестности, внимательно приглядываясь к каждому камню. Вдруг он окажется частью того валуна? Но так и не обнаружили и следа камня с сакскими петроглифами.

Куда же он делся? Может быть, камень или его часть хранится сейчас где-нибудь в частной коллекции? Ведь наверняка Черкасов поднимал вопрос о его сохранности во время стройки. Кто знал об этом? Опять одни вопросы...

Мы смотрели на заброшенное здание аэропорта, на облупившуюся краску стен, закрытую навсегда кассу авиабилетов и тихо беседовали между собой. Сколько просуществовал

этот порт? Стоило ли ради нескольких десятилетий его функционирования уничтожить исторический памятник, шедевр древнего искусства, простоявший здесь не одну тысячу лет? Могли ли перевезти камень на другое место?

Я вспомнил топографическую схему расположения петроглифов в Чолпон-Ате, нарисованную рукой Николая Дмитриевича в общей тетради. Меня удивляло, что на ней не отмечен камень с сакскими петроглифами. Теперь ясно, что в то время, когда Черкасов составлял схему, камень уже не существовал.

– Аэропорт строили, видимо, в конце 60-х. Нужно будет найти аэрофотоснимок этого района 40-х годов, – сказал Дима. – На нем должен быть виден этот камень. Хотя бы оценить его размеры.

– У нас есть кальки с камня. По ним можно судить о габаритах валуна, – отозвался я. – Кроме того, Черкасов писал о фигуре двухметрового козла, набитого поверх сакских рисунков, так что камень был по размерам не меньше, чем валун с «Большим орнёкским оленем».

Я подумал, что теперь совершенно неважно, каких размеров был валун с сакской писаницей, раз он уже не существует. Главное, он был. Мы нашли его аналоги. У нас есть кальки петроглифов. Их нужно опубликовать, чтобы специалисты могли их изучить. Когда-то Рацек обнаружил рисунки охрой, выполненные рукой древнего художника на стенах пещеры Ак-Чункур. Потом они исчезли под слоем копоти от факелов чабанов и туристов, посещавших пещеру. Но никто из ученых не сомневается в том, что рисунки были, хотя мало кто из них видел их воочию. Чолпон-атинская писаница, найденная и описанная Черкасовым, должна встать в один ряд с рисунками из Ак-Чункура как утраченный памятник. Я уверен, что многие ученые скептически отнесутся к калькам Николая Дмитриевича. Но было время, когда существование писаницы не подвергалось сомнению. Можно вспомнить реплику Петра Никитича Кожемяко: «Чолпон-атинская писаница магическая сама по себе...» Вероятно, можно отыскать упоминания о писанице и у других авторов.

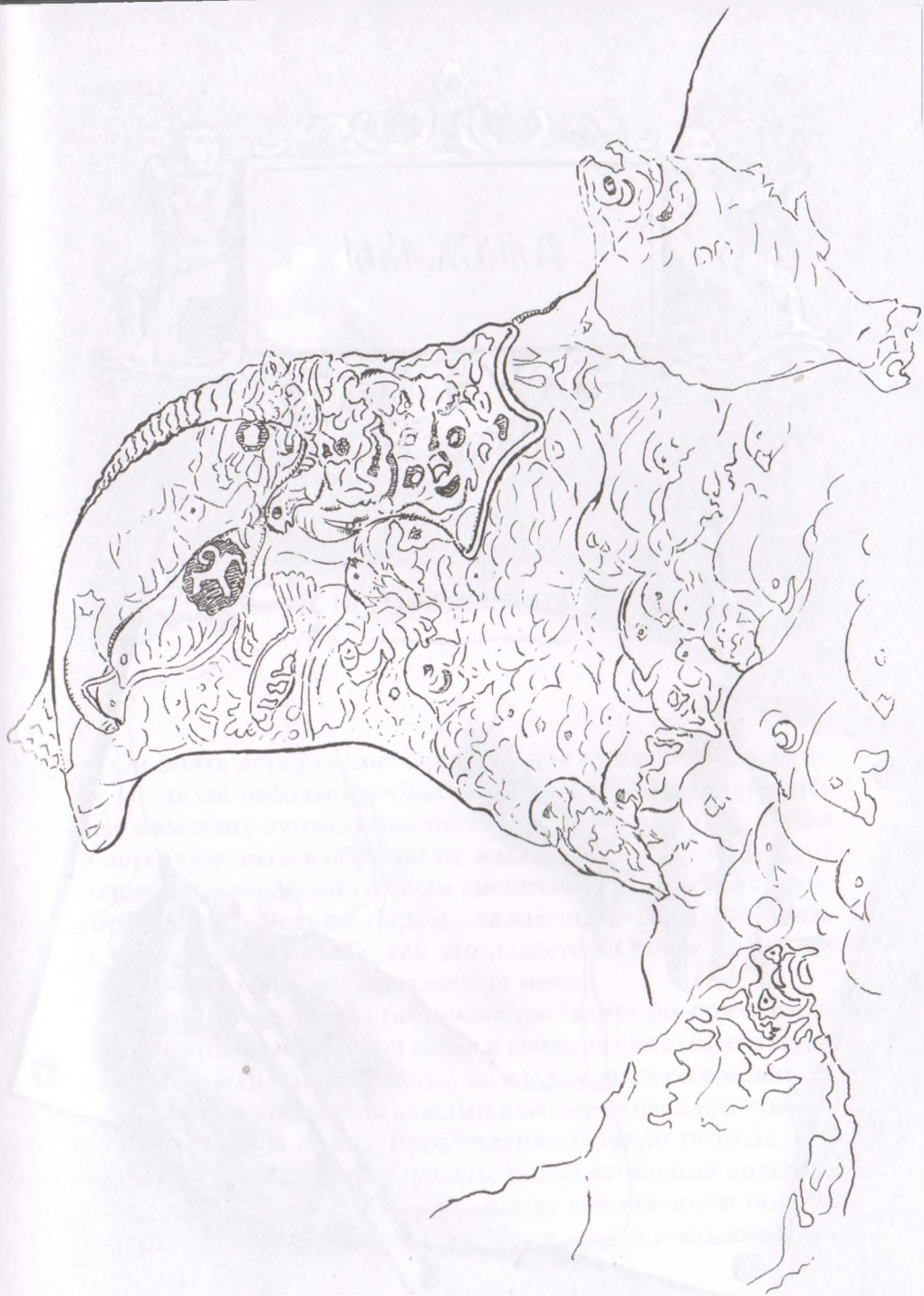
Сейчас первостепенная задача – сохранить то, что еще

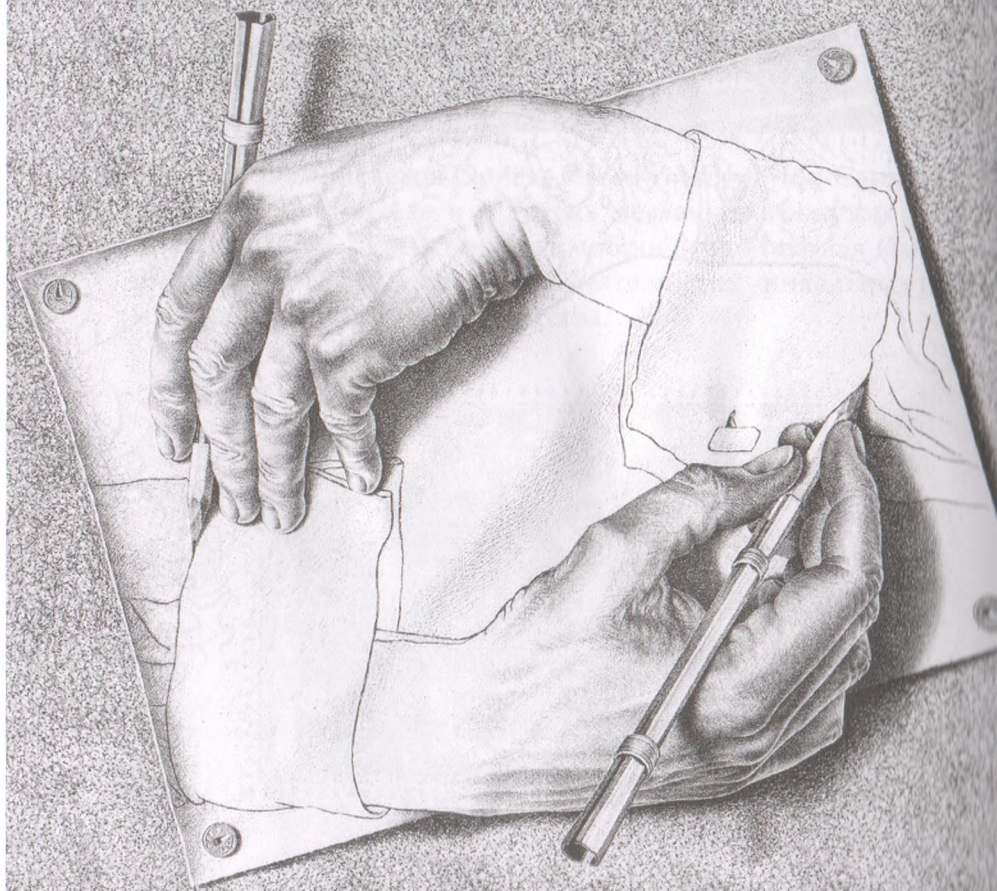

осталось: комплексы в Орнёке, Чет-Кой-Суу, Чон-Сары-Ое, Кара-Ое, Чолпон-Ате и в других местах, не тронутых еще цивилизацией. И восстановить доброе имя Николая Дмитриевича Черкасова – первооткрывателя этих уникальных памятников первобытного искусства.

1.

Он опять летал во сне! Это было так чудесно: разбежаться и, сделав небольшое усилие, взмыть в небо, пронестись над соседним лугом, выполнить крутой вираж над домом и легко опуститься обратно на землю. Радость от полета, от головокружительной свободы смешивалась с чувством некоторой досады. Ведь он, Ларри, оказывается, всегда мог летать и только сейчас понял, как это делается. Сколько времени упущено! Полет – его сокровенная мечта!

Ларри почувствовал беспокойство: вдруг он опять забудет, как это делается. И он снова и снова разбегался, отталкивался от земли и парил в воздухе, наслаждаясь своим невесомым телом и запоминая каждый шаг перед началом полета.

Только перед самым пробуждением Ларри осознал, что это лишь сон. Действительность, разгоняя ночные видения, наполняла тяжестью его тело, лишая возможности полета. Он готов был безутешно разрыдаться, но тут в его сознании

всплыла мысль о сегодняшнем плане и он окончательно проснулся. Сердце сжималось от сладкого предчувствия грандиозного события, свершение которого было намечено им на сегодня, в день его рождения.

Стоя перед зеркалом и делая безукоризненный пробор, Ларри критически осмотрел себя. Достаточно развитая мускулатура (отдельное спасибо военно-воздушным силам Соединенных Штатов Америки) придавали ему вид атлета. Худощавое лицо и выступающие скулы дополняли этот образ. Тонкие линии бровей, небольшой рот, выразительные темно-карие глаза, увеличенные мощными стеклами очков, наоборот, как считал Ларри, делали его похожим на высококолобого интеллектуала. Романтическая грусть во взгляде привлекала к нему внимание девушек, но сам он стеснялся своего небольшого роста и испытывал некоторую неловкость в общении с прекрасным полом. А как хотелось быть рыцарем без страха и упрека! Ловить восторженные взгляды молодых особ и с упоением читать им свои любимые стихи. Например, такие:

– Звездное небо, далекое небо,
В нем все желания,
Сны и надежды...

В армии Ларри был водителем автозаправщика. Для него, мечтавшего с детства стать летчиком и пришедшего после окончания школы в вербовочный пункт с твердой решимостью осуществить мечту детства, это был страшный удар. Его близорукие глаза напрочь закрыли дорогу в небеса. Оказалось, что военному пилоту нужно отличное зрение, и Ларри вынужден был согласиться служить в качестве водителя. Втайне он надеялся, что найдет лазейку и когда-нибудь переберется из кабины автомашины в кресло пилота. Но время шло и надежды Ларри таяли, словно снег под лучами жаркого солнца.

После демобилизации Ларри работал в транспортной компании. В дальних рейсах, сидя в удобном кресле, он

частенько представлял, что его руки сжимают не руль трака, а пугурвал настоящего истребителя. Мерцающие во тьме огни спящих селений казались Ларри далекими звездами, и он шептал, словно молитву:

– Как бы хотелось
Подняться хоть раз,
Туда, где лишь звезды
Мерцают впотьмах...

Эта детская мечта неотступно преследовала Ларри, всецело захватывая его душу. Часто, устроившись в кресле на заднем дворе и наблюдая, как с соседнего аэродрома взмывают в небо изящные «орлы» F-15, стремительные «соколы» F-16, грозные «молнии» F-22, Ларри громко декламировал, размахивая жестяной банкой пива:

– Я целый день
Словно во сне провожу,
Лишь глядя на звездное небо, живу...

...Ларри, довольный осмотром своего отражения в зеркале, натянул джинсы, рубашку и отправился в магазин, который торговал списанным оборудованием из летной части. Во время службы он частенько привозил сюда старое обмундирование, военные башмаки и разные приборы, морально устаревшие для использования в военных целях.

Джо, стоявший у прилавка, приветственно помахал Ларри рукой:

– Насколько я помню, у тебя сегодня день рождения?

Ларри кивнул в ответ и буркнул:

– Двадцать третий...

Продавец закатил глаза, мечтательно глядя в потолок:

– Эх, Ларри! Как я тебе завидую: мне бы твои годы! И ты до сих пор не женат!

Ларри для приличия водил взором по полкам, заваленным всякой всячиной, хотя точно знал, зачем пришел к Джо.

– Ты должен мне поставить бутылку пива, Ларри. Мы же с тобой хорошие приятели!

Ларри опять кивнул:

– С удовольствием, Джо. Заходи ко мне после работы. Мы с тобой отпразднуем сегодняшнее событие как следует.

– Все же ты счастливый человек, дружище! – Джо навалился своим грузным телом на прилавок. – Ты свободен – делай что хочешь! Небось, в каждой деревеньке по твоему маршруту какая-нибудь красавица ждет не дождется, когда заурчит под окнами твой грузовик?

Ларри вспомнил загадочный взгляд темно-серых глаз соседской девушки, в котором чудилось ему манящее ожидание. Его всегда смущал этот взгляд, и он спешил отвести свой взор в сторону. Марго, так звали девушку, работала в книжном магазине, и Ларри специально часто заглядывал туда – чтобы приобрести новый томик поэзии и встретить этот тревожащий его взгляд. Ларри представил себе, как она будет смотреть на него, когда он осуществит задуманное.

– А тут, словно на каторге, прикован к своей дражайшей половине и не смей смотреть по сторонам, – продолжал говорить Джо. Он помахал толстым пальцем: – Ты, Ларри, не сделай глупость, не потеряй свободу! Это поначалу романтика, любовь, а после медового месяца одна обязателька: ты должен зарабатывать больше, найти жилье лучше, одеть-обуть всю семью, не сидеть в компаниях, а бежать скорее домой. Тоска! Но бутылочку-другую мы с тобой сегодня опрокинем обязательно!

Ларри наконец остановил свой взгляд на том, зачем пожаловал в лавку.

– Как ты думаешь, Джо, сколько сможет поднять в воздух один шар от метеорологического зонда? – с напускным безразличием спросил он.

– Наверное, килограмма два. А может, и больше.

– И я так думаю.

– Ты что, в честь своего праздника решил устроить

воздушный парад шаров? – с интересом спросил Джо. – Если их выкрасить в разные цвета, может получится красивое зрелище.

Ларри поспешно поддакнул и попросил отпустить ему 45 шаров и три баллона с гелием.

– Ты без меня не начинай представление! – крикнул ему вдогонку Джо. – Краску возьми флуоресцентную, чтобы ночью светилась!

2.

Ларри еще раз тщательно осмотрел созданную им конструкцию. Из шаров, надутых гелием, образовалось нечто похожее на ячеистый цилиндр высотой более пяти метров. Каждый ряд конструкции состоял из десяти шаров, привязанных к центральному канату. В пятый, нижний ряд вошли оставшиеся пять шаров. Канат крепился к любимому садовому креслу, которое опоясывали веревки, создавая подобие корзины воздушного шара. Летательный аппарат был надежно привязан к бамперу грузовика Ларри.

Матовая поверхность больших белых шаров приятно светилась в лучах солнца. Удивительно, что такая простая идея – подняться в небо на подобной конструкции – так долго не приходила ему в голову. Ведь он еще в детстве читал Жюль Верна. В «Таинственном острове» герои романа спасаются от преследования именно на воздушном шаре. А «Пять недель на воздушном шаре»?!

Ларри помог случай. Как-то, разбирая на чердаке вещи, оставшиеся от прежнего хозяина дома, он наткнулся на обрывок пожелтевшей фотографии. На нем человек летел над площадью на связке шаров, привязанных к обычному креслу. Может быть, снимок был лишь шуткой фотографа и плодом искусного монтажа. Но Ларри смотрел на обрывок фотографии с восторгом. Вот достойное его планам воздухоплавательное средство! Ведь можно было купить старенький дельтаплан и научиться управлять им. Наверняка, есть где-то курсы дельтапланеристов. Или совершить прыжок с

парашютом и испытать чувство свободного падения. Но мысль использовать для полета воздушные шары показалась Ларри восхитительной и простой в исполнении. Сегодня он сделает это!

Ларри проверил содержимое рюкзака. Вода, несколько бутербродов и пара яблок. Он собирался провести на высоте полсотни метров часок-другой и спуститься вниз. Для этого Ларри намеревался прострелить несколько шаров из своего ружья, висевшего теперь у него за плечами. Потом, подумав, Ларри решил, что аппарат лучше оставить привязанным на длинном шнуре. С его помощью вернуться назад будет надежней. Но ружье зачем-то прихватил с собой.

Ларри удобнее устроился в кресле и закрыл глаза. Он представил, как через минуту воздушные шары медленно начнут поднимать его над двором и как он будет любоваться открывающимися видами. Хорошо, что погода сегодня тихая и безветренная. Он беспрепятственно взмлет в небо. Следовало бы взять с собой подзорную трубу. В нее Ларри наверняка смог бы рассмотреть взлетную полосу военного аэродрома!

Он мысленно проверил свои несложные расчеты. Если один шар может поднять два килограмма, то сорок пять шаров поднимут девяносто килограмм. Вес веревки, легкого кресла из лианы-ротанга плюс он сам тянули максимум на семьдесят килограмм. Выходит, у его аэростата есть подъемная сила в два килограмма! Из школьного курса физики Ларри помнил, что любая сила, приложенная к телу, создает ускорение. Значит, его конструкция должна взлететь! Ларри открыл глаза, нагнулся и перерезал ножом якорную веревку. Он ожидал, что его аэростат сразу же рванет вверх, но кресло, казалось, не сдвинулось с места.

Прошла долгая первая секунда, вторая, третья. Скорость движения была очень мала, и Ларри едва поднялся над землей. Лишь через десять секунд его кресло было на высоте полуметра от начала старта. А спустя двадцать секунд летательный аппарат Ларри, подобно спешащему пешеходу,

уверенно шел вверх. Деревья все еще закрывали близлежащие окрестности, но Ларри не сомневался: через минуту он увидит землю с высоты птичьего полета!

Он потихоньку травил капроновый шнур, удерживающий на привязи его аппарат, и зачарованно смотрел, как перед его взором открывается грандиозная панорама небольшого городка, крыши домов, улицы, утопающие в зелени. Кое-где сквозь разрывы крон деревьев видны были проезжающие автомобили и шествующие по тротуарам люди. Этот вид напомнил Ларри детство и большое колесо обозрения в Лос-Анджелесе. Его охватил восторг. Ларри принялся громко декламировать:

— Пусть я весь мир не облечу —
Летать и падать я хочу!
И вновь летать,
Сквозь силы притяженья!

Он летел! Над лугом, городком, над миром! Жаль, что никто из соседей не заметил его полета. Люди так редко смотрят в небо!

Его летательный аппарат уже был на высоте не менее пятидесяти метров и бодро устремлялся ввысь. Благо, не было ветра и аэростат поднимался вертикально вверх.

С военного аэродрома поднялись три «орла» F-15 и пролетели высоко над головой Ларри. Он, задрав голову, следил за их полетом. Как легко они набрали высоту и превратились в сверкающие на солнце точки!

Ларри посмотрел вниз, и у него неприятно засосало в животе. Пока он наслаждался свободой и любовался видами, его аэростат оказался на приличной высоте. Видимо, во взятом им мотке шнура оказалось значительно больше, чем он ожидал. Ларри немного выбрал шнур в свою импровизированную корзину, заставив аэростат податься немного к земле. Успокоившись, Ларри привязал шнур к креслу и огляделся.

Городок стоял посередине плоской долины, и во все

стороны от него простиралась голая степь, больше похожая на пустыню. Кое-где виднелись светлые пятна высохших озер. Два больших пятна были на юге. Рядом с одним из них располагалась военно-воздушная база. По дну пересохшего озера шли посадочно-взлетные полосы, нарисованы гигантские круги, разделенные на сектора, обозначенные огромными цифрами. На юго-западе было большое асфальтированное кольцо. Там испытывали новые модели автомобилей фирмы «Хундай-Киа». На северо-западе пустыню окаймляла цепь зеленых гор. Вдоль гор проходила автомобильная дорога, по которой Ларри часто ездил в Лос-Анджелес. Если двигаться по ней на север, то можно было попасть в знаменитую Долину Смерти, а еще дальше в Сакраменто или Солт-Лейк-Сити. На восток лежала дорога в Лас-Вегас.

Ларри достал из рюкзака сэндвичи и банку пива. Вот и осуществилась его мечта – он в небе. Под ним метрах в шестидесяти земля, а обзор сверху такой, что дух захватывает. Неужели так никто и не увидит его аэростат? Ларри представил себе, как на крыльцо соседнего дома выходит Марго и удивленно смотрит в небо. Откуда прилетел этот странный летательный аппарат? А Ларри приветственно помашет ей рукой.

Внезапно желудок Ларри словно подпрыгнул к груди, а сердце, казалось, ушло в пятки. Его аэростат резко пошел вниз. Земля приближалась чересчур быстро, и Ларри, взвизгнув от испуга, что есть силы вцепился в подлокотники кресла. Он не мог понять, что происходит. Потом до него дошло: порыв ветра! Ветра у них в пустыне не редкость, особенно в западной части долины. Там все пространство утыкано ветряками. Оттуда до океана рукой подать!

Ветер прекратился так же внезапно, как и налетел. Аэростат Ларри опять взмыл в небо. «Пора возвращаться», – решил Ларри и принялся выбирать шнур, укладывая его кольцами на колени. Аэростат медленно двинулся вниз.

Следующий порыв ветра выдернул шнур из рук Ларри, сорвав кожу с его ладоней.

Ларри, чертыхаясь, выбирал шнур, с трудом преодолевая сопротивление ветра. Натянутый шнур больно врезался в обожженную кожу рук. В спешке Ларри умудрился запутаться в шнуре, и теперь тот мертвой хваткой вцепился ему в левую ногу и кольцом, словно удавка, охватил его правую руку. Ларри не на шутку испугался. Шнур мог остановить кровообращение, а это ничего хорошего не сулило. Нужно немедленно высвободиться из этой опасной ловушки. Воспользовавшись ослаблением ветра, Лари выбрал метра два шнура и вытащил нож из рюкзака.

Одним быстрым движением он обрезал шнур и накрутил свободный конец на подлокотник кресла. Осталось лишь надежно закрепить конец.

Ларри торопливо завязал один узел, второй и облегченно вздохнул. Сбросить с себя кусок обмотавшего его шнура было секундным делом. Теперь следовало подтащить аэростат к земле. Ларри решил, что выбранный шнур он будет крепить к креслу, а не держать кольца в руке. Нельзя, чтобы ветер отнимал у него отвоеванные метры. Но осуществить задуманное Ларри не успел.

Новый порыв ветра слегка закрутил связку шаров, и Ларри с ужасом увидел, что шнур скользит вдоль двойного узла. Видимо, волнуясь, Ларри ошибся при завязывании, и теперь узел распускался под давлением ветра.

Ларри вцепился в ускользающий шнур и понял, что не в силах удержать его. Еще мгновение, и аэростат, освободившись от привязи, полетел в сторону от дома Ларри, постепенно набирая высоту.

Ларри отчаянно закричал от бессилия что-либо изменить. Это не входило в его планы!! Нужно остановить эту проклятую штуковину! Ларри торопливо стащил ружье из-за спины, извел курок и повел дулом в сторону шаров.

Он смотрел сквозь прицел на ближайший шар и с ужасом думал, что произойдет, если от выстрела лопнет несколько шаров. Он упадет с большой высоты и разобьется насмерть!

Руки Ларри задрожали от страха, и он опустил ружье на

колени. Ветер ослаб, но аппарат продолжал все быстрее подниматься в небо. Он миновал уже автодром КИА и летел над старым золотоносным рудником. Под ногами Ларри была километровая пропасть. Его сердце сжалось от осознания безысходности. Мысли метались в голове, ища выход из этого отчаянного положения.

«Все-таки нужно уменьшить подъемную силу», – решил Ларри. Но он не знал точно, сколько нужно убрать шаров, чтобы прекратить этот безумный полет вверх.

Ларри убрал ружье за спину и вытащил из рюкзака нож. Потом осторожно потянулся к ближайшему шару и принялся бить его острием лезвия. Материал шара оказался на редкость прочным, и нож просто отскакивал от твердой поверхности.

Ларри готов был разрыдаться от отчаяния, а шар оставался невредимым.

Наконец Ларри опустил обессиленные руки. «Если я достигну стратосферы, то умру от холода и недостатка кислорода», – подумал он и, подняв глаза, в ту же секунду понял, что нужно сделать, чтобы избавить аппарат от шара. Ларри быстрым движением перерезал веревку, удерживающую ближайший шар на центральном канате.

Освобожденный шар тут же обогнал громоздкий аппарат Ларри и весело устремился вверх.

Ларри весь обратился во внимание, но не заметил никаких изменений в движении своего аэростата. Тогда Ларри перерезал веревку другого шара и отпустил его на свободу. Аэростат слегка замедлил ход, но все же продолжал подъем.

Ларри готов был избавиться еще от одного шара, но что-то остановило его руку. Он представил себе, что его аппарат, набирая скорость, несется навстречу земле. Ларри вспомнил, что аэростат обладает большой инертностью, и решил немного выждать.

Он посмотрел на часы. Прошло около пятнадцати минут с тех пор, как его аэростат поднялся в небо. Впереди виднелись зеленые горы, а за ними синела полоска океана. Высота

была приличная. «Наверное, три-четыре километра», – решил Ларри.

Аппарат наконец прекратил двигаться вверх. Постояв немного в верхней точке, он медленно пошел вниз. Сердце Ларри радостно забилося. Неужели ему удастся благополучно добраться до земли?

Аппарат спускался вниз нехотя, явно против своей воли. Но минут через двадцать Ларри вновь забеспокоился. Во-первых, скорость падения уже была вполне ощутима и продолжала понемногу нарастать. Во-вторых, Ларри заметил, что усилился боковой ветер и его несет в сторону Великого океана!

3.

В конце концов Ларри удалось остановить падение своего летательного аппарата. Для этого пришлось избавиться от лишнего груза, в первую очередь от тяжелого ружья. Вниз улетели тяжелые башмаки, рюкзачок с едой (Ларри оставил себе только воду), даже кожаный пояс от брюк с тяжелой металлической пряжкой.

Аэростат теперь не падал и не поднимался вверх.

Ларри понимал, что положение его критическое: шары будут дрейфовать по ветру сколь угодно долго, пока что-то не нарушит их целостность. Убрать еще один шар и опуститься ниже Ларри боялся. Его воображение рисовало катастрофическую картину нарастающей скорости и быстро надвигающейся земли. Погибать он не хотел!

...Его полет продолжался уже четыре часа. За это время Ларри немного успокоился. Было прохладно, но терпимо. Привык он и к пугающей бездне под ногами. Кресло было прочно привязано к шарам и давало обманчивое чувство безопасности. Единственное, что приводило его в ужас – это мысль о невозможности вернуться на землю.

Когда-то Ларри нашел стихотворение с такими строками: «Пусть небо будет лучшим местом на земле!» и с тех пор не уставал его повторять про себя, мечтая о полете. Теперь

же он страстно жаждал оказаться там, внизу. Он хотел, чтобы действительность оказалась лишь сном и, открыв глаза, он обнаружил бы свое кресло стоящим на заднем дворике своего дома. Но в лицо Ларри дул свежий ветер, а под ногами плыла далекая земля. Конечно, это было великолепное зрелище, захватывающее дух. Но теперь вполне насладиться этой красотой ему мешала неотвязная мысль о неминуемой гибели и о собственной глупости, толкнувшей его в этот смертельно опасный полет.

Аэростат, увлекаемый воздушными потоками, двигался в направлении океана.

Ларри не видел никакой возможности как-то подать сигнал о своем бедственном положении. Он оставил свой мобильный телефон дома и не мог поведать кому-либо из знакомых о грозящей ему опасности, не мог позвонить в службу спасения, где придумали бы, как ему помочь. Оставалось надеяться, что кто-то заметит необычный летающий объект и им заинтересуются. А вдруг он так и останется никем не замеченным и навсегда пропадет в просторах океана?!

Эти мысли лишали Ларри самообладания, и он начинал громко проклинать себя за безрассудность. Ему сегодня исполнилось всего лишь двадцать три года, он еще и не жил! У него нет семьи, детей. Он просто обязан вернуться на землю. Господи, зачем нужно было ему это небо?! Что оно ему дало? Он же не верит в библейские сказки об Илие или Енохе, которых ангелы забирали на небеса и открывали им все-ленские тайны. Что он ожидал от полета? Только развлечения, ничего больше, никаких откровений свыше!

Ларри вспомнил загадочный взгляд Марго и застонал. Зачем ему была дана жизнь, если она так бездарно завершится? Теперь он проклинал небо и безумно желал очутиться внизу, на земле.

Перед Ларри возникли образы его родителей. Мать плакала и причитала: «Ты зачем так высоко забрался, сынок?!» Отец молчал, неодобрительно покачивая головой. Видения были настолько реальными, что Ларри испугался. «У меня

начались галлюцинации!» – пронеслось в его голове. Он беззвучно воззвал к Богу, моля о спасении. Религия и вера всегда были безразличны Ларри, но теперь он осознавал, что только чудо может спасти его.

Шары, попадая в воздушные потоки, медленно вращались, и Ларри не всегда удавалось обозреть удаляющееся пространство. Поэтому он не сразу заметил цепочку миниатюрных самолетиков, выстроившихся в небе в очереди на посадку.

Ларри понял, что вскоре попадет в воздушный коридор аэропорта Лос-Анджелеса. Большой город виднелся в дымке далеко на юге. С одной стороны, это его обрадовало: экипажи лайнеров и их пассажиры непременно заметят его и сообщат диспетчерам полетов. У него появится реальная надежда на помощь. С другой стороны, если его неуправляемый аппарат вторгнется в зону движения гигантских лайнеров, его может протаранить любое из воздушных судов. Это означало только одно – катастрофу и смерть!

Была еще надежда на то, что его засекут радары наземных служб аэропорта и вовремя скорректируют воздушное движение.

Вскоре лайнеры с громким гулом пролетали над его головой, а он так и не увидел никого в иллюминаторах. Ларри кричал и махал руками, пытаясь привлечь к себе внимание. Он понимал, насколько мал и ничтожен в этом огромном сверкающем мире. Он благодарил Бога, за хорошую погоду и с содроганием представлял, что ему бы пришлось лететь в сплошных облаках.

Но помощь так и не шла к нему. Его аппарат уже миновал воздушный коридор. Тающие в размерах лайнеры все так же деловито шли на посадку, поблескивая в лучах солнца, а само светило начинало клониться к горизонту. По земле уже побежали длинные темные тени.

Ларри понял, что последняя его надежда на спасение угасает вместе с лучами солнца. Приближающаяся сверкающая в лучах заката поверхность океана грозила поглотить его навсегда.

Он не знал, что ему делать. Может быть, рискнуть и избавиться еще от одного шара над водной поверхностью? Падение в воду может быть не так губительно, как на твердь земли.

Размышляя над этим, Ларри уловил новый звук. Ларри сразу узнал его. Это был свист воздуха, рассекаемого лопастями вертолета. Звук был далекий, но он равномерно нарастал.

Ларри вывернул голову, чтобы посмотреть в сторону приближающегося звука, и заметил черную точку. Вертолет! Значит, его все же заметили!

Радость теплой волной залила все тело Ларри. Он будет жить, его спасут! Бог услышал его молитвы и подарил ему жизнь!

Вертолет был уже достаточно близко, чтобы рассмотреть сидящих в его кабине людей. Вот из открывшегося люка вылетела скрученная в моток металлическая лестница и на ней показалась фигура человека. Он спешил на помощь Ларри!

Едва вертолет попытался приблизиться к аппарату Ларри, как поток воздуха резко отбросил аэростат в сторону. Благо Ларри был привязан ремнем, иначе он пухлей вылетел бы из кресла.

Вертолет повторил попытку. Аэростат опять ловко увернулся от него. Геликоптер, словно охотник, кружил вокруг аппарата Ларри, но тот каждый раз отлетал на значительное расстояние, лишая возможности спасателю достичь Ларри.

В который раз сердце Ларри сжалось от страха. Помощь была так близка, а он не мог ухватиться за тянущуюся к нему руку!

Лишь через полчаса Ларри все же удалось поймать конец веревки, спущенной с вертолета. С помощью веревки Ларри подтащил к своему аэростату металлическую лестницу и привязал ее к своему креслу. Теперь спасатель мог беспрепятственно спуститься к нему и освободить его из летательного аппарата.

На земле Ларри ожидали врачи для оказания экстренной помощи, куча невесть откуда взявшихся репортеров и полицейский. Он протолкался сквозь толпу журналистов и сказал Ларри:

– Вы будете арестованы за несанкционированное вторжение в воздушный коридор аэропорта!

Ларри в ответ широко ему улыбнулся:

– С удовольствием посижу в тюрьме. Там сидеть намного приятней, чем в том кресле, которое пропало теперь где-то в воздушных пространствах над океаном.

Один из репортеров выкрикнул:

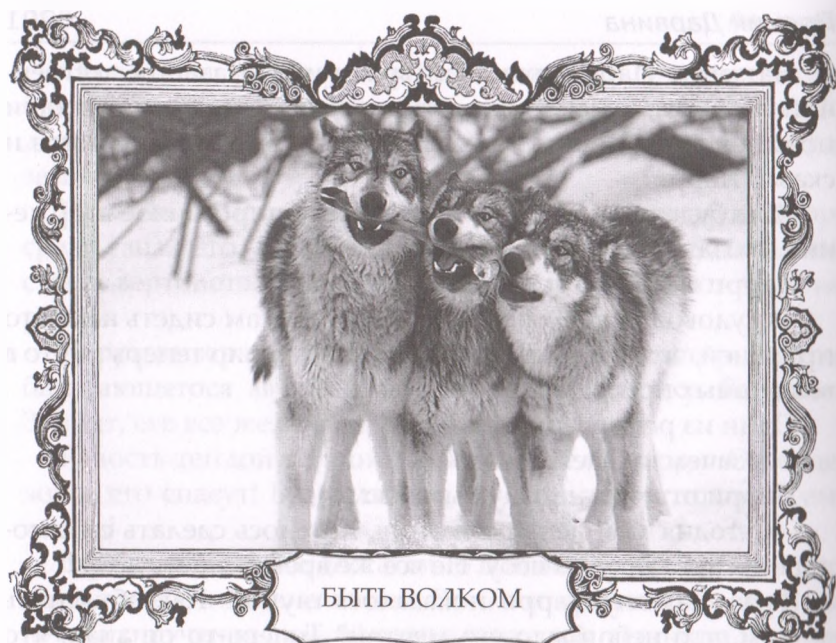
– А зачем вы сделали это?

Ларри ответил не задумываясь:

– Сегодня мой день рождения. Хотелось сделать себе подарок – прогулку по небу. Не все же время сидеть дома!

Фраза самому Ларри показалась глупой. Как объяснить людям, что небо было его мечтой? Теперь-то он знал, что лучшее место в этом мире – на земле. Он мог навсегда вычеркнуть себя из памяти человечества, не оставив потомства. Когда он поднялся на борт вертолета, спасатель сказал ему: «Приятель, ты лишился премии Дарвина!» На недоуменный вопрос Ларри он пояснил: «Ее присваивают посмертно тем ненормальным, которые освободили человечество от своих генов, погибнув нелепой смертью. Ты был достойным претендентом на получение этой премии!»

Ларри был счастлив, что не оказался в числе лауреатов.

1.

Бежать в тридцатиградусную жару по пересеченной местности с полной выкладкой, с автоматом на плече и саперной лопаткой у пояса Медведю было нелегко. Но полгода, проведенные в учебке, закалили его, он знал, что может бежать так весь день, переходя иногда, по команде сержанта, на приставной шаг или кидаясь на землю и передвигаясь попластунски, затем вновь вскакивая и продолжая этот бесконечный бег. Каждый день 10 километров, по воскресеньям – 40. Раз в месяц – «карусель». Это когда командиры меняются каждые 12 часов, а тебя гоняют, не давая времени на сон и пищу, заставляя кувыркаться, ползать, прыгать через рвы с острыми металлическими шипами. Такое не каждый выдержит. Чего только стоит внезапная пальба из кустов резиновыми пулями! Или прогулка по минному полю! Ползешь, ощупывая каждую кочку, как тело любимой женщины, бережно и нежно. Или чувствуешь: что-то не так, сразу

в сторону, иначе палец может взрывом оторвать. Мина хоть и учебная, но друзья могут подшутить, добавить заряду для адреналина. Такие шуточки среди Волков обычное дело. Увидишь на столе какую-нибудь приметную вещицу, например, портсигар или брелок яркий – ни в коем случае не трогай! Рванет – или глаза лишишься, или пальца. Такие приколы! Сержант Кобра говорит: «Вы на войне, кругом вражеская территория. У вас глаза должны вырасти на заднице, взгляд должны чувствовать даже во сне. Волк никому не верит, не просит о помощи и ничего не боится!»

Их, молодых новобранцев, били постоянно, всем, что подвернется под руку. Девиз был один: «Ты должен отвечать!» У того, кто ломался и не выдержал, было два пути: либо уходить с клеймом «слабак», либо самоубийство. Иначе в экстремальной ситуации товарищи без колебаний сами убили бы его. «Победитель тот, для кого важна победа, а не его сраная жизнь! Он верит в свою непобедимость. Конец веры – конец жизни!» – это слова Кобры, которые он вдальблывал в головы новобранцев ежечасно, сопровождая их затрещинами и пинками. «Вы должны привыкнуть к крови!» – наставлял сержант, поощряя новобранцев в их хитроумных забавах. Напее внезапно могла затянуться удавка, или в кровати могла поджидать какая-нибудь ловушка.

Из пятидесяти новичков их осталось только пятеро – тех, кто на вызов отвечал вызовом, скалил зубы и отвечал ударом на удар. Назвать их товарищами было нельзя. «Никакой дружбы, верь только себе, в минуту смертельной опасности друг становится зверем – не питай иллюзий. Не делись ни с кем, вырви свой кусок у другого. Мы – Волки. Мы выше всех. Мы перегрызем любому глотку, кто встанет на нашем пути!» – все эти принципы стали их безусловными рефлексам.

У них отбирали последний кусок хлеба, заставляли опорожнять желудки после обеда, оставляя их голодными и злыми. В них воспитывали злобу, как у сторожевых псов. Позволяли спать лишь по четыре часа в сутки, остальное

время делали из них боевые машины: восточные единоборства, физические упражнения и полная ликвидация личности. У них нет фамилий и имен, только клички, которые отражают внутреннюю сущность каждого Волка.

Медведь бежал не останавливаясь. Пот насквозь пропитал налобную повязку и ручьями заливал глаза, обжигая слизистую оболочку. Рядом бежали, бухая тяжелыми ботинками о землю, его товарищи по оружию: Танцор, Граф, Дикобраз и Бес. Замыкал цепь сержант Кобра. Танцор всегда находился в движении, словно внутри него была невидимая пружина, он приплясывал даже тогда, когда остальные стояли отдыхая. Граф считал себя выше других и брезгливо относился к товарищам. Всякий, кто рисковал оспорить его мнение, тут же получал мощный удар в челюсть. Дикобраз в случае опасности начинал шумно дышать, чем напоминал недовольно сопящего зверя, и наносил быстрые удары направо и налево. К нему нельзя было приблизиться, словно к ошетилившемуся иглами дикобразу. Бес был коварен и хитер, никто не знал, что он может выкинуть. Сержант Кобра был быстр и опасен, как очковая змея. Он бежал и занимался вместе с новобранцами, всегда был в форме и мог дать сто очков любому из Волков, поэтому он и был сержантом – вожаком стаи. Его слушались беспрекословно, побаивались, молча снося его побои и люто ненавидя в душе.

Медведь получил свою кличку за мощную фигуру, огромный вес и невероятную силу. Он мог вбивать голыми руками большие гвозди в толстую доску, выдергивать их пальцами и сгибать в бараний рог железный прут. Внешне спокойный Медведь мог взорваться в любую минуту, и тогда даже Кобра остерегался к нему приближаться.

Взвод выбежал из чащи леса на опушку.

– Тридцать отжиманий на пальцах! – скомандовал сержант, и все немедленно принялись выполнять приказание.

– Прыжки вверх! Двадцать отжиманий! – Кобра не давал времени на отдых.

«Забудьте про свои спортзалы с душем, музыкой и банькой после тренировки, – говаривал сержант. – Забудьте про все достижения цивилизации. Изнеженный, избалованный человек не способен на подвиг. Только тот, кто голыми ногами бегал по снегу, ползал в грязи, лишился пищи и знает вкус крови, может однажды доказать миру, что он лучший из всех. Волк побеждает своей беспримерной злобой, никто никогда не приручит волка. Он побеждает своей выносливостью, волк может измотать любого зверя, например лося, и прикончить обессиленную добычу, потому что у волка всегда есть силы на последний решающий смертоносный бросок!»

И вновь Волки побежали по лесу рысью. Вскоре они оказались у обширного вольера на лесной поляне, огороженного металлической сеткой с мелкими ячейками. Внутри на привязи сидели крупные собаки.

– Стоп! – резко бросил сержант. – Пять минут отдыха.

Волки сели отдельно друг от друга, но так, чтобы держать в поле зрения всех членов «стаи». Медведь искоса посмотрел на собак в вольере. Что-то в их поведении насторожило его. Собаки тяжело дышали, словно загнанные лошади, из открытых пастей стекала пенная слюна.

Кобра перехватил его взгляд и кивнул:

– Ты не зря волнуешься, Медведь. Собаки больны бешенством. Бросаются без предупреждения, не ждите, что они будут лаять на вас, словно дворовые шавки. Запомните, укус такой собаки смертелен для человека. Всем оставить автоматы и вещи! С собой только саперные лопатки. Волки, покажите, что вы можете постоять за свою жизнь!

Саперная лопатка предназначена для копания грунта. Но в умелых руках она превращается в грозное оружие. Боковые удары лопаткой равносильны ударам топора, легко перерубают толстый сук дерева. Прямым ударом в шею можно перерубить позвонки врага и обезглавить его. Наличие у лопатки легкой длинной ручки позволяет метать ее прицельно на значительное расстояние с сокрушающей убойной силой.

Волки без пререканий сгрудились у входа в вольер,

сжимая в руках саперные лопатки. В глазах зажегся дикий блеск. Возможность реальной смерти заставила быстрее биться сердце.

– Только вера в себя поможет вам победить! – словно заклинание бубнил сержант. – Ни грамма сомнения в своих силах. Вы лучшие в этом мире! Это лишь бешенные псы, уничтожьте их! Вперед, Волки!

Руки Волков взметнулись вверх в едином порыве, глотки взревели, сливаясь в вопль: «Да-а-а!», и они ворвались в вольтер. Собаки молча бросились к ним, разрывая подпленные поводки. Эти монстры с безумными глазами были похожи на исчадия ада, вдруг вырвавшиеся на волю из мрачного подземного царства.

Волки встали спиной друг к другу и спокойными, выверенными движениями начали наносить удары лопатками. Бой закончился в считанные минуты. Вся земля вольтера была окроплена кровью погибших собак. Их обезглавленные трупы валялись вокруг струдившихся в центре людей. Лица Волков светились радостью и каким-то упоением. Медведя захлестнуло всепоглощающее чувство свободы, всем своим существом он презирал смерть, которая наводит ужас на людей. Он свободен от этого мерзкого липкого страха за свою жизнь! Он готов отдать свою жизнь ради достижения победы – победы над собой и своими страхами. Он сегодня стал победителем!

– Жаль, зрелище было очень короткое, – донесся до них голос Кобры. – Хотя, молодцы, нельзя врагу давать передышку. Если деретесь, первый удар по горлу. Если вас обхватили спереди – удар лбом в нос, если сзади – затылком туда же. Ни одного шанса врагу!

2.

Медведь испытывал некоторую неуверенность, входя в ванную комнату. Он был совершенно гол, а в ванной сидела большая серая крыса. Все возможные выходы для зверя были тщательно законопачены, закрыты вентиляционные

шахты, даже заткнуты канализационные сливы в раковине и унитазе. Медведь знал об уникальных способностях этих зверьков: они умны, сообразительны, могут существовать и при тридцати градусах мороза и при шестидесяти градусах жары, могут плавать по нескольку дней подряд, преодолевая значительные расстояния. Непомерно длинные резцы крысы настолько сильны, что она может грызть медные листы. А загнанная в угол крыса бесстрашно бросается на любого врага, норовя укусить в лицо или в шею. Медведь был наслышан и о страшных неизлечимых болезнях, которые пьездятся в этом мерзком создании.

Кобра говорил: «Только идиот дерется голыми руками. Пускайте в ход все, что подвернется под руку. Чайник, чтобы обварить собеседника и размозжить ему голову. Пивную кружку, вилку, ножку от стула, любой предмет, до которого дотянетесь рукой. Все может быть оружием!» Теперь же перед Медведем стояла задача одолеть врага голыми руками.

Прикрывая одной рукой свои гениталии, Медведь закрыл другой рукой дверь и осмотрелся. Сначала он крысу не увидел, но потом заметил ее блестящие глазки под ванной. Медведь задумался. Если нагнуться или лечь на пол, чтобы схватить рукой крысу, то он окажется в неудобном и уязвимом положении. Зверь может броситься ему в лицо или, что еще опаснее, вцепиться в его мужское достоинство. Нужно выманить крысу из-под ванны и молниеносно ударить ногой. «Ногой бить только в пах» – вспомнил он слова Кобры и усмехнулся. Крысу надо раздавить, не давая ей времени опомниться. Чем же ее выманить? Медведь пошевелил ногой, не выпуская светящиеся глазки из виду.

Крыса не подавала признаков жизни. Она, видимо, уже обследовала все помещение и поняла, что выхода из него нет, кроме как через дверь. И тоже внимательно наблюдала за вошедшим человеком.

Медведь продолжал стоять, чувствуя, как быстро течет время. Ему выделено всего пять минут для расправы над зверьком. Медведь обязан атаковать. Он медленно присел на

корточки, продолжая прикрывать пах широкой ладонью. В проеме между полом и ванной в полутьме виднелось тело крысы. Зверь оказался крупнее, чем ожидал Медведь, — размером с приличного кота.

Медведь прыгнул вперед, пытаясь схватить крысу за горло. Она с пронзительным криком метнулась прочь и выскользила из-под ванны.

Крыса забилась в угол. Голый хвост омерзительно розового цвета нервно подрагивал. Направленный на человека нос шумно вдыхал воздух. Медведю почудилось, что он уловил тошнотворный запах страха и ужаса, исходящий от этого зверька. Медведь шагнул вперед, выставив перед собой обе руки. Он ни на секунду не забывал о мощных резцах крысы.

И тут она, поняв, видимо, безвыходность ситуации, в которую попала, и телепатически уловив намерения человека, загнавшего ее в угол, стремительно бросилась на него, издав пронзительно-резкий взвизг. Несмотря на хорошую реакцию Медведя, крыса благополучно миновала его растопыренные руки и вцепилась ему в горло.

Медведю показалось, что зверь просто взмыл в воздух, словно подброшенный спущенной пружиной. Он не ожидал такого бешеного броска. Медведю повезло, что он инстинктивно отпрянул, и крыса не перегрызла ему трахею. Она отхватила кусок кожи от его горла и упала рядом на пол. И тут же, не дав опомниться человеку, ринулась в атаку. Медведь отбил крысу ударом раскрытой ладони, словно теннисный мячик ракеткой. Крыса перевернулась в воздухе и отлетела в сторону. Медведь надеялся, что она разобьется от его удара. Но крыса как ни в чем не бывало вновь кинулась в бой. Она сделала несколько обманных выпадов, кружа вокруг Медведя и делая попытки вцепиться в его пах, заставляя человека прикрываться рукой. И наконец бросилась в лицо Медведю. Он все-таки успел перехватить крысу в полете, и она мгновенно впилась своими резцами-кинжалами в его руку. Медведь знал, что никакими силами не сможет теперь оторвать крысу от своей плоти и, преодолевая острую боль,

продолжал сжимать укушенной рукой горло зверя. Другой рукой он ухватил крысу у основания мерзкого голого хвоста и резким рывком разорвал ее напополам. Раздался хруст поломанных позвонков, и брызнувшая кровь заалела пятнами на белом полу ванной комнаты.

Медведь стряхнул с руки переднюю часть крысы, продолжая сжимать свои зубы на его теле, зажал рану рукой и вышел в коридор...

3.

– Мир полон зла и насилия, – сержант вел занятие по психологической подготовке. – Вам будут противостоять люди, прошедшие специальную подготовку. Они с радостью умрут в бою по приказу своих командиров, ибо верят, что моментально попадут в рай. Они без колебаний отрежут голову любому человеку, усомнившемуся в истинности их веры. Они готовы взрывать себя, чтобы унести с собой как можно больше жизней неверных. Начинается новая глобальная мировая война. Сегодня нет на планете места, где можно укрыться от военных действий. Наша задача – уничтожить зло. Значит, мы на стороне добра. Конечная наша цель – установление мира на земле. Слизняк не способен противостоять злу. Искоренить насилие можно только насилием. Если мы будем гладить негодяев по головке и уговаривать их хорошо себя вести, они откусят нам руку или перегрызут нам горло. Вы презираете смерть и опасности, потому что выше их. Каждый из вас, Волков, стоит целой роты. Вы прошли отличную подготовку. Вы никому не верите, кроме себя и своей интуиции. Вам не требуется помощь, вы рассчитываете только на свои силы. И вы ничего и никого не боитесь, даже меня.

Волки криво улыбнулись шутке сержанта. Нет, они не боялись Кобры, но всеми фибрами своей души ненавидели его за дьявольскую изобретательность в различных пытках и испытаниях, которым он подвергал своих учеников.

– Вы будете воевать на чужой территории. Вокруг вас будут одни враги. Мирное население будет ненавидеть вас,

потому что для них вы чужаки, убивающие их братьев. Не доверяйте местным жителям, они все помогают нашим врагам. Ваша задача – уничтожение караванов с оружием, транспорта с наркотиками, ликвидация командиров бандитских формирований в их логовах. Террористические организации раскинули свои щупальца по всему свету. Они объявили войну современной цивилизации и хотят вернуть мир в средневековье. Мы не можем ждать, когда вожаки терроризма вылезут из своих берлог и явятся на свет божий. Мы должны отыскать их лежбища и уничтожить их там, обезглавив противника. Теперь вам будет противостоять более хитрый и опасный враг, чем бешеные псы или крысы. Это будут настоящие демоны ада, ибо их цель захватить мир и уничтожить всех неверных, то есть всю нашу цивилизацию...

...До места назначения отряд добирался ночью, пробежав двадцать километров с места высадки по горам, чтобы никто из местных жителей их не заметил. Залегли в камнях недалеко от перевала, через который должен был пройти караван с оружием. Медведь с Графом с правой стороны от тропы, на расстоянии друг от друга, Танцор и Бес – с левой. Так, чтобы зажать длинный караван в тиски.

Лежать пришлось весь день, не подавая признаков жизни. Если их заметит любой из пастухов, пасущих коз в этой местности, то весть о засаде немедленно дойдет до противника. Для этого достаточно послать солнечный зайчик от табакерки с насваем, которая всегда при себе у любого местного мужчины старше четырнадцати лет, в направлении горы, где сидят наблюдатели за тропой. Караван бдительно охраняют.

Медведь потерял чувство времени. Ему казалось, что он уже вечность лежит на этих раскаленных лучами солнца камнях. Лишь изредка он позволял себе осторожно подносить к губам фляжку с водой и делать глоток. Воду он долго держал во рту, перекачивая из стороны в сторону, освежая язык и слизистую оболочку нёба. Потом медленно позволял ей течь в желудок.

На тропе ничего не происходило. Обещанного каравана не было.

«Неужели боевики узнали о засаде?» – мелькнула мысль в голове Медведя, но он тут же отбросил ее прочь. Если бы они были раскрыты, боевики давно бы окружили их лежку и расстреляли. Оставалось только одно – ждать.

Наконец солнце скрылось за горизонтом, начало смеркаться. Дождавшись темноты, Волки выползли из-за камней и размялись. Температура воздуха быстро падала, но разжигать костер было нельзя. Даже если скрыть его между валунами, вражеские наблюдатели могут засечь отблеск огня на камнях. Волки сбились в кучу, чтобы сохранить тепло тел.

На рассвете перевал вновь казался безлюдным. Ничего здесь не выдавало присутствия Волков. Медленно тянулись часы, и солнце уже подбиралось к зениту. Медведь решил, что каравана не будет. Видимо, что-то пошло не так. Ночью им придется уходить восвояси. Едва он подумал об этом, как на тропе показался небольшой отряд боевиков. В темных халатах, с головами, покрытыми свернутыми платками, с автоматами наперевес, люди двигались бесшумно, словно тени.

«Десять человек, – посчитал Медведь. – Авангард каравана».

Разведчики миновали его укрытие и ушли дальше, где прятались остальные Волки. Из-за поворота показался сам караван. Один за другим на тропе возникали верблюды, груженные тяжелыми ящиками. Медведь насчитал десять верблюдов. Возле каждого верблюда шло по двое-трое боевиков. Видимо, караван вез особо ценный груз, раз его сопровождала такая мощная охрана. Наконец показался арьергард – десять боевиков замыкали шествие.

Медведь дождался, пока арьергардцы поравняются с ним, и скосил их одной очередью из автомата. Боевики, не ожидавшие нападения, не успели даже повернуться на звук выстрелов. Медведь тут же прыгнул за другой камень и дал следующую очередь по хвосту каравана. Рядом грохотали автоматы других Волков.

Часть верблюдов повалилась на землю, другие ревели от ужаса и рвали связывающие их веревки. Уцелевшие от первого шквального огня боевики попытались спрятаться за тушами убитых животных, но схоронившиеся с двух сторон Волки не давали время им опомниться, хладнокровно уничтожая их, словно фигурки в спортивном тире. Через десять минут на тропе никто не двигался.

Медведь во время боя переползал из укрытия в укрытие. Теперь же он остался лежать под камнем, не двигаясь. Он знал, что боевики могли притвориться убитыми и выход из убежища может стать для него роковым. Остальные Волки также затаились в своих норах.

Пыль, поднятая беснующимися животными и суесящимися людьми, постепенно улеглась. В наступившей тишине было слышно хрипение умирающего верблюда и трель далекого жаворонка.

Медведь уловил едва заметное движение. Один из боевиков слегка пошевелился. Медведь, наблюдая за ним, старался держать под прицелом все видимое с его позиции пространство на тропе. Боевик еще раз сдвинулся в направлении камней. Медведь краем глаза заметил новое движение. Другой боевик слегка приподнял голову и всматривался в сторону, где укрылся Медведь. Третьего он засек возле мертвого верблюда. Боевик повел рукой, придвигая к себе автомат. Других признаков жизни Медведь не обнаружил. Есть, конечно, и другие, невидимые Медведю боевики, но за ними наблюдают зоркие глаза других Волков.

Медведь мог лежать в засаде сколь угодно долго, выманивая врага, но дело усложнялось тем, что база боевиков находилась от перевала не так далеко, километрах в тридцати. Там могли слышать звуки выстрелов, тогда вскоре сюда нагрянет отряд подкрепления и в воздухе появятся вертушки. Времени для ожидания нет, надо успеть уйти и затаиться в другом месте. Медведь взял на мушку боевика, ползущего к камням. Три выстрела слились в один длинный залп. Все трое боевиков уткнулись головой в песок. Рядом щелкнуло

еще несколько коротких выстрелов. Медведь молча пополз в сторону от тропы. Оставаться на поле боя опасно, пора уходить.

Через несколько минут горы сотряслись от мощного взрыва, а еще через пять минут рядом с Медведем появились Граф, Танзор и Бес.

– Нельзя было оставлять оружие боевикам, – проговорил Бес. – Мы устроили из него гигантский фейерверк!

– Теперь на их базе точно знают, что караван попал в засаду, – недовольно ответил Медведь. – Скоро здесь жарко будет, все небо будет в вертушках. Уходить надо в сторону. До ночи спрячемся где-нибудь в скалах, а в темноте рванем туда, где нас будет ждать вертолет!

4.

Медведь молча разглядывал сидевшего напротив него человека. Тихий голос собеседника терялся в монотонном гуле небольшого, но многолюдного кафе. Медведю приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова говорящего собеседника.

– Пойми, Медведь, насильем мир невозможно передать. Я это понял в ту ночь, когда мы уничтожили большую часть командиров боевиков. Тогда я пережил ужас: десятки убитых женщин и детей. Смерть невинных людей на нашей совести.

Медведь хорошо помнил ту операцию. Проверенные люди донесли о готовящейся встрече верхушки бандформирований. Саму встречу организовывали агенты, внедренные в ряды боевиков и занимающие высокое положение в их среде. Волки ночью ворвались в селение, где размещались главарь бандитов, и вырезали всех, кто там был. У Медведя до сих пор в ушах стоял невообразимо жуткий крик женщин и плач перепуганных насмерть детей.

Слова Графа всколыхнули темную сторону его подсознания. Там были и другие, не менее жуткие картины прошлого, которые Медведь не пускал на поверхность. Они поднимались в душе муть, и дальнейшая жизнь начинала казаться

ненужной и сам себе он делался противен. В такие минуты он был слаб и потерян.

– Мы были на вражеской территории, Граф, – ответил Медведь, повторяя вслух те слова, которыми всегда успокаивал себя, если впадал в депрессию. – Надо было убрать командиров противника. Мы не могли в темноте расспрашивать, кто есть кто. Их беда, что они оказались между нами и главарями банд. Вроде мух на пути локомотива. Встречу вражеских лидеров тщательно подготовили. Работали разведчики, резиденты. Нельзя было упустить шанс разом покончить со всеми одним ударом.

– Но мирные жители: старики, женщины, дети? Разве можно уничтожать весь народ? – в голосе Графа звучала неподдельная боль.

– Я тебя не узнаю, Граф. Ты сильно переменялся с тех пор, как был Волком. – Медведь говорил с отчаянием. Все его доводы разбивались о простые вопросы Графа. Кошмары, дремавшие в глубине души, оживали. Избавиться от них можно было только одним путем: самому уйти в небытие. Он сделал слабую попытку защититься от собеседника. – Ты же знаешь, что любой мирный житель, даже ребенок, оставь мы его в живых, тут же побежал бы сообщать о нашем местонахождении врагу. Это был вопрос жизни или смерти. Мы презирали смерть, но жили для того, чтобы выполнять приказы.

– И что? Наступил всеобщий мир? – Граф посмотрел на Медведя с сожалением. – Мы же плодили несчастья и умножали людское горе. Как мы могли рассчитывать на победу в той войне?!

Медведь сидел, охваченный всплывшими воспоминаниями. Он почувствовал себя снова молодым и полным сил, будто только что очнулся от летаргического сна. Словно где-то внутри Медведя запустили пружину, которая всегда была на взводе. Мозг заработал четко, принимая информацию от всех органов чувств. Его нос различал сотни запахов, смешанных в душной атмосфере кафе. Ухо, казалось, улавливало

обрывки фраз, произнесенных за столиками в разных углах помещения. Его поразило, что в кафе так много детских голосов. Вернулось прежнее ожидание постоянной опасности. У него даже похолодели кончики пальцев и сжалось сердце. Он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и еле заставил себя не обернуться на него.

Граф неожиданно сменил тему разговора.

– Я слышал, ты занялся фермерством?

– Было очень тяжело вернуться в мирную жизнь, поэтому я решил поселиться подальше от людей. – Медведь сидел лицом к залу кафе и по старой привычке держал под наблюдением почти все помещение. Сидящий напротив него Граф инстинктивно контролировал то, что творилось за спиной его боевого товарища. Разговаривая, Медведь скользил взглядом в сторону дальнего угла кафе, откуда пришел встревоживший его сигнал. – Приношу пользу, кормлю их! Пицца – продукт первой необходимости! – он не прерывал спокойный разговор.

В углу за столиком сидели две девушки. Их поведение насторожило Медведя. Казалось, они вели тихую беседу, но то и дело бросали быстрые взгляды по сторонам.

– Женился? – Граф продолжал расспрашивать товарища. – Есть дети?

Медведь невесело ухмыльнулся:

– Подруга есть. Одному жить скучно. А дети таким, как мы, вредны. Чему мы их научим?

Лицо Графа передернула нервная судорога.

– Медведь, ты не прав. Мы с тобой прошли через ад. Знаем цену человеческой жизни. Она стоит лишь легкого нажатия на спусковой крючок автомата. Мы обязаны остановить безумие, которое охватило человечество. Изменить мир можно, но не убийствами. Когда-то Достоевский сказал: «Красота спасет мир!» Сегодня я говорю: «Любовь может спасти мир!» Нужно любить людей. Всех, несмотря на их злобу и агрессию.

Медведь пытался разобраться, что насторожило его в

девuschках. Он опять скосил глаза в сторону их столика и поймал мимолетный взгляд одной из них. Это было подобно удару молнией. Медведь вновь смотрел на Графа, переводя дыхание. Его поразили фанатичный огонь, горевший в глазах симпатичной девушки. Это был взгляд человека, стоящего на пороге смерти.

– Ты стал пацифистом? – Медведь вдруг понял, что так сильно изменило облик Графа. Его глаза! В них исчез холодный блеск, который сверкал, когда Граф был одним из Волков. Граф, некогда считавший себя выше всех людей на свете, томился теперь вселенской скорбью по своему боевому прошлому! – Может ты в проповедники записался?

Граф, казалось, не слышал его вопросы.

– Медведь, люди больны. Ненавистью, алчностью, жаждой власти. Мы были слепыми игрушками в чужих руках. Надо врачевать души, а не уничтожать тела! Врач не может обижаться на своих безумных пациентов. Они же не ведают, что творят! Не стоит убивать их за это!

– Предлагаешь подставить обе щеки, чтобы любой желающий мог врезать по ним? – зло спросил Медведь. Прошлого было его жизнью, нравилось оно ему или нет. Можно выкинуть к чертям все ордена и медали, которые им навешали на грудь, это не более чем горстка металла. Они сражались ради победы. И она у них была!

– Не мы придумали этот мир, – сказал он. – Твои больные люди не сидят в психбольницах или за решеткой. Они разгуливают на свободе и убивают людей! Как их остановить?!

– Изменить их, – Граф, видимо, свято верил в свои слова.

– Они с удовольствием перережут тебе глотку, потому что посчитают это богоугодным делом, – съязвил Медведь и неожиданно спросил: – Почему здесь так много детей?

Граф посмотрел на него удивленно, потом, поняв смысл вопроса, ответил:

– Сегодня здесь собираются выпускники и ученики одной из престижных школ. Родители их тоже. Поэтому в кафе так многолюдно. Об этом писалось в газетах... Я

слышал, Бес подался в военную академию. Это правда?

Медведь кивнул в ответ. Он все еще был во власти своих размышлений.

– Бесу не пришлось ломать себя, перестраиваться под мирную жизнь, как нам с тобой. Вычеркивать из памяти все, чему тебя научили, забыть, что ты был Волком. Стать овцой и брести вместе со стадом ожиревших придурков.

– Медведь, наша прошлая жизнь ушла в небытие. Мы с тобой попали в другой мир и обязаны принимать его законы. Ты же сейчас фермер, кормилец этих придурков, как ты называешь сограждан, и, значит, обязан любить своих братьев по разуму. Мне говорили, что Танцор стал вместо Кобры сержантом? Что, сержант постарел, сдал позиции?

Медведь невесело ухмыльнулся:

– Разве ты не слышал, что Кобра погиб?! Его пристрелил один из новобранцев. Их так замордовали на «карусели», что после нескольких суток без сна мозги новобранцев полностью отключились, остались одни рефлексы. Кобра без предупреждения, как это он любил делать, бросился с ножом на одного кадета, решив проверить его реакцию, а тот инстинктивно вскинул автомат и выстрелил в сержанта. Он умер не мучаясь.

Граф опустил голову. Медведь подумал, что они все ненавидели Кобру, хотя заслуга сержанта в том, что они вышли живыми из всех передраг.

– Жаль беднягу, – горько произнес Граф, поднял голову и добавил: – Вот тебе еще один пример того, как зло рождает новое зло. Из нас делали безотказное оружие, универсальных солдат. Все доводилось до автоматизма. Кобра создал совершенное оружие, и оно убило его.

Медведь вновь посмотрел на девушек. Казалось, они мирно беседовали. Но Медведь за долю секунды оценил их состояние: взгляды сосредоточены, губы сжаты и едва шевелятся. Медведю почудилось, что он различил слова молитвы. «Смертницы», – решил Медведь. В любую секунду мог раздаться взрыв.

– Я понял, что и враги, и наши бывшие начальники заодно. Им всем нужна война. Без нее их существование станет бессмысленным, – продолжал говорить Граф. – Мы должны им противопоставить иной смысл жизни – любовь. Я вхожу в одну организацию, которая проповедует мир. У нас много последователей. Мы должны убедить людей отказаться от войн, прекратить убивать друг друга...

– Это уже было, Граф, – Медведь соображал, что предпринять. Конечно, самое лучшее – это как можно скорее отсюда смотаться. Но он не мог бросить здесь Графа. Бывший боевой товарищ был частью его, Медведя, прошлого. Если просто схватить Графа и попытаться выскочить из помещения, то Граф, не поняв его действий, будет сопротивляться и помешает их спасению. «Волк должен сохранить свою жизнь любой ценой», – всплыла мысль в сознании Медведя. Как говорил Кобра: «Если ты делишься с другими куском хлеба, значит, ты еще сыт. Если отдаешь запас воды, то тебя еще не прижало. Волк обязан выжить. Его задача – выполнить приказ!» Черт! Он не может уйти без Графа, да и он уже давно не Волк и у него нет никакого приказа! Кто даст ему команду?! Если он попытается обезвредить этих смертников, это может послужить сигналом для нажатия кнопки взрывателя. Нажать ее может и какой-нибудь сторонний наблюдатель. Медведь знал, что в таких случаях кто-то контролирует действия смертников и в случае их нерешительности нажимает кнопку за них.

– Я имею в виду хиппи, Джона Леннона, – продолжал говорить Медведь.

– Я тебе дам адресок нашей организации, – перебил его Граф и быстро что-то начеркал на салфетке.

– Прости, друг, я ни в какие партии и организации не вхожу!

– Посмотри, – настойчиво сказал Граф, протягивая ему салфетку.

Медведь уловил в голосе товарища новые нотки и тут же пробежал глазами написанный на салфетке текст: «Двух

мужчин через столик от нас беру на себя, тебе девушки. По сигналу».

Значит, Медведь был прав: за смертницами наблюдали. Сквозь разноголосый гам он уловил звук отодвигаемых стульев и краем глаза заметил двух парней, вставших из-за столика и направившихся к выходу. «Началось!» – вихрем пронеслось в мозгу Медведя. Он знал, что наблюдатели не планируют погибать вместе со смертницами. Они просто подстраховывают их действия. Уход наблюдателей – знак для террористок. Еще несколько секунд, и прогремит взрыв. Он посмотрел на Графа.

Перед ним вновь сидел старый боевой товарищ – Волк. Его глаза горели холодным стальным блеском, и Медведь почувствовал облегчение, теперь он знал, кто подаст ему команду. Граф кивнул и резким броском кинулся вслед уходящим парням. Медведь, не раздумывая, бросился в сторону сидящих, как ему показалось, с закрытыми глазами, девушек. Одним движением он сгреб их мощными руками и прыгнул в окно, выбив раму ударом ноги. Сзади его догнал перепуганный вскрик многочленной толпы, звон сыплющегося стекла, грохот переворачиваемых столиков и падающих стульев. Медведь, крепко прижимая к себе двух девушек, чувствовал под их платьями жесткие «пояса шахидок». Падая в колючие кусты роз, он был счастлив: победа, как и всегда, была на его стороне. Потому что Волк не может проиграть, он может только погибнуть, если удача отвернется от него. Но такого в жизни Медведя еще не случалось.

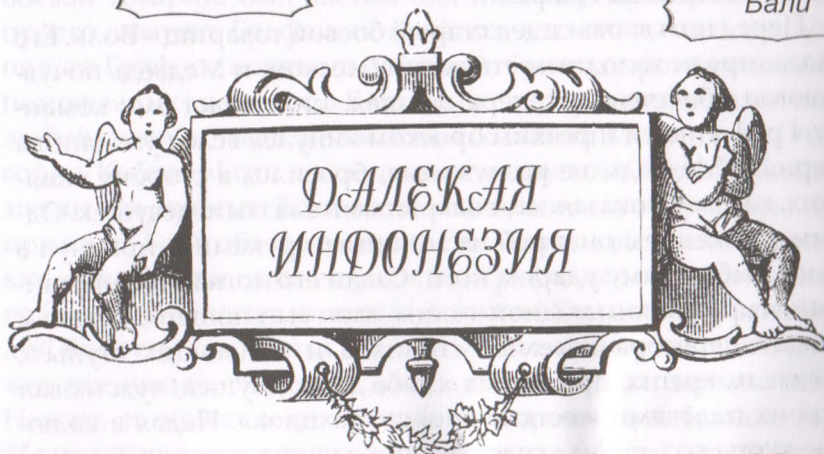
Действующие лица:

Олег

Бали

Джонни

Луна-рыба

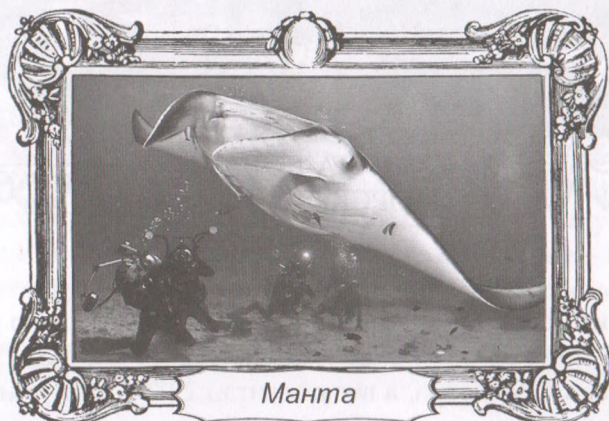

Света

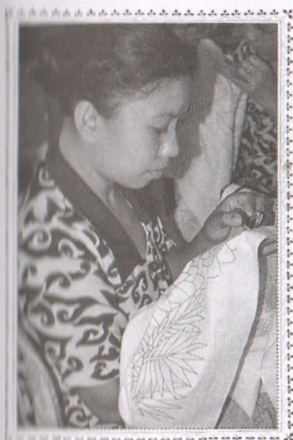

«Жемчужина Папуа»

Манта

Батик

Света Лопатко

Бог Бали

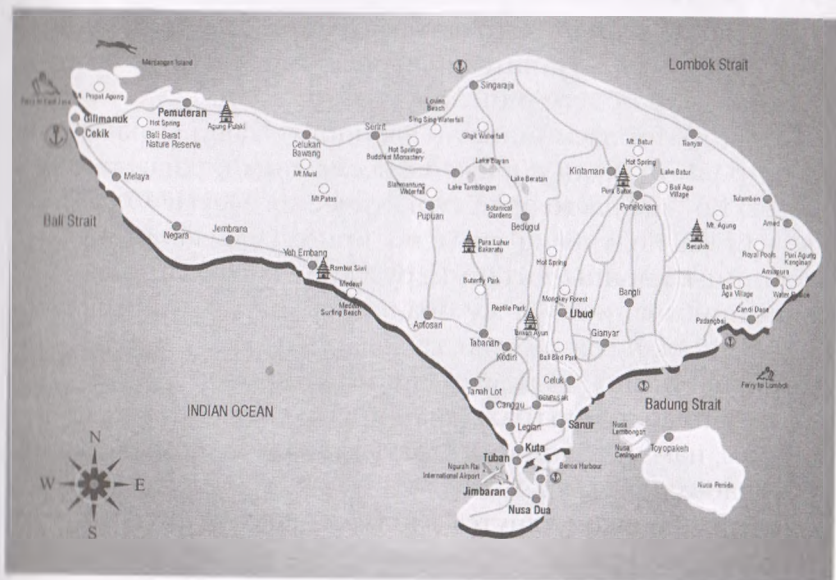
В Книге рекордов Гиннеса приводятся данные о рыбе-луне, пойманной в 1908 году неподалеку от Сиднея. Ее длина составляла 4,26 метра, а вес достигал 2235 килограмм. Такие экземпляры встречаются редко, обычно мола-мола, так по-латыни называется эта рыба-гигант, имеет более скромные размеры: до трех с половиной метра в длину и до полутора тонн веса. Она самая крупная из современных костных рыб. Интересно, что в английском языке мола-мола называется рыбой-солнцем. Бытует еще одно название: рыба-голова.

Свои прозвища мола-мола получила за весьма странный вид: ее тело сильно сжато с боков, наподобие диска, хвост очень короткий и широкий, задние и хвостовые плавники срослись вместе. Так что со стороны рыба напоминает голову без туловища. Плавает она благодаря верхнему и нижнему плавникам, торчащим в противоположные стороны, словно паруса. Иногда ее верхний плавник принимают за плавник акулы, когда он поднимается над морской поверхностью.

Питается луна-рыба планктоном и мелкими ракообразными. Ее круглый рот всегда открыт в поисках пищи.

Именно для встречи с этой удивительной рыбой мы приехали на остров Бали.

Хотя Бали принадлежит Индонезии, жизнь на острове разительно отличается от других районов этой островной республики. Почти все население Бали исповедует индуизм, в то время как 88% жителей Индонезии – ислам. Индуистские храмы встречаются на Бали повсеместно, религия – неотъемлемый атрибут ежедневной жизни балийцев. Любая деятельность начинается здесь с приношения небольшой жертвы богам: корзиночка с фруктами, цветами и курящимися благовониями неизменно ставится на алтарь в храме, перед дверьми торговых лавок, на приборную панель такси или катера, доставляющего дайверов к местам погружений. В каждом селении обязательно наличие трех храмов, посвященных верховным божествам индуизма: Вишну – богу воды и одной из форм высшего божества, Кришне – верховному божеству и Шиве – богу смерти. Балийцы, несмотря на

песок, синь океанской воды, жаркое солнце – что еще надо для отдыха? Колоритные храмы с многочисленными статуями божеств и драконов дополняют экзотику этих мест. Над домами реют сотни воздушных змеев, на гребнях высоких волн носятся тысячи серферов – Бали признанный рай для этого вида спорта. Здесь на каждом шагу висят приглашения в школы серфинга. Есть даже русские школы!

Мягкий климат (среднегодовая температура $+26^{\circ}\text{C}$), радушие жителей некогда привели сюда молодых поклонников движения хиппи. Их потомки до сих пор обитают на острове.

Наш путь лежал от острова Бали к небольшому островку Нуса Пенида в сорока минутах хода на небольшом катере. Именно там можно встретить морских гигантов: луну-рыбу и манту.

Первое погружение было возле скалистого берега. Скалы вертикально уходили в воду. Волны яростно налетали на них и на живописные островки, столбами и арками возвышавшиеся вдоль береговой линии. Волны, ударяясь о преграду, разлетались на тысячи брызг, каскадом обдавая прибреж-

ные скалы. Наше суденышко то взлетало на гребень волны, то проваливалось во впадину, заставляя нас крепче сжимать поручни.

Кое-как надев акваланги, мы прыгнули за борт. Едва наша группа ушла в глубину, как волнение вокруг нас прекратилось. В толще воды забываешь, что над головой гуляют волны.

Под нами был коралловый риф, живущий своей пестрой, как населяющие его рыбы, жизнью. Он был похож на гигантский мегаполис. Вокруг каждого кустика коралла сновали многочисленные его обитатели, скрывавшиеся в нем при нашем приближении.

Мы двигались в направлении берега. Там находилась одна из так называемых «станций очистки манти». В таких местах водятся особые коралловые рыбки, которые поедают с кожи морских великанов паразитов и кусочки омертвевшей кожи. На «станциях очистки» сильные течения, приносящие планктон, и манти с удовольствием кормятся им, пока рыбки обрабатывают их тело.

Мы добрались до заветного места. Прибойная волна

раскачивала нас на мелководье, подобно гигантским качелям. Вместе с нами перемещались туда-сюда и мелкие рыбешки, питающиеся планктоном. Белая взвесь в воде и белый песок на дне, перекатывающийся в такт приходящим и уходящим волнам, создавали иллюзию снежной пурги. Впечатление усилилось по истечении получаса: температура воды была около 23 градусов и в легком гидрокостюме я замерз.

Так и не дождавшись прихода манта, израсходовав весь запас воздуха, мы вынуждены были вернуться на борт катера.

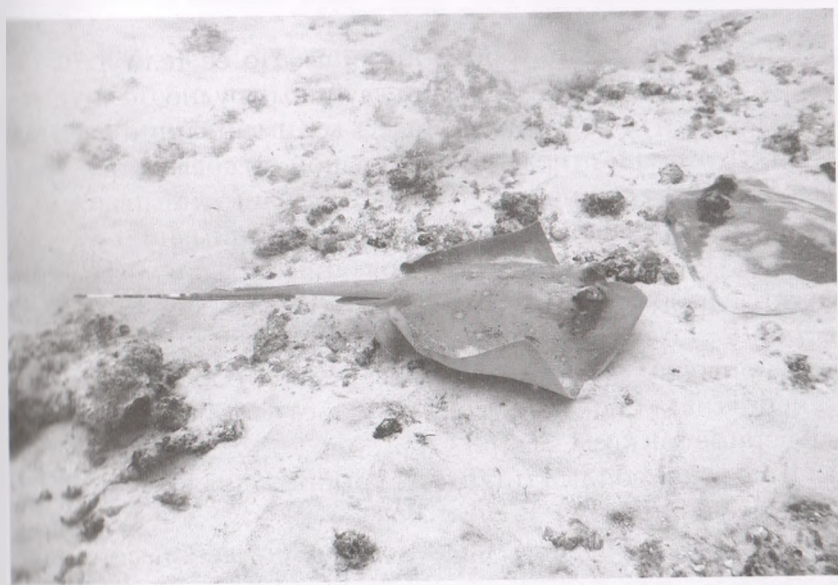
Я приуныл. Неужели мы так и не встретим морских гигантов?

Катер вошел в защищенную от ветра лагуну, где можно было спокойно отдохнуть перед новым погружением.

Ярко светило солнце. В лагуне волн не было, и в ней стояли на якоре несколько таких же катеров, как и наш. Между ними и берегом сновала небольшая лодка, за плату перевозившая желающих побродить по берегу. После качки на море приятно ступить на твердую землю, никуда не ускользающую из-под ног.

Мы с Олегом негромко обсуждали возможность встречи с молодой-молодой или с мантой, когда внезапно раздался возбужденный возглас одного из наших матросов: «Мола-мола!» Мы обернулись на крик и увидели смеющегося матроса, указывающего на берег. На пляже возвышался причудливый корень погибшего дерева. В изгибах его отростков устроились около десятка прекрасных девушек, одетых лишь в крохотные бикини. Обнаженные груди они целомудренно прикрывали ладонями рук. Это было восхитительное зрелище. Будто из воды выбрались на свет божий сестрицы-русалки и расселись в ветвях волшебного дерева из сказки. Каждая из девушек была образцом какой-то особой, отличной от остальных, красоты. Здесь были и восточные красавицы с темными волосами и карими глазами, и западные девы с русыми волосами и голубыми глазами, миниатюрные азиатки и высокие дочери севера. Откуда взялись они тут, на экваторе, на диком пляже острова Нуса Пенида? Рядом с красавицами мы заметили фотографа, деловито шелкающего затвором камеры. Девушки меняли позы, а отдыхающие

дайверы и матросы на катерах не сводили с них восхищенных взоров. Как потом мы узнали, в это время на Бали проходил конкурс красоты «Мисс Мира» и это были красавицы со всех концов нашей планеты. Была даже девушка из Кыргызстана.

Истек положенный для отдыха час – и мы снова в воде. На этот раз мы погружаемся в тихой бухте. Место погружения называется Кристал бей. Видимость хорошая и соответствует названию.

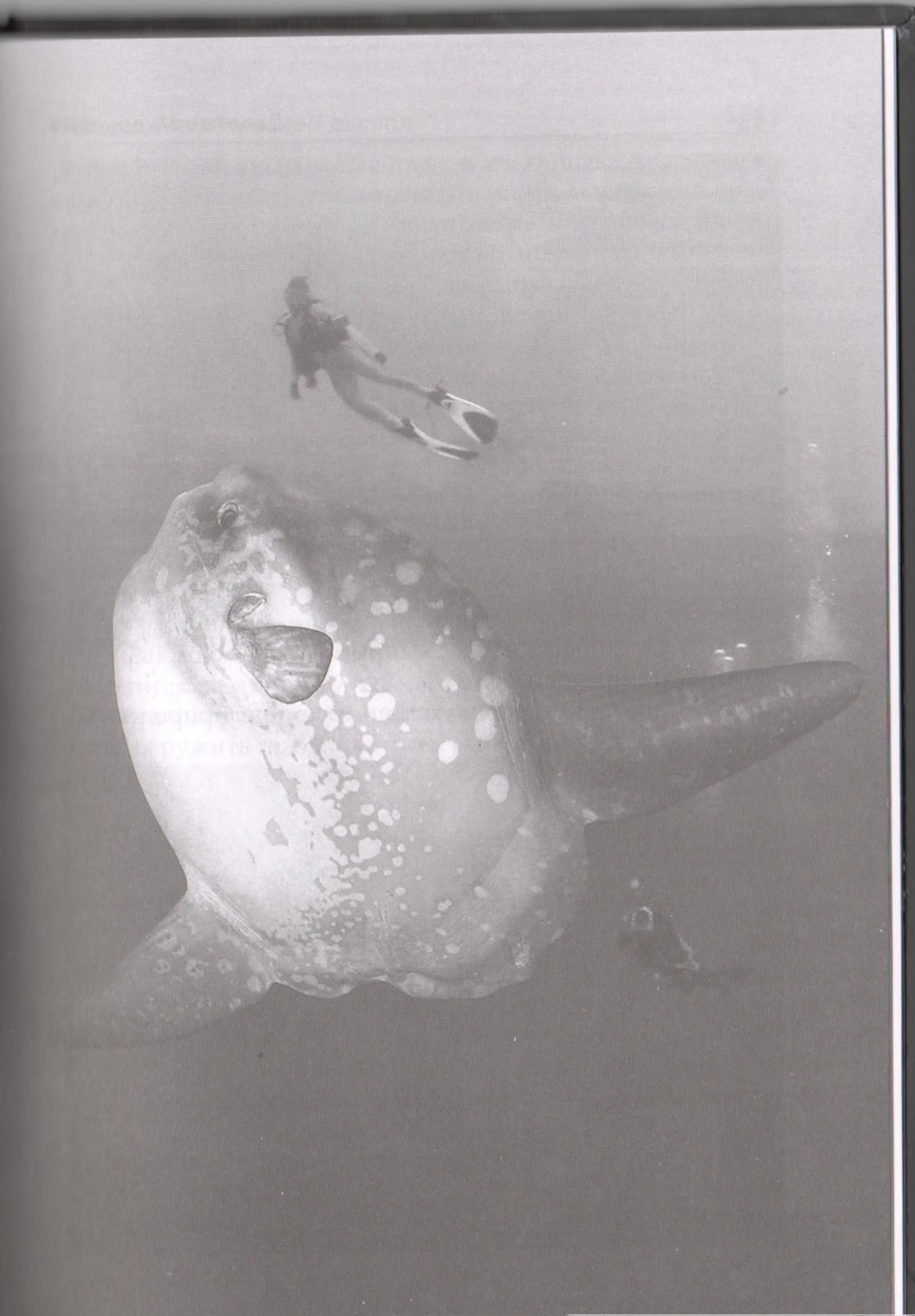
На глубине около двадцати метров мы проплываем над узкой песчаной долиной, сплошь усеянной скатами. Они закопались в песчаный грунт, и наружу торчат лишь их выпуклые, как у лягушек, глаза. Рыб так много, что они лежат друг на друге. Не выдержав нашего пристального внимания, некоторые из скатов срываются с места, поднимая при этом облако песка, и несутся прочь, чтобы поодаль вновь закопаться в грунт. Так они подстерегают добычу.

Мы плывем дальше, опускаясь вдоль уходящего вниз склона. Гид показывает знаками, что впереди что-то есть. Вскоре я замечаю на глубине около тридцати метров небольшую группу дайверов. А над ними застыло странное существо. Да это же мола-мола!

Рыба была трехметровой ширины. По ее телу шли небольшие пятна. Из-за большой глубины трудно было определить ее натуральный цвет – здесь все имеет синий оттенок. Круглые глаза и открытый, небольшой по сравнению с размерами тела рот придавали луне-рыбе удивленный вид. Она словно изумлялась столь пристальному вниманию к своей особе со стороны людей. Возле рыбины сновали желтые полосатые рыбы-идолы, напоминающие своими длинными спинными плавниками аквариумных скалярий. Их вытянутые мордочки смотрели слегка вверх, будто курносые носы. А через глаза проходила черная полоса, словно идолы надели черные маски.

Я медленно оплыл гигантскую рыбину, дивясь ее причудливому виду.

Наконец моле-моле надоело присутствие назойливых

зевак, выпускающих то и дело снопы воздушных пузырей, и она взмахнула своими плавниками. Плавала мола-мола странным образом – взмахивая в разные стороны спинным и нижним плавниками. За ней потянулись и курносые идолы. Вскоре луна-рыба скрылась из вида.

На следующий день мы встретились и с гигантским ска-том-мантой. Она грациозно появилась из-за скалистого утеса, плавно взмахивая своими боковыми плавниками, подобно гигантской черной птице. Длинные передние плавники, словно руки, направляли поток воды с планктоном в широко открытый рот. Манта легко скользила в воде, зависала на месте, несмотря на встречное течение. Глядя на нее, я вспомнил очертания самолета-невидимки «Стелса». Видимо, разработчики взяли за основу форму тела морского дьявола. Природа создала манту с совершенными аэродинамическими характеристиками. Манта может развивать приличную скорость и даже выпрыгивать из воды, паря над морской поверхностью.

Остров Бали интересен и своей наземной природой. Он

находится на линии Уоллеса, которая отделяет азиатскую фауну и флору от австралийской. Поэтому на острове можно обнаружить представителей животного и растительного мира двух континентов. Древние кратеры вулканов, заполненные водой, поросшие тропическим лесом склоны гор, живописные водопады – все эти красоты привлекают многочисленных туристов. Низкие цены и прекрасные возможности для отдыха и спорта сделали Бали излюбленным местом отдыха для австралийцев. Они приезжают сюда целыми семьями, люди всех возрастов переполняют местные отели.

Гордость жителей Бали – батик. Из этой ткани шьют мужские рубашки, женские сари, делают платки и скатерти. Другая гордость балийцев – резьба по дереву. На острове растут ценные породы деревьев: железное, эбонитовое, крокодиловое и многие другие. Мастера делают из них искусные поделки – настоящие произведения искусства!

А наше путешествие продолжается: теперь наша цель – архипелаг островов Раджа Ампат неподалеку от острова Папуа.

Папуа – самый дикий штат Индонезии. Плотность населения здесь менее восьми человек на квадратный километр. Огромные территории безлюдны. На них обитают лишь племена, живущие на уровне каменного века. Большая часть островов Раджа Амбата необитаема. Живописные зеленые островки архипелага с белоснежными пляжами раскиданы на огромном водном пространстве: в широтном направлении район тянется на 360 километров, в меридиональном на 300. Вся эта территория является заповедником.

Здесь насчитывается более 600 видов различных кораллов – это в десять раз больше, чем во всем бассейне Карибского моря! Раджа Амбат – настоящая фабрика морской жизни. Кораллы отсюда разносятся течениями по всем океанам. В водах архипелага обитает более 1220 видов рыб, из которых 25 видов эндемики Раджа Амбата. Редкие виды морских черепах, моллюсков, морских млекопитающих, огромные стаи рыб, дельфинов и китов – визитная карточка этого заповедника.

Попасть в этот район можно только на судне. Акватория

Раджа Амтата огромна: она включает в себя четыре больших острова, более 1500 мелких островов и необозримые водные пространства. Встретить тут другое судно удастся не часто. В отличие от Бали, где во всех местах погружений много групп дайверов, здесь мы совершали погружения лишь одной небольшой командой, собравшейся на палубе двухмачтовой шхуны с громким названием «Жемчужина Папуа».

Компания была интернациональная: супружеская пара индусов – врач Амит и его жена, дизайнер интерьера Молин, живущие в Гонконге; супруги из Таиланда – профессиональные туроператоры, дайв-гиды Зи и Пенни; молодая пара из Франции – Марина и ее бойфренд Джереми; и две четы из Кыргызстана – Олег и Света Лопатко и мы с женой. Гид Бенджамин – чистокровный англичанин из Манчестера, его помощник Марко – индонезиец, и разношерстная команда матросов со шхуны. В Индонезии проживает почти 250 миллионов человек, говорящих на 719 языках. Одних только папуасских языков 270. Персонал судна состоял из 11 человек: капитан, его помощник, матросы, механик, кок

с двумя помощниками и прочая obsлyга. Мне кажется, что каждый член команды шхуны был представителем одного из народов Индонезии. Марко, помощник Бена, имел ярко выраженные негроидные черты, капитан был малайцем, помощник повара жителем Комодо. Среди матросов один был явно папуасом. Он выделялся своей густой шевелюрой и более смуглой кожей.

«Жемчужина Папуа» – двухмачтовая гафельная шхуна с косыми голубыми парусами. У нее три палубы, белоснежный корпус – настоящая красавица! Правда, едва мы вышли из порта Соронга, как на шхуну обрушились целые потоки тропического ливня. Тут же в каютах полилась вода с потолка. Наше впечатление от шхуны несколько испортилось. Пришлось подставлять ведра и тазики. Хорошо, что за недельное плавание больше дождя не было и ничто не мешало нам наслаждаться жизнью на корабле.

Дайверская жизнь предельно проста: в 6 часов утра подъем, чашечка кофе, первое погружение. Затем завтрак, и второе погружение. Обед, и вновь под воду. Четвертое погруже-

ние – в семь часов вечера, после него ужин. Шхуна между тем переходит от одного острова к другому, уходя все дальше от цивилизации. Дайвер ест, спит и погружается – однообразная, на первый взгляд, жизнь.

Зато какая красота открывалась нам, когда мы попадали в подводное царство! Коралловые заросли кишели живностью. Стаи морских щук-барракуд, полосатых сладкогубов, огромных шишколобых рыб-попугаев и прочих рыб попадались повсеместно. Гиды привлекали наше внимание к макромиру – мелким существам, живущим на рифе. Голожаберные моллюски и черви всех мыслимых цветов и размеров, разноцветные, всех цветов радуги, креветки, морские коньки-пигмеи, миниатюрные бычки, раки-отшельники и множество неповторимых очаровательных созданий, известных разве что морским биологам, встречаются здесь на каждом шагу.

А ночные погружения дарили встречу с доселе невиданными нами творениями божьими: шагающими эполетными акулами, которые передвигаются по дну с помощью грудных плавников. Когда я увидел, как эполетная акула шустро ползает по дну, извиваясь всем телом, словно ящерица, я подумал, что именно подобные создания некогда первые выбрались из океана на сушу. Ученые говорят, что некоторые виды кошачьих акул, к которым относятся эполетные, могут обходиться без воды до 12 часов!

Другое удивительное создание, обитающее в водах Раджа Амната, – бородатая акула, воббегонг. Спинные плавники у этой акулы смещены далеко назад, причем передний находится примерно на уровне брюшных или еще дальше. Тело гибкое, приплюснутое и довольно широкое в передней части, расширяется к голове и заканчивается тупым округлым рылом.

Отличительная особенность воббегонгов – своеобразные кожные наросты в области головы и челюстей, напоминающие бороду. Эти приспособления помогают рыбе разрыхлять и просеивать песок в поисках мелких придонных организмов – рыбешек и беспозвоночных.

В заповеднике при погружениях запрещено использовать перчатки. Это сделано для того, чтобы дайверы не прикасались к кораллам и не ломали их. Но довольно часто мы попадали в сильные течения, и тогда, чтобы удержаться на месте, приходилось цепляться за скалы, невзирая на ожоги, получаемые от соприкосновения с зарослями кораллов. Кораллы – живые существа, вооруженные стрекательными железами, прикосновение к ним вызывает долго незаживающие раны.

Вечерами мы собираемся в кают-компании, просматриваем отснятый за день материал и делимся впечатлениями.

Это сафари отличается от предыдущих моих путешествий. Раньше я ездил клубной командой, меня окружали знакомые люди, говорящие на одном со мной языке. Здесь же, на «Жемчужине Папуа», собрались совершенно разные люди, отличные друг от друга и по культуре, и по положению в обществе.

Тон задают индийцы. Амит работает в американской фирме, его жена Молин выполняет заказы по оформлению интерьеров по всему миру. Чувствуется, что они хорошо за-

рабатывают и привыкли к должному к себе отношению. Бен сразу угадал в них дорогих клиентов и старается угодить им в расчете на приличные «чаевые». Молин ежедневно меняет наряды и бикини, вызывая зависть у женской половины нашей команды. Ее мать живет в Америке, отец в Индии, сама Молин осела в Гонконге, но часто путешествует. Поездки связаны с бизнесом и с посещением родителей.

Марине двадцать три года, и она наслаждается свободой. Ее мать обосновалась в Бразилии, родственники в Испании, по отцу она француженка, и жизнь в Париже ей нравится. Она вольная птица. Джереми явно моложе Марины и не сводит с нее глаз, потакая всем ее желаниям.

Тайцы держатся особняком. Зи почти не говорит по-английски, но он охотно общается с нами через свою жену Пенни. В Раджа Ампат они приехали в надежде расширить свой бизнес. Они предполагают присылать сюда своих клиентов. Тайцы во время погружений заняты съемкой собственного фильма. Они будут дарить его в качестве рекламного продукта своим потенциальным клиентам.

Мы разные, но нас объединила на этой шхуне любовь к познанию подводного мира. Вечерами мы собирались на верхней палубе и беседовали. Нам было интересно, как живут люди в других странах. А наших собеседников волновало, как обстоят дела у нас, в Кыргызстане. У Амига друзья живут в Казахстане. Он знает, где находится наша республика. Индийцы пожелали посетить Кыргызстан, чтобы увидеть наши горы. Иссык-Куль не привлек их, в нем слишком холодная вода. Молин заинтересовалась нашим прикладным искусством, и то, что я ей рассказал, привело ее в восторг. Она своими глазами захотела увидеть киргизскую вышивку-сайму, расшитые ковры – тушкийизы, национальные украшения.

У нас есть чем удивить гостей! Например, уникальными петроглифами – древними рисунками на скалах и камнях. Аналогов им нет нигде в мире. Они могли бы стать туристическим объектом мирового значения. Но для этого нужна большая работа ученых, распространение информации об этих культурно-исторических памятниках по всему миру. То

есть, нужны желание и упорная работа. И, кроме того – спокойствие в нашей республике.

Люди должны работать, созидать будущее. Пока же наш народ планомерно его разрушал, создавая имидж конфликтной, паразитирующей на грантах и подачках страны, не желающей создавать что-либо своими руками.

Я с завистью смотрел на добродушных жителей Бали. Вряд ли они живут богаче, чем жители Кыргызстана. Мне нравились улыбки матросов нашей шхуны. Они были рады, что мы приехали к ним с разных концов света. И я вспоминал недовольных жителей Прииссыккуля: «Понастроили пансионатов и отелей, скоро нас близко не подпустят к озеру!» Вспоминал пьяные компании на берегу, бьющие бутылки, агрессивно настроенную молодежь. Размышлял: кто же виноват в нашей плохой жизни? Неужели инвесторы, дающие мало денег местному населению? Или успешные бизнесмены, не желающие поделиться прибылью с голодными согражданами? А может быть, узбеки, русские и прочие граждане нетитульной нации, не владеющие государственным

языком? Разве желание хорошо жить не предполагает необходимость много и упорно трудиться? Почему так много молодежи в Кыргызстане получает религиозное образование? Разве можно создать благополучную процветающую страну без труда, одними молитвами?

У Кыргызстана есть огромный туристический потенциал. Но страна – это не только природные и исторические ресурсы, это, в первую очередь, люди, населяющие ее и определяющие ее самобытность и культуру. И они должны быть рады гостям. Ведь киргизы во всей своей истории, всегда отличались гостеприимством.

Я мечтал, что в будущем у нас в республике у людей будет достойная жизнь. К нам будут приезжать туристы, не беспокоясь за свою безопасность. А граждане нашей страны будут уверены в светлом будущем своих детей. По-моему, это необходимое условие нормального развития любого государства. Но это будущее вряд ли упадет к нам с неба, как манна небесная. Его нужно создать своими руками. Для этого нужна воля и желание сделать окружающий мир

лучше, чем он есть сейчас. А не рушить то, что у нас есть.

За двадцать лет независимости мы потеряли много больше, чем приобрели. И самое главное – мы потеряли веру в светлое будущее, лишились идеалов, которые определяли смысл нашей жизни. Мы потеряли своих детей, позволив им сутками сидеть у компьютеров и жить в виртуальном, а не в реальном мире. Мы утратили культуру, прекратив читать книги и отгородившись от достижений мировой цивилизации. Мы вернулись в средневековый мрак религиозного фанатизма и национализма.

Я погружался в морские пучины, и мрачные мысли уходили в сторону. Как прекрасен этот дикий мир! Какие удивительные и разнообразные создания населяют нашу планету. Как хорошо, что можно путешествовать. Видишь, как живут люди в разных уголках нашей планеты, и хочешь лучшее повторить у себя на родине, в Кыргызстане. Я вспомнил слова американского президента Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что страна сделала для тебя, спроси себя, что ты сделал для нее!» Хорошо, если бы мы постоянно помнили об этой

простой идее. Тогда бы, наверное, у нас была бы другая жизнь.

Кто у нас, как Нельсон Мандела, примирит народ и откроет перед ним новые перспективы? Кто вернет мигрантов и даст им работу? Кто остановит наших граждан, навсегда покидающих родину, ставшую злой мачехой? Или нам безразлично будущее нашей страны?

Мы живем здесь, потому что любим Кыргызстан. А вернее, любим свою страну, поэтому живем здесь, а не где-нибудь, где кормят лучше и где жить спокойней. И верим, что и у нас все будет хорошо. И желательно при нашей жизни.

В конце двадцатого века человечество видело себя стоящим на пороге великих свершений. Осваивался космос, человек заглянул в самые далекие уголки нашей галактики с помощью новейших телескопов, лазерная техника и мощные компьютеры стали обычными бытовыми вещами. Представлялось, еще чуть-чуть и люди войдут в удивительный мир, существовавший до сих пор лишь в умах писателей-фантастов. Но действительность оказалась совершенно иной.

Чудовищные взрывы 11 сентября 2001 года разбили эту мечту, словно стеклянную елочную игрушку. Мир утонул в насилии и средневековом невежестве. Национализм и религиозный фанатизм, жажда наживы и власти завладели умами миллионов жителей планеты. На земле не осталось места, где бы ни шла эта непрекращающаяся «третья мировая война», в которой нет правых и поэтому, наверняка, не будет долгожданной победы. Природные катастрофы, обусловленные изменением климата, и экологические трагедии, вызванные

деятельностью человека, часто непродуманной и направленной на извлечение сиюминутной прибыли, заставили людей говорить о пресловутом «конце света».

Как тут не вспомнить знаменитые слова профессора Преображенского: «Если я, вместо того, чтобы оперировать, начну... петь хором, у меня начнется разруха! Если я, ходя в уборную, начну... мочиться мимо унитаза..., в уборной получится разруха! Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах!» Доктор дает рецепт искоренения этой болезни: «...когда баритоны кричат: «Бей разруху!»... каждый из них должен дупить себя по затылку!»

В Кыргызстане за годы независимости выросло целое поколение людей, у которых разруха прочно укоренилась в голове. Стремление развивать государственный язык за счет отказа от широкого употребления русского языка привело к тому, что большая часть населения лишилась доступа к достижениям мировой культуры, в первую очередь, хранящимся в книгах.

Книгу во все века называли учебником жизни. Чтение книг – это путь к уникальным знаниям, который ведет человека вперед и дает возможности для улучшения жизни, профессионального и личностного самосовершенствования. Психологи утверждают, что чтение – неотъемлемый процесс на всех стадиях формирования личности и ее духовного роста, начиная с детского возраста, когда ребенку читают вслух родители, и заканчивая глубокой зрелостью. Неоценима польза чтения в подростковом возрасте. Читая, подростки не только развивают свою память, мышление и другие когнитивные процессы, они развивают и свою эмоциональную сферу, учатся любить, прощать, сопереживать, оценивать поступки, анализировать действия, проследивать причинно-следственные связи между событиями. Польза книг, позволяющих вырастить и воспитать целостную, гармоничную личность, очевидна.

«Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь делает остальное». Так писал о роли чтения Федор Михайлович Достоевский.

В процессе чтения у человека активно работает головной мозг, причем оба полушария: читая (работа левого полушария), человек постоянно рисует в своем воображении образы и картинки происходящего в сюжете (это уже работа правого полушария). Тем самым человек не только получает удовольствие от чтения, но и тренирует, развивает способности своего мозга.

Человек, смотрящий кинофильм, воспринимает его героев глазами режиссера, соединяет их образы с конкретными актерами. Зритель пассивен, у него работает лишь левое полушарие мозга. Читатель же создает в своей голове удивительный, волшебный мир, выступая в роли и чтеца, и режиссера, и героев произведений одновременно. У него активно работает и правое полушарие, развивается фантазия и творческие способности.

Люди, отлученные от книги, не могут полноценно развиваться. Миф о всезнании Интернета ничего не дает человеку, как и непрочитанная книга. Возможность получения информации не есть ее знание. Люди, пользующиеся калькулятором, напрочь забывают таблицу умножения и не могут произвести в уме элементарные арифметические действия.

Мортимер Адлер в своем произведении «Как читать книги» пишет: «Покупая книгу, вы делаете ее своим имуществом – таким же, как приобретенная одежда или мебель. Но в случае с книгами сам акт покупки – это прелюдия к обладанию. Полностью оно наступит только тогда, когда вы сделаете книгу частью себя». То есть, прочитаете ее и осмыслите.

Михаил Осоргин, известный русский писатель и книголюб, говорил, что в книгах заключены «останки чувств и знаний, оттиски самых сложных душевных движений, неслышанный горячий спор идей, мнений и взглядов на мир».

Люди читают книги для получения знаний, поиска идей и вдохновения, и, конечно же, каждая прочитанная книга вносит свой вклад в формирование у человека ценностей, мировоззрения, убеждений, в развитие его как Личности, что, безусловно, сказывается на всех уровнях жизни человека и во многом делает его Человеком.

Можно ли ожидать, что у нас в стране родится новый Айтматов? Писателем не станет тот, кто с детства не окружен книгами, писательское творчество невозможно без чтения великих книг. Как не раз отмечал Чингиз Торекулович, «чтение книг – это разговор с писателем». И чем умнее нас и богаче чувствами наш собеседник, тем больше пользы принесет нам эта беседа.

Если мы сводим наше повседневное общение лишь к бытовому и к получению информации из Интернета и телевидения, то неизбежно скудеет и наш словарный запас, и эмоциональное переживание. К сожалению, идя на поводу у безграмотного молодого поколения, и телевидение и политические деятели опускают планку общения, внося в разговорную речь слова-паразиты и жаргонный сленг (Путину на встрече с молодежью высказывали «респект и уважуху»).

Авторитарным властям, консервативным религиозным деятелям удобно управлять обществом, не способным к самостоятельному мышлению. Поэтому диктаторы, во все времена, в первую очередь уничтожали книги как опасное психологическое оружие и переписывали историю. Исламистские фанатики идут еще дальше, уничтожая произведения искусства, исторические артефакты, перечеркивая всю мировую культуру. (Вспомните статуи Будды в Афганистане, Каирский музей, музей в Багдаде, то, что творится сейчас в Сирии.)

Человек читающий может мыслить, принимать решения, анализировать и влиять на окружающих, поэтому он так опасен для узурпаторов. Те же, кто смотрит «мыльные оперы» по телевизору, кто легко зомбируется, ввиду отсутствия личного мнения и способности к самостоятельному мышлению, очень удобны – за них можно принимать решения.

Рэй Бредбери в «451° по Фаренгейту» описывает общество, в котором сжигают книги. Там люди, спасая культуру, запоминают наизусть произведения классиков. А у нас можно спокойно зайти в книжный магазин и купить практически любую книгу. Почему же с каждым годом посетителей магазинов становится все меньше? Только ли в том дело, что бумажная книга утратила свое значение?

Бытует мнение, что книга уходит в Интернет. Но аппараты для чтения есть у единиц, доступ в Интернет для большинства населения республики невозможен из-за отсутствия компьютеров и самого Интернета в регионах нашей страны.

Основные причины снижения интереса к книгам и чтению в Кыргызстане – это: отсутствие системы книгораспространения, культурных программ на телевидении, посвященных литературе и писателям, пропаганды чтения как самого важного инструмента развития личности, не только ребенка, но и взрослого человека.

Чтение книг помогает развить мышление, воображение, умение принимать обдуманные решения, а также перенять опыт других людей для достижения успеха в жизни и преодоления трудностей и препятствий.

Много ли книг читают наши депутаты и члены правительства? Можно ли от них ожидать взвешенных и правильных решений? Спросите у них, какие книги произвели на них сильное впечатление, что они прочитали за последнее время?

Электронная книга, конечно, удобна. В устройстве для чтения можно разместить тысячи произведений и читать в поездках, на отдыхе, в любом месте при наличии времени.

Чтение бумажных книг отличается от получения информации с монитора, особенно, если это книги по искусству или детские. Ребенку необходимо соучаствовать в чтении, рассматривать иллюстрации, самому общаться с книгой, многократно пересказывая ее содержание, имитируя чтение взрослого человека. Нужно с пеленок приучать общению с книгой. Для этого существуют книги-погремушки, книги-игрушки, книги для ванны и прочее.

Игра в компьютерные игры может развить лишь определенную реакцию, полностью выключая воображение и творчество в ребенке. Если хотите воспитать творческую личность, читайте с ребенком книги, заинтересуйте его чтением. Пусть он откроет для себя новые миры, полные новых знаний и чувств. Это поможет вашему ребенку развить свои способности, найти свой путь в жизни.

Чтение обогащает человека не только знаниями, но и чувствами. Читающий человек более уверен в себе, четко и ясно мыслит, способен сопереживать, интересен в беседе, склонен к творчеству. Вряд ли он станет убивать себе подобных из-за религиозных разногласий или национальных различий. Трудно представить, что читающий человек будет участвовать в мародерстве или грабеже.

Но книга книге рознь. Есть произведения, пережившие века, и есть однодневки, о которых завтра забудут. Достоевский призывал читать «книги серьезные». Для того, чтобы считаться культурным человеком, необходимо прочитать и осмыслить то, что составляет мировое наследие человечества. Это и Хемингуэй, и Фолкнер, и Толстой, и Чехов, и Шекспир, и Омар Хайям. Список можно продолжать, в нем есть и Чингиз Айтматов. В любом книжном магазине можно найти список необходимых книг, которые должен прочитать современный человек, начиная с раннего детства. Там будут и современные авторы. Например, Вебер, Кен Кизи или Зюскинд.

М. Адлер советует в ходе чтения делать ремарки на полях книги. «Почему отметки на полях необходимы для чтения? Во-первых, это пробуждает вас – в самом широком смысле. Во-вторых, активное чтение – это размышление, а размышление обычно выражается в словах, устных или письменных. Если человек говорит, что он мысленно что-то понимает, но не может это объяснить словами, значит, он не понимает свои мысли. В-третьих, записи о собственных впечатлениях помогут вам запомнить мысли автора».

«Чтение должно быть разговором между вами и автором, – продолжает М. Адлер. – Вероятно, он знает о предмете больше вас – в обратном случае вас бы не заинтересовала его книга. Но понимание – это двухсторонний процесс. Ученик должен задавать вопросы себе и учителю, пока не поймет, о чем идет речь. Ремарки на полях – это литературное выражение ваших разногласий или солидарности с автором. Это самая большая дань уважения, которую вы можете ему принести».

Психологи различают три уровня культуры чтения. Пер-

вый – это восприятие сюжета. Второй – познание новой информации. Третий – оценка художественного достоинства прочитанного. К сожалению, третий уровень для многих современных читателей недостижим.

Чем больше человек читает хорошей литературы, тем выше его читательский уровень. С книгами так же, как и с людьми, говорил Фейербах: со многими мы знакомимся, но лишь некоторые становятся нашими друзьями.

Большевикам досталась полуграмотная Россия с совершенно безграмотными окраинами. Но в короткий срок они смогли достичь поголовной грамотности, создать массу издательств и выпустить огромное количество книг, ибо коммунисты знали, что книги – это оружие, способное воспитать нужных им людей. Путь к процветанию лежит и через чтение.

Будущее нашей страны, наших детей зависит от судьбы книги в Кыргызстане. Неважно, в каком формате будут читать книги: в бумажном или цифровом. Вопрос лишь в том, будут ли читать?

Мишель Монтень называл книги «кораблями мысли». Не хотелось бы, чтобы эти корабли проплывали мимо нашей республики. Судьба книги в руках каждого гражданина нашей страны. Читайте, господа, не тратьте бесценное время вашей жизни на пустые, разрушающие вас занятия! Не оправдывайте себя дороговизной книг, вы тратите много больше на пиво, сигареты и прочие вредные и бессмысленные вещи. Чтение может изменить качество вашей жизни, а с ней и будущее Кыргызстана. Помните, что ваш ребенок станет Человеком, только прочитав «нужные книги».

Виктор Кадыров
ТАЙНЫ ИССЫК-КУЛЯ

Повесть, рассказы, очерки

Редактор Л. Гарающенко
Дизайн и компьютерная верстка О. Кадырова

Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Палатино Линотип.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88
Тираж 250 экз.

Издательство «Раритет»
Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Трудовая, 16
Тел. (+996 312) 64 49 02; факс: (+996 312) 64 48 73
E-mail: rarity@ktnet.kg
www.books.kg

Отпечатано в типографии «Имак Офсет»

 DADJET